

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Заболотная Софья Андреевна

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ
НА ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Специальность 10.02.03 – славянские языки

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Г.Ф. Ковалёв

Воронеж
2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Теоретические предпосылки перевода ономастических единиц с русского на другой славянский язык	21
§ 1. К истории основных аспектов вопроса	21
1.1. К истории славяно-славянского литературного перевода	21
1.2. К истории перевода ономастических единиц и его теоретического осмысления	33
§ 2. Коннотативное значение имени собственного и языковая картина мира	40
§ 3. Лингвокультурная специфика значения имени собственного	46
§ 4. Имя собственное в переводе и явление прецедентности	53
§ 5. Имя собственное и проблема переводимости	60
§ 6. Переводческие примечания как фактор восприятия переводного текста	65
Выводы	68
Глава II. Формальный аспект представления онимов при переводе с русского на другой славянский язык	70
§ 1. Классификация способов представления имени собственного при переводе и их соотношение	70
§ 2. Транскрипция и транслитерация имён собственных при переводе	74
2.1. Транскрипция имён собственных оригинала в кириллической графике	77
2.2. Транскрипция имён собственных оригинала в латинской графике	81
2.3. Фонетические соответствия в ономастических единицах перевода	87
2.4. Транскрипция в соотношении с традиционными аналогами имени и вопрос интерпретации текста	93

2.5. Транслитерация имён собственных оригинала	96
§ 3. Морфологическая адаптация онимов в переводе	98
3.1. Категория вокатива и имя собственное в переводе	102
3.2. Морфологические свойства фамилии в принимающем языке	110
§ 4. Имя собственное в словообразовательной парадигме принимающего языка	115
4.1. Особенности передачи деминутивных имён собственных в переводе	116
4.2. Притяжательные формы имён собственных в переводе	122
4.3. Проблема передачи формы отчества в западнославянском и южнославянском тексте	124
Выводы	132
Глава III. Семантический аспект представления онимов при переводе с русского на другой славянский язык	134
§ 1. Ономастическая коннотация в славяно-славянском художественном переводе	134
§ 2. Семантические приращения и семантическая компрессия в онимах при переводе	138
§ 3. Достижение эквивалентности путём калькирования онимов	145
3.1. Калькирование онимов с низкой степенью образности	145
3.2. Калькирование онимов с высокой степенью образности	147
§ 4. Эквивалентная замена ономастических реалий	160
4.1. Собственно замена ономастической реалии	161
4.2. Родо-видовая замена реалии	172
4.3. Ономастический каламбур в переводе	177
§ 5. Несовпадение набора онимов в текстах оригинала и перевода	182

§ 6. Мультиязычность ономастикона как проблема перевода	187
Выводы	191
Заключение	193
Сокращения	199
Источники	201
Словари и справочная литература	203
Список использованной литературы	208
Электронные ресурсы	265

ВВЕДЕНИЕ

В нынешнюю эпоху активных межъязыковых и межкультурных взаимодействий сопоставительные исследования являются одним из актуальных научных направлений, позволяющих рассмотреть механизмы эквивалентной передачи языковых единиц, от отдельных слов вплоть до текстов, и выявить языковые и культурные особенности каждой стороны. Что касается перевода, то, «как ни парадоксально, эта древнейшая и сложнейшая деятельность имеет весьма молодую теорию, сравнимую по возрасту с генетикой и кибернетикой» [Гарбовский 2007: 4]. Широчайший практический опыт художественных переводов требует своего теоретического осмысления, в котором важная роль отводится особенностям восприятия переводного текста. Перевод, в особенности перевод художественного произведения, есть процесс творческий, и по этой причине при исследовании процессов перевода невозможно игнорировать богатый опыт переводчиков-практиков, описанный ими в публицистических работах и научных трудах [Кундзич 1955; Россельс 1955, 1984; Рыльский 1958; Велюгин 1968; Кашкин 1977; Ленков 1977; Tuwim 1979; Флорин 1983; Сандауэр 1988; Хелемский 1988; Пунг 1990; Галь 2001; Петкова 2002; Малити-Франева 2008; Петровић 2008; Чуковский 2011; Любимов 2012 и др.]

Научные работы по теории перевода многочисленны, столь же многочисленны и работы по поэтике онама [Магазаник 1978], но лишь часть из них совмещает проблематику той и другой областей научного знания, касаясь особенностей передачи имени собственного при переводе художественного текста, хотя в обеих сферах накоплен обширный практический и исследовательский опыт. Существующие труды, посвящённые передаче ономастических единиц в переводе, по преимуществу не затрагивают проблематику перевода художественного текста. Между тем современные

исследования переводов имён собственных в художественном произведении касаются, как правило, переводов с русского (или других славянских языков) на романские или германские языки и наоборот [Томашевский 1972; Найдов 1975; Ермолович 1981; Хазагеров 1981; Холман 1989; Аникина 2000; Гудманян 2000; Сидорова 2001; Гулинов 2002; Мартемьянова 2002; Правдикова 2002; Вылегжанина 2003; Меркулова 2003; Ефимова 2004; Калашников 2004; Миронова 2004; Санжеева 2004; Иванов 2006; Лахно 2006; Аблова 2007; Петков 2008; Петровић 2008; Рылов 2008; Сидоркина 2008; Зимовец 2009; Мирзаханова 2009; Демидова 2011; Денисова 2011; Зырянова 2011; Костионова 2011; Явари 2011; Авидзба, Сихарулидзе 2012; Булгакова 2012; Лещинская 2012; Спектор 2012; Суханова 2012; Прийтенко 2013; Смирнова 2013; Жулидов 2014; Мырина 2014; Шум 2014; Гудий 2015 и др.] Язык художественных произведений славянских авторов рассматривается вне аспекта перевода (например, язык произведений писателей Западных Балкан в работах Г.Г.Тяпко), в то время как славяно-славянский художественный перевод исследуется прежде всего в плане представления апеллятивной лексики, в том числе её словообразовательных особенностей [Князькова 2009; Русских 2009], фразеологических сочетаний [Гюлумянц 1967; Васильева 1984; Мароевић 1989; Величкович 2003; Дракулич-Прийма 2006; Йелинек 2006; Пеянович 2006; Лопачук 2010; Назаренко 2010; Гасек 2011; Алефиренко 2012] и паремиологии [Шетэля 2014, 2016], изобразительно-выразительных средств языка [Жакова 1966; Шимонюк 1970; Grosbart 1973; Рагойша 1980; Богомолова 1989; Малиева 1994; Станкевич 2005; Соловьёва 2001; Ликоманова 2006; Ананьина 2008; Костюшко 2011; Пелихов 2011; Фёдорова 2012; Проскурина 2013; Jelínek 2014], передачи реалий [Кишкин 1968; Флорин, Влахов 1980; Мароевић 1989; Мархвиньский 1997; Беличева 2002; Станкевич 2005; Степаненко 2007; Малити-Франева 2008; Шаповалова 2009; Паламарчук, Чмир 2010; Сидоренко 2011], синтаксиса [Копенкина 2014], ритмики и метрики

стихотворного текста [Будагова 1965; Рыжова 1983; Мароевич 1990 (2); Ликоманова 2006; Колчакова 2007; Воژیć 2014], а также вербального представления национальной картины мира в целом [Раздобудко-Човић 2005]. Однако лишь небольшая часть работ полностью или частично посвящена специфическим проблемам передачи славянских онимов при переводе художественного произведения [Rzeźnicka 1994; Ангелова 2002; Ковалёв 2009; Раевская 2009; Ochniak 2011]. При этом исследователи констатируют, что крупные обобщающие труды по теории и практике перевода славянских языков практически отсутствуют [Федорова 2011: 409].

Принадлежность славянских языков к единой семье порождает семантические трудности при внутреннем переводе: парадоксально, но этимологическая и фонетическая близость славянских имён скорее усложняет задачи переводчика, нежели облегчает их [Živanović 1975: 371, Тимофеев 1981: 23]. Причины этого в значительной мере заключаются в распространённой межъязыковой лексической и морфемной омонимии. По мнению А.А. Потебни, «трудность самого наблюдения различий в эффектах увеличивается, когда мы имеем дело со словами одного происхождения в обоих языках; сходное в двух языках одного происхождения происходит не оттого, что пути их развития действительно сходятся, а оттого, что, расходясь от одной точки, они некоторое время идут почти параллельно друг подле друга» [Потебня 1976: 265]. Поэтому проблемы межславянского перевода требуют специального детального исследования применительно к каждому конкретному переводческому аспекту.

Одна из центральных проблем, к которым сводится исследование перевода ономастики, заключается в следующем: возможен ли перевод имён собственных как таковой? При ответе на этот вопрос, несомненно, различаются имена собственные, используемые вне художественного текста, и так называемые поэтонимы [Калинкин 1999], то есть *nomina propria* в литературном тексте. В

отношении первых исследователи расходятся во мнении о необходимости перевода. С одной стороны, «перевода в ономастике не существует» [Момировска 2004: 59] – максимум, о чём ведут речь сторонники такого подхода, – это фонетическая адаптация. С другой стороны, говорят о переводе собственных названий, с оговоркой об обязательном соблюдении требования эквивалентности [Левицкий URL]. С целью достижения единообразия в написании ономастической лексики для некоторых языков созданы комплексные руководства по практической транскрипции, в том числе именно по транскрипции иноязычных онимов [Ермолович 2004; Арсова-Николиќ 1998], системные соответствия отражаются в словарях или разделах словарей (для славянских языков, например, соответственно [Lewicki 2008; РСТР 2012]). Впрочем, если вопрос о необходимости перевода актуален для имён собственных вне художественного текста, то в отношении онимов в литературном тексте сомнений в необходимости смыслового воспроизведения имени не возникает. Ю.Н. Тынянов отмечал: «В художественном произведении нет неговорящих имен. <...> Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» [Тынянов 1977: 269].

Следует отметить, что в реальности в отношении художественного перевода нередко используется практика опосредованного (вторичного) перевода, которая, как правило, характерна для культур, переживающих этап становления национального литературного языка и литературной традиции. Так, она до сих пор распространена в южнославянской языковой среде, где по сей день продолжается номинальное разделение языков и нет возможности создать отдельный полноценный перевод оригинального текста для каждого из них: переводы произведений русской литературы на ныне признанные черногорский, бошняцкий, а зачастую и на македонский язык преимущественно выполняются с текста сербского перевода. Порой такой механизм перевода позиционируется как

неизбежный [Rajić 1981: 201]. Речь идёт о «стремлении ускорить развитие принимающей среды» [Попович 1980: 60], что зачастую выглядит как намеренное обособление языков и культур, имеющее политическую подоплёку. Подобный подход к переводу является весьма распространённым в славянской среде, в особенности применительно к реалиям балканских стран. Считается, что опосредованный перевод в принципе может быть оправдан как крайняя мера и в тех случаях, когда принимающей культуре не хватает переводчиков, когда принимающая литература является отдалённой от литературы (и культуры), к которой принадлежит оригинальный текст [Попович 1980: 60], однако в случае настоящего исследования о подобной ситуации речь не идёт.

Теория и практика перевода справедливо уделяет всё большее внимание понятию культуры исходного текста, культуры перевода: «переводчики нового поколения в большей степени, чем прежде, концентрируются на достижении взаимопонимания в области культур, эффективного культурного диалога» [Тимко 2010: 53-54]. В последнее время среди прочих бытует мнение, согласно которому частичная утрата семантического наполнения при переводе не только неизбежна, но и необходима, в частности, в порядке адаптации текста для восприятия читателем с иным кругом фоновых знаний и стереотипных представлений [Горина, Милостивая 2010]. Тем не менее традиционной среди практиков и теоретиков перевода остаётся позиция, предполагающая максимальное сохранение содержания или экспрессивного эффекта подлинника в переводе. Исследователями признано, что слова, несущие этнокультурную информацию (так называемые этнокультуремы), составляют тот слой языка, который при переводе выступает как базис [Сипко 1999: 132]. При переводе социокультурная составляющая в значении имени собственного актуализируется. Однако несмотря на распространённость исследований в области соотношения языка и культуры, такой ёмкий в отношении культурного содержания элемент, как собственные

имена, в работах по лингвокультурологии, как правило, не получает последовательного освещения. Недостаточное внимание уделяется собственным именам в учебных пособиях по межкультурной коммуникации, лингвострановедению и лингвокультурологии [Гринштейн 2002: 89].

Таким образом, *актуальность* настоящей работы определяется растущей интенсивностью процессов межкультурной коммуникации, когда для адекватной рецепции текста необходима максимально эквивалентная передача его смыслов, в особенности если речь идёт о художественном произведении. Поскольку имена собственные в художественном тексте представляют собой своего рода семантические доминанты, их смысловое наполнение заслуживает особенно тщательного воспроизведения при переводе. В сущности, это «установление межъязыковых соответствий на уровне культурного компонента, который имеет многоаспектную структуру, включающую не только элементы, создающие культурно-исторический фон, но и особенности видения мира автором переводимого текста <...>, переводчиком и читателем перевода» [Скибо 1998: 98]. До настоящего времени представление ономастических единиц в переводе художественного текста с русского на другой славянский язык не подвергалось детальному описанию с позиций одновременно литературной ономастики и переводоведения.

Научная новизна работы заключается в том, что детальный анализ представления имён собственных в переводе впервые осуществляется в ней на примерах из разных славянских языков, с привлечением данных истории языка и примеров современного функционирования ономастической лексики. В работе рассматривается как содержательный, так и формальный аспект представления *nomina propria* в тексте перевода.

Целью настоящей работы является анализ воспроизведения ономастической системы художественного произведения в переводах на некоторые славянские

языки: польский, чешский, словацкий, сербский, македонский (на примере романов М.А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»).

Данная цель достигается решением следующих *задач*:

1. Выборка ономастических единиц из текстов романов М.А. Булгакова в переводе на различные славянские языки (польский, чешский, словацкий, сербский, македонский) и оригинале и рассмотрение способов представления онимов оригинала в переводе.

2. Выявление специфики передачи ономастических единиц в каждом случае перевода и определение закономерностей её проявления.

3. Определение адекватности передачи ономастических единиц путём рассмотрения соотношения семантического наполнения ономастических единиц в оригинале и переводе с учётом особенностей предполагаемого восприятия онимов иностранными читателями в контексте художественного произведения.

Объектом исследования является совокупность онимов в текстах романов М.А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» в оригинале и переводе на польский, чешский, словацкий, сербский, македонский языки.

Предмет настоящего исследования составляет сфера значения имён собственных текстов романов М.А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», коннотации имён, существующие в оригинале и по возможности представленные в переводе.

Материалом исследования явились представленные в данных текстах ономастические единицы и их производные (всего свыше 2400) с учётом контекстов в их сопоставлении с ономастическими единицами оригиналов. Для рассмотрения были выбраны ономастические единицы всех типов, содержащихся в источниках. В романе «Белая гвардия» представлены преимущественно антропонимы и топонимы (в том числе урбанонимы, хоронимы, гидронимы, микротопонимы и т.д.). К антропонимам относятся 192 имени, прозвища и

псевдонима, не считая их вариаций; топонимов насчитывается 113. Кроме того, в тексте представлены эргонимы (13), названия литературных и музыкальных произведений (13), зооним – иппоним (1), астрономы (3), геортонимы (1), мифонимы (4), фалеронимы (2), хремотонимы (3), этнонимы (19) и катойконимы (3) и их производные (34). В романе «Мастер и Маргарита» насчитывается более 300 имён собственных, также представляющих в основном антропонимы и топонимы (в том числе хоронимы, гидронимы, микротопонимы, дромонимы и т.д.). К первым относятся 176 имён, прозвищ и псевдонимов, не считая их вариаций, ко вторым – 112 названий. В тексте также представлены эргонимы (13), названия литературных и музыкальных произведений (11), зоонимы – кинонимы (2), астрономы (1), геортонимы (1), мифонимы (12), этнонимы (9) и катойконимы (3) и их производные (35), в том числе 3 из них в составе фразеологизмов. Таким образом, большинство ономастических единиц в рассмотренных текстах составляют антропонимы (около 51%), что представляется естественным: «характерной особенностью любого художественного текста является его антропоцентричность» [Линтнер 2010: 18].

Источниками исследования послужили тексты романов М.А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» в оригинале и переводе на польский, чешский, словацкий, сербский, македонский языки – всего 10 текстов [Lewandowska, Dąbrowski 1972, 1998; Чолић 1973, 2003; Izakovič 1987; Morávková 1989, 2002; Урошевиќ 1996; Takáčová 2002; Dvořák 2005]¹ (кроме того, в качестве фонового материала задействованы тексты романа «Мастер и Маргарита» в переводе на болгарский и украинский языки [Балова 2012; Білорус 2005]). Именно эти произведения, в своём оригинальном варианте являющиеся обязательными для русского читателя, способны выступить в качестве иллюстрации

---

¹ Над переводом романа «Белая гвардия» на македонский язык в настоящий момент работает М. Наумовски.

максимальной стилистико-семантической и ассоциативной функциональности имён собственных в контексте художественного произведения, а следовательно, существенной необходимости их адекватного представления в переводе. М.А. Булгаков не только чрезвычайно внимательно относился к подбору имён для персонажей, но и предельно насыщал текст «говорящими», им изобретенными именованиями. Указанные тексты в высокой степени прецедентны для русского читателя и в силу своей афористичности могут рассматриваться как потенциально прецедентные для читателей перевода.

Необходимо отметить, что в современном переводоведении существует ряд признанных тенденций в отношении исследуемого материала. Так, считается, что перевод прозы исследуют реже, чем перевод поэзии [Urbanek 1996: 285]. Невозможно не отметить тот факт, что материалом для современных исследований, рассматривающих *nomina propria* в переводе, зачастую становятся литературные произведения жанра фэнтези [Бревнова 2002; Елисеева 2002; Головки 2004; Иванов 2006; Киселёва 2007; Полякова 2007; Белей 2008; Бережная 2008; Петков 2008; Гребенюк 2012; Рогачева 2012; Новичков 2013], детская литература [Jahnová 1988; Крисань 2003; Буторина, Кислицына 2010] и т.п. Нет сомнения в том, что подобные работы имеют дело с популярными, востребованными на настоящий момент текстами и уже потому представляются актуальными. Однако произведения классической русской литературы являют собой намного более содержательный источник исследовательского материала, в особенности если речь идёт об именах собственных во всём богатстве их национально-культурных смыслов. Кроме того, поэтика классических произведений отечественной литературы не была обусловлена коммерческими требованиями книгоиздания (на коммерческие предпосылки разработки ономастикона в оригинале и переводе, говоря о современном мировом, преимущественно англоязычном информационном пространстве и книжном

рынке, обратил внимание на XLII Международной филологической конференции СПбГУ проф. В.И. Шадрин (14 марта 2013 г.). В частности, именно проза М.А. Булгакова является популярным материалом для переводоведческих исследований [Беличева 2001; Фененко 2001; Ролина 2009; Горина, Милостивая 2010; Лопачук 2010; Минбо 2010; Плахова 2010; Лещинская 2012] в силу яркого стилистического своеобразия и насыщенности текстов различного рода реалиями. Анализ некоторых аспектов передачи ономастикона романа «Мастер и Маргарита» послужил материалом для глав пособия Н.К. Гарбовского по теории перевода, посвящённых ономастической образности в переводе [Гарбовский 2007].

Произведения М.А. Булгакова пользуются неизменной популярностью среди читателей в славянских странах, где в настоящее время сохраняется интерес к русской литературе в целом: её произведения по-прежнему являются не только предметом научных исследований, учебных курсов, но и прецедентными культурными феноменами (например, повторная волна интереса к русской литературе отмечается на славянском пространстве Балкан [Ристески 2003: 403]). Е. Твердислова связывает внутреннее родство польской литературы и булгаковского творчества с общей для них насыщенностью мистикой, юмором и сатирой всех оттенков: «Булгаков – поистине «польский» писатель – так естественно и органично его творчество вписывается в польскую литературную культуру, отвечая вкусам, пристрастиям, традициям и художественному опыту поляков в целом» [Твердислова 1991: 110]. При этом в романах «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» обнаруживаются яркие отсылки к творчеству Г. Сенкевича [Соколов 2008: 123-124]. М.А. Булгаков поляками воспринимается как «своего рода гид по русскому миру», а роман «Мастер и Маргарита» в Польше принадлежит к числу обязательных текстов: начиная с 1984 г. он входит в школьную программу [Володзько-Буткевич 2012: 671]. В настоящее время

булгаковедение успешно развивается в Словакии [Муранска 2012]. Произведения М.А. Булгакова были активно восприняты и южными славянами [Шешкен 1991]. О популярности творчества М.А. Булгакова в Чехии свидетельствует не только многочисленность посвящённых ему исследовательских работ, но и появление в 2005 г. новейшего перевода романа «Мастер и Маргарита», выполненного Л. Дворжаком, при существовании признанного, «канонического» перевода А. Моравковой (1969 г.). Тот же роман был неоднократно переведён и на польский язык (наиболее известные переводы: И. Левандовска, В. Домбровский, 1969 г.; А. Дравич, 1995 г.). В 2012 г. в Кракове состоялась международная научная конференция «Михаил Булгаков, его время и мы» («Michaił Bułhakow, jego czasy i tu»), по итогам которой была издана одноимённая коллективная монография, а международная научная конференция «Михаил Булгаков и славянская культура», которая состоялась 17-19 мая 2016 г. в Институте славяноведения РАН, свидетельствует о неиссякающем интересе к творчеству М.А. Булгакова в славянском культурном пространстве. По причине популярности и прецедентности текстов произведений М.А. Булгакова у западных и южных славян настоящее исследование использует данные тексты в качестве источников материала.

Методы настоящего исследования определяются как описательный, сопоставительный и сравнительно-исторический, поскольку в работе проводится сравнение онимов в системе родственных славянских языков с элементами исторического комментирования их развития. В работе использованы также приёмы ономастического анализа. Для выявления ассоциативного значения онимов в конкретном языке целесообразным представляется компонентный анализ их семантики, проводимый с использованием опроса среди носителей языка и привлечением литературных контекстов. Специальные термины употреблены в соответствии с их значениями, представленными в «Словаре

русской ономастической терминологии» [Подольская 1988]. Методической основой работы послужили труды классиков отечественной транслатографии [Фёдоров 1968, 1971; Реформатский 1972, 2001; Комиссаров 1973, 1990; Гак 1977, 2000; Бархударов 1979; Виноградов 1980; Якобсон 1985; Топер 1998, 2001; Рецкер 2004; Гарбовский 2007], а также основополагающие труды отечественных исследователей в области ономастики [Мгеладзе 1970; Бондалетов 1970, 1983; Суперанская 1973, 1978; Никонов 1970, 1974; Карпенко 1980, 1984, 1987] и труды по литературной ономастике [Магазаник 1963, 1971, 1978; Андреева 1977; Силаева 1977; Фонякова 1990; Супрун 1993, 2000; Калинин 1999; Ковалёв 1999, 2001, 2004, 2005, 2014; Рылов 2001, 2006, 2007, 2008; Рогалев 2003; Михайлов 2008; Васильева 2009; Зинин URL и др]. В силу специфики темы настоящего исследования особое внимание при его подготовке было уделено трудам славянских теоретиков перевода и межкультурной коммуникации [Левый 1974; Сибиновић 1979; Попович 1980; Lebidziński 1981; Васева 1982, 1989; Ferenčik 1982; Флорин 1983; Vilikovský 1984; Лилова 1985; Kučera 1986; Мико 1988; Elman 1988; Мароевић 1989; Lewicki 1993; Hrdlička 1995; Ignas 1995; Dańska-Prokop 1997; Balcerzan 1998; Иванова 1999; Сипко 1999, 2000; Јовановић 2001; Kusá 2005; Ликоманова 2006], а также славянских ономастов [Majtán 1986; Knappová 1989; Георгиев 1990; Кореčný 1991; Ковачев 1995; Blanař 1996; Šrámek 1999; Kollár 2000; Patráš 2003; Žemberová 2003; Wolnicz-Pawłowska URL]. В ходе изучения теоретических работ по теме мы столкнулись с явлением переводческой рекурсии, когда работы, посвящённые теории перевода, преподносятся в переводе советских / российских теоретиков (И. Левый – В. Россельс) или автопереводе (Й. Сипко).

Научные исследования в сфере литературной ономастики составляют важный результат исследовательской деятельности воронежской ономастической школы, способный обогатить новыми смыслами, сделать интересным, живым и

плодотворным школьные и вузовские занятия по литературе [Ковалёв 2005: 4]. В связи с этим настоящая работа не преследует цель выявить истоки и детально проанализировать семантику ономастикона произведений М.А. Булгакова, так как представителями воронежской ономастической школы эти вопросы уже были детально рассмотрены [Ковалёв 1999, 2001, 2004, 2005, 2011, 2014; Устьянцева 2002 и др.] Важную роль при осмыслении места творчества М.А. Булгакова в славянском культурном контексте сыграли работы исследователей творчества писателя [Лескис 1990, 1999; Немцев 1991; Новиков 1996; Кондакова 2001; Korta 2001; Яблоков 2001; Коваленко 2002; Шумилова 2006; Белобровцева, Кулюс 2007; Соколов 2008; Трубицын 2009 и др.], в особенности те из них, которые посвящены ономастикону его произведений [Белая 1990; Ковалёв 2001, 2004; Устьянцева 2002; Багирова 2004; Фоменко, Минько 2004; Колышева 2005; Павлова 2006]. Настоящая работа посвящена установлению переводческих соответствий между единицами ономастической системы оригинального и переводного текстов. Поскольку эти единицы являются именами конкретных персонажей, то есть принципиальной частью устойчивых литературных образов, то в данном случае речь идёт о постоянных переводческих соответствиях [Комиссаров 1990]. В текстах переводов встречаются и вызванные различными причинами технические и смысловые ошибки, информационные «шумы» [Попович 1980: 170], которые также принимаются во внимание при проведении исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней выявляются закономерности применения различных переводческих стратегий при передаче имён собственных и их значений в процессе перевода с русского на другие славянские языки. Системное теоретическое рассмотрение процесса передачи онимов в переводе сопровождается анализом их ассоциативно-коннотативной сферы. Выводы, сделанные в результате настоящего исследования, способны

составить основу для дальнейшего теоретического исследования в области ономастического направления переводоведения. Данная работа предполагает перспективы, связанные с изучением коннотативного наполнения имён собственных в творчестве конкретного автора, в сопоставлении конкретных славянских культур. Сопоставление нескольких вариантов перевода одного и того же литературного произведения демонстрирует изменение подхода к переводу с течением времени, различия в авторском стиле переводчиков.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования задействованного в исследовании материала в преподавании теории межкультурной коммуникации, теории перевода, теории славянской ономастики, спецкурсов и семинаров по литературной ономастике, славянской ономастике и основам художественного перевода. Материалы работы могут найти применение в школьном курсе преподавания литературы и русского языка в старших классах. Кроме того, выполненный анализ материалов по переводу позволяет привлечь внимание исследователей, переводчиков, литературных критиков к вопросам межславянских культурных контактов. При этом «помощь практике со стороны теории в области перевода может и должна, как думается, заключаться прежде всего в том, чтобы нацеливать внимание переводчика на необыкновенное разнообразие языковых возможностей, приучать к поискам более широкого круга средств для разрешения каждой конкретной задачи и к пристальной сравнительной оценке этих средств в условиях контекста» [Фёдоров 1968: 12].

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проблемные аспекты представления ономастикона художественного текста в переводе касаются как формального (графического, морфологического, словообразовательного), так и содержательного (семантического) плана ономастических единиц.

2. Способы передачи ономастических единиц при переводах на славянские языки разнообразны, причём выбор способа представления онима зависит от характера переводческой традиции в той или иной культуре: чем более давней является традиция художественного перевода на конкретный язык, тем шире наряду с формальными бывают представлены семантические способы воспроизведения онимов в литературном тексте.

3. Одни и те же ономастические единицы в близкородственных культурах могут иметь существенно различное смысловое наполнение, вплоть до противоположного оценочного содержания. Это заставляет переводчика таким образом адаптировать ономастическую систему произведения, чтобы по возможности обеспечить восприятие заданных автором коннотаций в максимально полной мере.

4. Общность славянской языковой среды может как способствовать прояснению внутренней формы онима, так и провоцировать ложные семантические сближения в связи с явлениями межъязыковой омонимии и ассоциативных сближений за счёт созвучия, в том числе и в художественном контексте.

5. Адекватность перевода связана с интуитивностью творчества переводчика и его общим чувством языка, грамотностью и энциклопедической образованностью, что подтверждают высказывания и труды переводчиков-практиков.

Апробация работы

Основные положения диссертации обсуждались на ежегодных научных сессиях Воронежского государственного университета (2010-2014 гг.), на конференции «XI Невские чтения» (Санкт-Петербург, НИЯК, 2009), международном конгрессе «Русский язык в современном мире» (Москва, МГУ, 2010), на симпозиуме «Славянские языки и культуры» (Москва, МГУ, 2012), на

V международной научной македонско-русской научной конференции (Охрид, 2012) и международной научной конференции университета св. Кирилла и Мефодия г. Скопье (Охрид, 2012, 2013), XLII Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2013), международной научной конференции «История и современное развитие славянских языков» (Воронеж, ВГУ, 2013), IX Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, АГУ, 2014), I Международном филологическом форуме Софийского университета им. св. Климента Охридского (София, 2014), международной конференции «Культуре у преводу» Белградского университета (Белград, 2015), международной конференции «Михаил Булгаков и славянская культура» (Москва, Институт славяноведения РАН, 2016), на заседаниях кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета. Материалы работы отражены в 17 публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Положения и материалы настоящего исследования легли в основу ряда разделов курса «Теория художественного перевода» магистерской программы «Филологическое обеспечение международных связей», реализуемой на кафедре славянской филологии Воронежского государственного университета.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОДА ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С РУССКОГО НА ДРУГОЙ СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

§ 1. К истории основных аспектов вопроса

1.1. К истории славяно-славянского литературного перевода

Пространство книжного языка славян, как и их литературное пространство, в средние века отличалось относительным единством [Лихачёв 1979: 6; Турилов 2012]. Вследствие того, что южно- и восточнославянские литературные языки долгое время имели общую основу в виде церковнославянского языка, «русский читатель <...> без особенных затруднений мог читать памятники сербской, болгарской, украинской и прочих письменностей, а болгарин, серб, украинец – литературные произведения Московской Руси» [Берков 1963: 15]. Н.А. Мещерский отмечает, что «сложившийся в результате деятельности представителей разных славянских народностей и на территории различных славянских стран, древнеславянский письменно-литературный язык в начальную эпоху своего общественного функционирования представлял собою единую и общую фонетическую, грамматическую и лексико-стилистическую систему, понятную для всех носителей славянских наречий. <...> до XIV в. письменные памятники, созданные в Болгарии, на Руси или в Сербии, могли обслуживать весь славянский ареал и при переходе от одного народа к другому не нуждались в переводе. Их адаптация к тем или иным вариантам языка происходила без каких-либо кардинальных видоизменений текста» [Мещерский 1978: 15]. Адаптация для прочтения представителями другой славянской нации производилась путём редактирования – как правило, замены лексем с ярко выраженной спецификой

того или иного языка, в том числе на «усреднённую «общецерковнославянскую» лексику» [Турилов 2012: 247]; существенным могло быть различие орфографии. В частности, для русско-сербских книжных контактов это было характерно ещё в конце XVIII в. [Толстой 1978: 273].

Формирующиеся лексико-стилистические расхождения между русским и другими славянскими языками фиксировались и комментировались в азбуковниках, где были представлены русские эквиваленты не только для архаичных, но и для инославянских (болгарских, сербских) вариантов слов и оборотов, уже осмысливавшихся как иноязычные; давались лексические соответствия также украинским, белорусским, польским словам [Ковтун 1989: 15; см. Шетэля 2017]. Уже в XIV-XV вв. такие перечни славяно-русских соответствий подтверждали развивающуюся мысль о самостоятельности русского языка, его особенности по отношению к другим славянским языкам [Ковтун 1991: 203]. Позднее, в XVI-XVII в., расхождение вариантов литературного славянского языка ознаменовалось появлением характерных для белорусских и украинских регионов книг с параллельным древнеславянским и «западнорусским» текстом. Кроме того, сравнительно часто выполнялись публикации одного и того же текста на польском и «западнорусском» языке, для которых на тот момент графическое различие оставалось основным: «Ряд переводов с польского напоминает местами своеобразную транслитерацию с латиницы в кириллицу, с изменением только некоторых фонетических соответствий и сохранением устойчивых морфологических восточнославянских черт» [Толстой 1988: 63].

Становление межславянского литературного перевода как такового, пришедшее на эпоху Нового времени, неразрывно связано со становлением славянских национальных литератур, которое, в свою очередь, соответствует периоду активного развития государственности и национального самосознания славянских народов. Межславянский перевод развивался в противопоставление

переводу с языка культурной экспансии (например, латинского, немецкого для западославянских народов). К XVII в. в качестве принимающих могли выступать формирующиеся литературные варианты восточнославянских языков: например, известны выполненные в этот период переводы с чешского языка «на малороссийское наречие» [Карский 1962], т.е. на староукраинский литературный язык.

История славяно-славянского литературного перевода может быть детально прослежена уже с начала XVI в. – времени переориентации в направлении перевода, когда он начал закономерно осуществляться не только с языка культурного влияния, но и с языков близкородственных народов, что оказалось возможным уже на соответствующем этапе развития национального литературного языка и национальной культурной идентичности. Среди переводимых в России текстов появлялось всё больше произведений западославянских авторов – отчасти чешской литературы, преимущественно сочинений на польском языке [Семенец 1989: 232]: «Więc zaczęto <...> tłumaczyć już od samych początków XVI wieku na Litwie i Rusi i szereg tych tłumaczeń rośnie z każdym rokiem» [Brückner 1906]. Однако первоначально славянские культуры выступали по отношению друг к другу в значительной мере как посредники в распространении текстов европейской литературы. Так, чешский язык по отношению к русскому выступал как посредник для переводов с немецкого, польский – с латинского, французского языков, и т. д. Через Сербию проник на Русь рыцарский роман о Бове Королевиче, через Чехию – роман о Брунцвике, через Польшу – повесть о Петре Златых Ключей [Семенец 1989: 237] и ряд других рыцарских повестей, сборники новелл, басен и анекдотов [Липатов 1979: 89].

Важно, что становление межславянского литературного перевода пришлось на период развития художественности литературы, становления художественной литературы как таковой. По словам Н.И. Толстого, «древнеславянский

литературный язык был одним из основных формальных показателей средневековой «синкретической» литературы. Примечательно, что его исчезновение происходит почти одновременно с исчезновением самой этой литературы, с переходом её от «синкретизма» к художественности, с исчезновением всего комплекса религиозных, моральных и эстетических представлений, характерных для греко-славянского мира периода X-XVII вв.» [Толстой 1988: 37].

Активное становление и развитие славяно-славянских культурных связей и соответственно литературного перевода, в том числе славяно-русского, пришлось на XVII-XVIII вв. – эпоху интенсивного развития литературного русского языка и его системы стилей [Рогов 1979: 10]. Проводившаяся в этот период обширная работа в области двуязычной лексикографии способствовала развитию славяно-славянской переводческой деятельности [Берков 1958: 10]. К XVII в. относится деятельность Ю. Крижанича – одного из первых панславистов, который не только стал теоретиком славянской взаимности, но и лично принял участие в деле осмысления культурного единства и самобытности славянских народов (см. [Орехова 2014]). «Грамматично искажанье об русском езику» Ю. Крижанича явилось одной из первых славянских грамматик, которые в этот период также уже появляются как сопоставительные.

Основным языком, с которого выполнялись переводы в России, на тот момент оставался польский: через центральную Европу, преимущественно Польшу [Николаев 2008], в России были восприняты сюжеты и образы античной литературы, которая в эпоху классицизма активно переводилась и распространялась во Франции. Польский оставался языком-посредником при проникновении в Россию многих произведений западноевропейской литературы Нового времени, а также ряда литературных традиций. Так, «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого (1678) создана как русская переработка

польского переложения псалмов, выполненного в XVI в. Я. Кохановским; принято считать, что от этого перевода берёт начало традиция поэтического переложения псалмов в русской литературе [Тюленев 2004: 50]. Кроме того, и чешские переводы могли выполняться при посредничестве польских, как это было впоследствии с переводом поэмы Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим» [Липатов 1987].

Переводились на русский язык и оригинальные произведения западнославянской литературы: «русская тема в польской литературе продолжает развиваться, а в последней четверти XVIII в. появляются и переводы с русского, которые по мере приближения к началу XIX в. всё более учащаются» [Берков 1958:14].

Конец XVIII в. – XIX в. явился временем становления самосознания славянских наций в отношении единства славянского мира. Со второй половины XVIII в. в Чехии начинают свою деятельность будители (*národní buditelé*), в том числе крупнейшие учёные своего времени, в том числе Й. Добровский, Ф. Палацкий и др. Наряду с сербскими и хорватскими учёными они положили начало движению национального возрождения, которое затем к XIX в. в различных формах распространилось в Словении (М. Похлин, В. Водник, А.Т. Линхарт, Ф. Прешерн, М. Маяр), Словакии (А. Бернолак, Я. Голы, Л. Штур, Й.М. Гурбан), позже в Болгарии (И. Вазов, И. Рыльский, Д. и К. Миладиновы, Х. Ботев и др.). Деятели национального возрождения выступали одновременно как собиратели и исследователи народного творчества, переводчики, лексикографы: В. Караджич составляет «Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечима», Н. Геров – «Речник на български язык с тълкувание речити на български и руски». Так в XIX в. продолжается развитие славянской лексикографии, как моноязычной, что сопровождает становление национального языка, так и двуязычной. Характерно, что эквиваленты к лексемам национального

языка составителями предлагаются, как правило, именно на русском языке, так как политическая и культурная роль Российской империи в движении национального возрождения славянских народов была исключительно велика, в особенности для балканских славян [Арсенова 2002]. Время формирования национальных культур славянских народов было вместе с тем периодом активного обмена духовными и художественными ценностями между славянскими народами. Говоря об этом, принято приводить в пример дружбу А. Мицкевича и А.С. Пушкина (а также их взаимные переводы, выполненные в 1828 г. [Измайлов 1975]), Т.Г. Шевченко и М. Щепкина, связи В. Караджича с русскими учёными, связи болгарских писателей с русской литературой, «определившие в значительной степени складывание у них реалистического метода в 60-70-х гг. XIX в.» [Злыднев, Мыльников 1974: 7].

В 1826 г. в Чехии возник термин «панславизм» для обозначения идеи славянского единства, распространившейся среди большинства славянских народов и заложенной ещё в XVII в. Ю. Крижаничем. В XIX в. теория славянской взаимности стала стимулом для развития межславянских культурных, в том числе литературных связей (впрочем, их реальную интенсивность и объём в XIX в. нельзя преувеличивать; см. [Лаптева 2005: 444-445]). Внимание к русской культуре, ориентация на неё были существенной отличительной чертой периода национального возрождения у западных и южных славян. Эти факторы обусловили особенности интенсивного развития славяно-славянского литературного перевода в XIX в. В то же время ряд обстоятельств российского общественного движения XIX в., наиболее яркие из которых – усиление процесса национальной консолидации и феномен славянофильства, поддержка балканских славян в политических событиях 70-х гг., определил развитие в России интереса к славянским культурам, который был обоюдным [Дмитриев 1996]. В качестве решающего фактора развития интереса к славянским культурам в XIX в.

выступила не столько сложившаяся общественно-политическая обстановка, сколько культурное развитие самой России [Лаптева 2005: 232].

С развитием национальных художественных литератур XIX в. активное становление переживал и художественный перевод. Главными его принципами были провозглашены актуальность и системность, причём актуальными считались в том числе те литературные произведения, которые были созданы давно, но соответствовали требованиям современной эпохи [Levú 1996]. Однако подход к переводу на тот момент существенно отличался от принятого переводческими школами в XX в. и закрепившегося по сей день. Как и в других направлениях перевода, в славяно-славянском художественном переводе активно бытовал приём «склонения на наши нравы», в том числе применительно к ономастикону. Так, К. Гавличек-Боровский перевёл на чешский язык гоголевскую «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» под названием «Повесть о том, как поссорились пан Матуш с паном Матеем» [Шерлаимова 2009: 92].

Об интересе к славянским литературам в XIX в. в России свидетельствует тот факт, что практики и проблематики славянского перевода в этот период в своём творчестве коснулись большинство писателей. Как переводчик со славянских языков выступал и А.С. Пушкин, в творческих исканиях которого в 1830-е гг. славянская тема становится одной из ведущих [Фомичев 1983: 130]. В его переводах из А. Мицкевича («Будрыс и его сыновья»), творческих переработках произведений южнославянской народной поэзии («Песни западных славян»), во многом вдохновлённых примером переводов А.Х. Востокова [Гусев 1991], найден оптимальный баланс между освоением и сохранением национального колорита. Обращает на себя внимание тот факт, что А.С. Пушкин в точности воссоздаёт в тексте южнославянские имена героев.

Н.В. Гоголь писал о специфике перевода с близкородственных языков: «Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к

нему ближе. Есть пропасть таких фраз, выражений, оборотов, которые нам, малороссианам, кажутся очень будут понятны для русских, если мы переведем их слово в слово, но которые иногда уничтожают половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое место становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка; и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его. <...> В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я сам, который теперь рассуждаю об этом с таким хладнокровным беспристрастием, вряд ли бы уберёгся от того, чтобы не вклеить звонкое словцо в русскую речь, в простодушной уверенности, что его и другие так же поймут. Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь!» [Гоголь 1940: 311]

Н.А. Некрасов в заметке о переводах произведений А. Мицкевича, выполненных Н.В. Бергом, отмечал, что трудность перевода «должна увеличиваться родственным сходством языков польского и русского. С близкого по духу языка переводить ещё труднее, – может быть оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника. С итальянского, например, легче переводить иногда, чем с малороссийского. Невероятно, а между тем верно» [Некрасов 1950: 443]. Сам А. Мицкевич, констатируя рост числа литературных переводов с русского языка на польский, отмечал, что неудачи переводчиков происходят «от ложного понятия, что как язык российский легок в изучении для поляков, так же должно быть легко и переводить с сего языка. Потому, вероятно, молодые польские писатели испытывают в переводах с русского языка незрелые свои таланты и прямо принимаются за самые трудные сочинения» [Мицкевич 1827].

Между тем в России в течение в XIX в. литературными переводами со славянских языков занимались виднейшие поэты, среди которых П.А. Вяземский,

К. Рылеев, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, В.Г. Бенедиктов, А.Н. Плещеев, А. Майков, Л. Мей, Д. Минаев, М.Л. Михайлов, А.А. Фет, М.П. Вронченко, Н. Семёнов, В.М. Лавров и др. Как переводчики со славянских языков выступали учёные-филологи, в том числе А.Ф. Гильфердинг, А.Х. Востоков. (Впоследствии и в других славянских странах первыми переводчиками крупнейших авторов русской литературы зачастую являлись именно профессиональные учёные-филологи: например, в Чехии роман и поэмы А.С. Пушкина переводили О. Фишер, Б. Матезиус [В.Т., 1936]). Однако, по оценке исследователей, в эту эпоху переводы произведений литератур славянских народов были представлены бессистемно, выбор произведений для перевода зачастую был случаен; отдельные выполненные таким образом переводы объединялись в сборники, антологии [Фёдоров 1968: 86].

С первых десятилетий XIX в. начинают появляться переводы русской литературы на славянские языки, ещё не систематические, но относительно регулярные. Это свидетельствует не только о том, что русская литература в тот период приобретала мировое значение [Фёдоров 1983: 89], но и о том, что развитие славянских языков и культур уже позволяло выполнить и воспринять перевод художественных произведений. Более того, переводческая деятельность зачастую рассматривалась именно как этап на пути к оригинальному национальному литературному творчеству [Широкова, Нецименко 1978: 76].

Творчество А.С. Пушкина оставило основу для формирования и развития национальной традиции перевода среди славянских народов, что способствовало развитию и национальных языков, и национальной литературной традиции. Первым переводчиком А.С. Пушкина в Болгарии стал Й. Груев [Стойчев 1956], затем П. Славейков, на Украине – И. Франко [Арват 1968], в Чехии – Ф.Л. Челаковский [Очерки истории чешской литературы 1963: 77]. В Сербии творчество А.С. Пушкина, а также М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя становится

известно в разных переводах уже в 50-е гг. XIX в.; в 60-е гг. активно переводят И.С. Тургенева [Станишич 1983: 338]. В это же время в чешских переводах были известны почти все произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, ряд произведений М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и др. [Очерки истории чешской литературы 1963: 119]. Исследователи отмечают: «Можно с полным основанием говорить о том, что в 80-е-90-е годы не было ни одного болгарского писателя, который бы в той или иной степени не испытал благотворного влияния русских реалистов, который бы не выступил в печати с переводами русских классиков или не писал бы о них статей, очерков. И. Вазов, А. Константинов, К. Величков занимались переводами русских поэтов...» [Очерки истории болгарской литературы 1959: 153]. Знаковым в процессе становления переводческой традиции применительно к каждому из славянских языков становился факт появления перевода «Слова о полку Игореве» на данном языке, что, как правило, приходилось на соответствующий период национального возрождения или общественно-политической поддержки развития данного языка. Так, уже вскоре после появления переложения «Слова...» на русском языке, выполненного В.А. Жуковским в 1817-1819 гг., был опубликован первый перевод «Слова...» на чешский язык (1821 г.), в 1830-е – на польский и украинский, в 1830-40-е – на сербохорватский, в 1853 г. – на верхнелужицкий, в 1863 г. – на болгарский язык. Уже в XX веке появились переводы «Слова...» на белорусский (прозаический – 1911, поэтический – 1921 г.), словацкий (1947 г.), македонский (1957 г.) языки [Переводы «Слова» 1995].

Существенным обстоятельством развития культурного пространства восточных славян, а следовательно, и межславянского перевода в период становления национальных языков и литератур стало то, что так называемый малороссийский язык, вокруг статуса которого на протяжении XIX в. велась бурная полемика, к рубежу XIX-XX вв. под влиянием творчества Т.Г. Шевченко и

впоследствии И. Франко окончательно сформировал украинский язык, выступающий как самостоятельный язык литературного перевода. Аналогичное изменение произошло тогда же в отношении белорусского языка и его восприятия в культурном контексте.

В начале XX в. развитие славяно-славянского литературного перевода получило активное продолжение: «Особой приметой времени было обращение больших писателей к переводам из литератур народов, входивших в русскую империю; по большей части это было связано с организаторской деятельностью Горького, занимавшегося, как он говорил, «духовным собиранием Руси» [Топер 2001: 109]. В эту тенденцию вписывались переводы с польского, украинского, белорусского языков. Большинство русских писателей Серебряного века обращались к творчеству южно- и западнославянских авторов и народной поэзии славянских народов: так, поэтические переводы с польского языка выполняли И.А. Бунин, К. Бальмонт, В. Ходасевич, с болгарского, хорватского, белорусского – М. Горький, с польского, сербского и других – А.А. Ахматова, с украинского, чешского и болгарского – М.И. Цветаева, с украинского и чешского – Н.С. Гумилёв, Ф. Сологуб, Н.А. Заболоцкий, и т.д. Впоследствии литературные переводы со славянских языков выполняли ведущие советские поэты (например, А. Сурков – с болгарского, Д. Кедрин, К. Симонов – с чешского) и переводчики (с болгарского – В. Левик, с польского – М. Живов) [Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык 1949].

Кроме того, в силу ряда идеологических факторов на протяжении большей части XX века именно славяно-славянское направление перевода для российских переводчиков было одним из наиболее приоритетных. Сложившаяся советская переводческая школа уделяла значительное внимание явлениям литератур близкородственных народов, их популяризации; произведения славянских литератур переводились и издавались в как никогда широких масштабах [Фёдоров

1968: 122]. В свою очередь, стремительно возросли объёмы переводов произведений русской литературы в славянских странах: так, в Болгарии с 1935 по 1941 г. по сравнению с предшествующим десятилетием количество изданных переводов выросло более чем в 4 раза [Злыднев 1985: 144]; в этот период активно издавались антологии переводов. Практики перевода начали принимать живое участие и в теоретических исследованиях переводческого процесса: на основе их опыта был создан ряд научных и научно-публицистических работ, основаны периодические и продолжающиеся издания («Тетради переводчика», позже «Мосты», «Мир перевода» и др.). При этом бытовала и позиция, во многом отрицающая своеобразие славяно-славянского перевода: «Строго говоря, с точки зрения общей теории перевода, специфики в переводе с близких языков нет, если не считать бдительного предупреждения о мнимой лёгкости и тождестве» [Факторович 2009: 125].

Одна из особенностей близкородственного перевода состоит в том, что во многих случаях читатель переводного произведения даже без специальной подготовки способен по меньшей мере на интуитивном уровне восприятия оценить подлинник, или же, наоборот, читатель подлинника аналогично может составить приблизительное суждение о переводе. Я.А. Хелемский писал: «Воссоздавая на своём языке украинские или белорусские стихи, вы думаете не только о русском читателе вашего переложения. Вы всё время должны помнить о любителе поэзии из Киева или Минска, который не только прекрасно знает оригинал, но и свободно читает по-русски. И, переозвучивая стихи, находя что-то, вы спрашиваете себя: а не оскорбит ли его слух ваша находка, не сочтёт ли он её своеволием, а то и бестактностью. Словно кто-то незримо стоит за вашей спиной» [Хелемский 1988: 340].

В настоящее время основное внимание теоретиков перевода направлено на исследование лингвокультурологических феноменов, связанных с именем

собственным, явлений прецедентности. Однако применительно к славянской среде такое исследование представляется невозможным без привлечения данных историко-этимологического анализа, рассмотрения общности лексической базы, истоков межъязыковой омонимии, внутриславянских заимствований и т.д. Историко-сопоставительный подход в славянской ономастике широко проявился в трудах классиков отечественной филологии, многие работы которых посвящены выявлению этимологического родства и семантической общности имён собственных в славянских языках (Е. Болховитинов, А.И. Соболевский, Ф.И. Буслаев и др.). Современные исследователи отмечают важную роль этимологического анализа в реконструкции языковой картины мира [Бартминьский 2012: 11] и характеристике межъязыковых отношений на славянском пространстве. Кроме того, сопоставительный подход при рассмотрении семантических соответствий в близкородственных языках позволяет не только выявить особенности коннотативной системы каждого из рассматриваемых языков, но и глубже проникнуть в природу самой коннотации [Тугушева 1992: 200]. Таким образом, сопоставительный анализ играет значительную роль при исследовании национальной коннотативной системы.

1.2. К истории перевода ономастических единиц и его теоретического осмысления

Представление реалий, в особенности ономастических, в заимствованном тексте являло собой одно из основных затруднений межкультурного общения уже начиная с самых ранних попыток перевода. При этом поиск баланса между представлением имени собственного в исходном облике и его адаптацией, то есть полным или частичным переводом, всегда был проблемной задачей: так, известен случай, когда историограф Педро Мартир де Англера в одном из русских

переводов XVII в. превратился в «Петра-мученика» [Нелюбин 2006: 193]. Данный пример соответствует распространённой в соответствующую эпоху традиции адаптировать имена иностранцев в повседневном общении и в документах: ср. зафиксированные в XV в. *Герхардт фон Клеве – Григорий Клевський, Кристер Лёве – Костянтин Лютый Зверь*, то есть Лев [Теория и методика ономастических исследований 1986: 141].

Вместе с тем, как отмечают исследователи, для перевода, в том числе и художественного, вплоть до XVII-XVIII в. была свойственна прежде всего прагматическая установка, то есть ориентация на непосредственное понимание написанного читателем, в силу чего общей тенденцией было упразднение незнакомых для предполагаемого читателя географических названий, имён второстепенных героев. В то же время показательным в отношении представления имён собственных в переводном тексте для данной эпохи считается пример выполненного в XVI в. переложения польской поэмы «Разговор магистра Поликарпа со Смертью», где отмечается характерное обилие случаев транскрипции применительно не только к собственным, но и к нарицательным именам [Семенец 1989: 233].

Семантическое наполнение, а с ним и ассоциативное содержание воспринятых вместе с православием личных (крестильных) имён, составляющих святцы, живо интересовало ранних исследователей на Руси. Ономастиконы, появившиеся как комментарии к библейским текстам, встречаются в списках уже начиная с XIII в.: «Глоссарии имён библейских персонажей и наименований библейских мест – самый архаический тип средневековой лексикографии» [Ковтун 1991: 200]. В наиболее полном на соответствующий момент виде древние ономастиконы представлены в трёх памятниках («Речь жидовьскаго языка», «А се имена жидовская русьскы тълкована», «О именех глаголемых жидовьским языком», XIII–XIV вв.), включавших в себя перевод слова с попыткой раскрыть

этимологию имени, причину наименования, освещение символического значения слова [Ковтун 1991: 200]. Со временем ономастиконы вошли в свод азбуковников, где вместе с толкованием иноязычной лексики давался перевод антропонимов и топонимов с разъяснением их символического значения – например, для библейских мест: *Рама, Сикима, Галаад* [Ковтун 1989: 25]. Уже в XVI в. один из первых известных переводчиков Древней Руси Максим Грек создал трёхязычный словарь-ономастикон (в последующих редакциях включивший в себя и имена нарицательные) «Толкование именам по алфавиту», в котором давалось истолкование, то есть собственно перевод, имён собственных, заимствованных прежде всего из греческого и латинского языков. Перевод имён древнееврейского, греческого и латинского происхождения («с толковании словенска языка»), связанный с актуализацией лексического значения онима, позже вошёл и в Лексикон словенороський Памвы Беринды (1627), и в Грамматику Лаврентия Зизания (1648).

Вместе с тем отношение к именам собственным в переводимом тексте на практике зачастую оставалось небрежным. Яркий пример этого представляет перевод «Славянской истории» Мауро Орбини, в которой имена и названия (столь важная фактическая составляющая труда по истории), не исключая и имени самого автора, искажались до неузнаваемости: *Мауро Орбини* > *Мавроурбин* > *Маврубир* [Делль Агата 1990: 62] или просто опускались за мнимой неактуальностью.

С развитием литературного процесса и научной мысли вопрос о представлении имён собственных в переводе возникал регулярно. Основоположник отечественной филологической науки, М.В. Ломоносов в набросках статьи «О переводе» среди прочих аспектов обращал внимание и на трудности употребления русских антропонимов в переводном тексте: «Как имя и отечество на французский язык трудно перевести», сопоставляя форму обращения

в русском и французском языках: «Monsieur. Государь мой Ив. Ив.» [Ломоносов 1952: 768]. Обращает на себя внимание тот факт, что Ломоносов практически первым делает акцент не столько на технических проблемах поиска эквивалента обращения, сколько на расхождении культурного наполнения и ассоциаций, стоящих за каждым из вариантов.

Характерный для литературы до реализма подход к отражению действительности – стремление к передаче не столько явлений самой реальности, сколько идеального представления о ней – сказывался на практике литературного перевода вплоть до середины XIX в. Писатели зачастую выполняли перевод не конкретного произведения, а «стоящего за ним идеала» – вследствие этого допускалось вольное обращение с подлинником [Нелюбин 2006: 221]. Задача сделать перевод доступным пониманию читателя-соотечественника приводила к одомашниванию, или локализации текста на разных уровнях – в большинстве случаев локализация осуществлялась как внесение в перевод национального языкового колорита, в том числе и за счёт замены существующих в оригинале имён и географических названий национальными [Маньковская 1970: 36].

В этом отношении показателен пример переводческого творчества В.И. Лукина, затем И.И. Введенского, В.С. Курочкина; известен выполненный Л. Голенищевым-Кутузовым перевод «Книги снобов» У. Теккерея («Книга мишуры»), который отличает сознательное стремление перенести персонажей в Россию, наделив их предельно экспрессивными именами: «среди героев фигурируют лорд Гусь-Накрахмалин, госпожа Пиавица, капитан Тесак Нужда и т.д., а также герои русской литературы: Хлестаковы, Загорецкие, Андрей Иванович Тентетников, Рудин» [Нуралова 2010: 119]. Решающая роль в окончательном развенчании подобных переделок и перелицовок «на русские нравы» принадлежала В.Г. Белинскому [Топер 2001: 86].

Именам собственным, как и другим национально-культурным реалиям текста, в переводе, призванном «усовершенствовать» произведение, было свойственно утрачивать национальный колорит, а вместе с ним и значительный пласт ассоциаций: примером одомашнивания личного имени может служить заглавие выполненного Н. Семёновым перевода фрагмента поэмы А. Мицкевича, опубликованного в 1874 г. под названием «Пан Фаддей» [Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык 1949: 78]. Известен своим стремлением к одомашниванию подлинника был Н.Х. Кетчер, в письме к которому В.Г. Белинский обращает внимание на ассоциативную сторону имени собственного и её значение, комментируя выполненный им перевод из Шекспира: «замени непристойное слово «Катя» благородным словом «Кетти» [Белинский 1956: 35]. Впоследствии К.И. Чуковский выражал возмущение переводческой тенденцией к трансплантации национальных реалий, включая ономастические: «Англичанину Джеку или шотландцу Джоку нельзя давать наименование Яша, окрашенное русским (или еврейским) бытовым колоритом» [Чуковский 2011: 132]. Подобный перенос реалий бытовал и в переводе с близкородственного языка, в том числе в русско-украинском переводе, вплоть до замены онима (замена имени *Иван* на *Михайло* у М.П. Старицкого) [Чуковский 2011: 151].

Следует отметить, что аналогичными приёмами в XVIII-XIX вв. пользовались переводчики на большинство языков, включая славянские: так, в XVIII в. в Сербии герои итальянских комедий в переводе наделялись сербскими именами [Толстой 1978: 293]; в Польше ранние переводчики Н. Буало заменяли в его сатирах имена Скюдери и Шаплена именами польских профессоров Краковской академии: *Jaśkiewicz*, *Śniadecki* [Sarnowska-Giefing 1994: 78]. В польской переводоведческой мысли классическими примерами такой адаптации стали названия переводов романов Вольтера «Кандид, или оптимизм» и Ж.-А. Бернардену «Поль и Виргиния», звучащие как соответственно «Kandyd

Wszędyblyski, czyli Naylepszość» (перевод Я. Пшибыльского) и «Paweł i Maria, kochankowie jakich mało. Historia indyjska» (перевод М. Скорашевского) [МЕР 2000: 28]. Для хорватских переводов драматических произведений на рубеже XVIII-XIX вв. был характерен не только перенос места действия в хорватские города, но и стремление придать именам собственным ассоциативное наполнение даже в тех случаях, когда оригинал не предполагал этого, что выражалось в переименовании персонажей. Показательны примеры введения в переводной текст хорватских ассоциативных имён с прозрачной внутренней формой: «Поскольку действующие лица мещанской драмы чётко делились на положительных и отрицательных, на добродетельных и порочных, то этот принцип последовательно проводился и в их именах: на одной стороне оказывались правденичи (от слова «правда», которое означает в хорватском языке не только истину, но и справедливость), поштенчичи (от слова «поштен» – «честный»), добретичи, драговичи, посленовичи (от слова «посао» – «дело», «работа», т. е. трудолюбивый), а на другой – каменяки, честолюбичи, черняковичи, лисьяки и им подобные» [Данилова 1979: 157]. (Впрочем, судя по написанию этих номинаций со строчной буквы, речь может идти и о продуктивных моделях образования нарицательных существительных, по сей день действующих в сербском и хорватском языках. Ср. апеллятивы с формантом *-(ов)ић*, образующим не только патронимы и впоследствии фамилии, но и деминутивы [Станојчић, Поповић 1992: 134, 139], а также номинации по признаку, например *срећковић* ‘везучий человек’, *досадњаковић* ‘надоедливый человек’, *скоројевић* ‘нувориш, выскочка’ и т.п. [СХСР 1957]).

Тенденция адаптации имён получила продолжение и в XIX в.: например, в болгарском переводе Й. Груева повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» называлась «Сирота Цветана», «Наталья, боярская дочь» – «Невенка, болярска дъщеря» [Маньковская 1970: 38], а герой одной из сказок А.С. Пушкина Гвидон

Салтанович в чешском переводе превратился в Вита Салтановича [Кишкин 1968: 247] – впрочем, в последнем случае замена по крайней мере оправдана этимологически. Адаптируются не только антропонимы: П. Славейков в своём переводе стихотворения А.С. Пушкина «Погасло дневное светило» заменяет образ океана образом Старой Планины, в «Колыбельной» М.Ю. Лермонтова вместо «злой чечен» ставит «злой турок», а «Думы мои» Т.Г. Шевченко заканчивает обращением к Болгарии [Очерки истории болгарской литературы 1959: 39]. Перевод в подобных случаях зачастую выступал как форма литературных связей, приобретая форму национальной адаптации, то есть приспособления иностранных произведений к местным национальным условиям и представлениям. Так, в выполненном Й. Ференчиком переложении гоголевского «Ревизора» «Петербург стал Веной, Саратов – Прешпорком, Хлестаков превратился в Курина, Осип – в Мишко, Сквозник-Дмухановский – в Подольского, Хлопов – в Небесского и т.д. Действие происходит в Мартине, где и сыграли пьесу в 1871 г. <...> Известные слова Хлестакова «С Пушкиным на дружеской ноге» в переделке звучали так: «С Колларом и Голым мы как братья» [Кишкин 1968: 253]. Как правило, наиболее широкое распространение такой вид литературной продукции получает в пору становления национальных литератур¹.

Не случайно литературный обиход XIX в. отличается максимальным распространением формулы «из (кого-либо)», способной указывать на различные в смысле точности иноязычные реплики оригинального текста: от собственно перевода до достаточно вольного поэтического переложения. В 1903 г. для одного из подобных стихотворений отмечено и жанровое определение «переделка»

---

¹ Тем не менее в вышедшем уже в 1980 г. выполненном «Евгения Онегина», выполненном Р.Д. Кайлем, некоторые имена в духе той же традиции оказываются одомашнены «на наши нравы»: «вместо собаки Жучки появляется *Waldi*, а в знаменитой сцене гадания прохожий на вопрос «Как ваше имя?» отвечает не «Агафон», но рекомендуется тезкой немецкого католического святого – *Korbinian*» [Тиме, Данилевский URL].

[Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык 1949: 49].

Лишь в XX в., с развитием теоретической рефлексии у переводчиков и становлением художественного перевода как такового – вне литературного заимствования и «переделки», – в нём окончательно стала преобладать транскрипция имён собственных исходного текста. По установившимся и закреплённым в теоретической литературе правилам переводчик должен передавать иностранное имя «со всею точностью, доступной для русской фонетики. Что же касается тех имён, относительно которых не установилось традиций, то их надлежит передавать с наибольшей близостью к их подлинной национальной поэтической форме»¹. Впрочем, не будучи исчерпывающим способом для передачи ассоциативного наполнения смысловых имён, на практике транскрипция дополняется способом частичного перевода, кальки. Поиск оптимального баланса между данными способами представления онимов осмыслен самими переводчиками как одна из ключевых задач в работе над художественным произведением [Галь 2001].

§ 2. Коннотативное значение имени собственного и языковая картина мира

Перевод всякого текста предполагает трансляцию изначально заданных автором в нём смыслов для восприятия носителями иного языка, а следовательно, иной языковой картины мира (или национальной языковой картины мира). Этот термин вызывает большое количество разногласий относительно его трактовки, области применения, места в научных исследованиях, однако продолжает активно

---

¹ Принципы художественного перевода: 2-е изд. Пб., 1920. С. 52. Цит. по кн.: Фёдоров А.А. М. Горький и культура перевода // Фёдоров А.А. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л., 1983. С. 111-154.

использоваться в работах современных учёных. Явлению и понятию языковой картины мира посвящены работы ряда исследователей [Серебренников 1988; Яковлева 1994; Корнилов 2003; Цивьян 2005; Алефиренко 2009 и др.]. Языковая картина мира понимается как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин 2007: 6]. При этом данное явление принято рассматривать не на конкретном этапе развития этноса, а на «этапе формирования языка, т. е. на этапе первичного, наивного <...> познания мира» [Корнилов 2003: 15]. Во многом нося иррациональный характер, языковая картина мира представляет собой сложный для исследования феномен. К средствам её создания, помимо лексических единиц и функциональных решений их выбора, относятся и образные возможности конкретного языка с учётом направления развития образности, ассоциативный пласт его составляющих, включая ассоциации, вызываемые составляющими плана выражения – фонетическими (фоносемантический аспект) и графическими.

Языковая картина мира тесно связана с коннотативной зоной языка: последняя определяется исследователями как та часть национальной языковой картины мира, которая «содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, вызываемых в коллективном языковом сознании различными объектами окружающего мира» [Корнилов 2003: 83]. Национальная коннотация уникальна: «коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину» [Маслова 2004: 57]. Таким образом, национальная языковая картина мира не просто включает в себя коннотативную зону значений, но выстраивается за счёт неё.

Коннотативный компонент значения слова, выделяемый в нём наряду с денотативным, передаёт эмоциональное наполнение, культурные ассоциации, связанные с лексемой и её значением. Коннотация придаёт высказыванию двуплановость: оно и сообщает о мире, и выражает эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому, обретая за счёт коннотации экспрессивную окраску [Телия 1986: 4]. Большинство исследователей определяют коннотацию как совокупность «эмоциональных, оценочных и экспрессивных значений», имеющих факультативный характер в семантической структуре слова [Глухова 2010: 59]. Отметим также более широкое понимание коннотации как эквивалента ассоциации [Кислицына 2012: 247], которое восходит к её осмыслению Ю.Д. Апресяном, приравнивавшим коннотации к семантическим ассоциациям [Апресян 1974: 67]. Коннотативными называет ассоциативно-смысловые признаки слова В.Н. Телия, рассматривая в качестве мотивирующего основания коннотации внутреннюю форму слова [Телия 1986: 68]. На наш взгляд, ассоциации не столько равны коннотациям, сколько образуют мотивирующую основу для их возникновения.

Разнообразие типов коннотаций даёт основание для их классификации [Бельчиков 1988; Зубкова 2009; Махова 2011 и др.]. Так, культурный компонент смысла слова может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку. В.И. Говердовский предлагает распределение коннотатов в зависимости от меры объективного содержания по однородным типам (уровням), выделяя четыре таких уровня: психолингвистический, лингвистический, постлингвистический и экстралингвистический, которые соответствуют четырём типам коннотации: экспрессивно-оценочному, языковому, историко-языковому и историко-культурному [Говердовский 1989: 9].

Рассматривая проблему коннотации в контексте соотношения языка и культуры, принято говорить о культурной коннотации: это «интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры» [Маслова 2004: 51]. Притом коннотативное наполнение одного и того же слова может отличаться существенной асимметрией и в близкородственных культурах. Так, например, для православного славянского населения Балкан в XVIII в. (преимущественно сербов и черногорцев) слово «Восток» означало не только географическое понятие, но и Россию, «в рассуждении исповедуемой ею восточной церкви» [Мыльников 1989: 26] – то есть имело ассоциативное значение, не свойственное этому слову ни в одной другой славянской культуре и не проявлявшееся в другие эпохи. В системе близкородственных языков именно коннотативная подсистема в наиболее значительной степени отражает своеобразие и специфические особенности каждого языка. Кроме того, в контексте произведения художественной литературы различие культурных коннотаций порождает различия в национальной образности, национальное своеобразие литературного произведения [Кишкин 1968].

Имени собственному, как и нарицательному, свойственно совмещение в своей семантической структуре обозначающего и ассоциативного компонентов. На протяжении десятилетий данное положение, однако, считалось спорным: так, О. Есперсен полагал, что собственные имена «не имеют никакого значения» [Есперсен 1958: 71] и тем более лишены коннотации, но при этом способны предполагать ассоциативное содержание. Ряд исследователей, говоря об именах собственных, ставят под вопрос наличие у них номинативного (денотативного) значения [Kerbrat-Orecchioni 1977; Gary-Prieur 1994], с чем сложно согласиться, однако существование коннотативного значения имени собственного никто из учёных не ставит под сомнение – коннотативные значения имён собственных «воспринимаются как имманентно свойственные имени собственному как

таковому» [Гринштейн 2002: 90]. Безусловно, у имён и фамилий присутствуют обе семантические функции – обозначающая, денотативная («назывная») и коннотативная («характерологическая» [Мусаев 1982: 143]), обе – ярко выраженные, что делает уникальной коммуникативную значимость антропонима в целом.

Ещё более ста лет назад Д.К. Зеленин писал: «Собственное личное имя само по себе, вне применения к данному лицу, в устах народа не является чем-то отвлечённым <...>: почти с каждым личным именем <...> в народном сознании связано представление о том или другом признаке или даже целой группе признаков – вне всякой зависимости от природы носящего это имя данного субъекта» [Зеленин 1903, цит. по: Жданов 1963: 5]. Имя собственное насыщено имплицитными смыслами, которые являются динамичными – «трансформируются, расширяются или практически утрачиваются под влиянием социокультурных факторов» [Яковенко 2013: 5]. Развитие у собственного имени понятийных коннотаций осуществлялось на всех этапах существования ономастических систем, и за счёт этого метафоризация собственных имён воспринимается как одна из лингвистических универсалий. Имя собственное может рассматриваться не только как метафора [Ларина 2011: 32]), но и как символ [Красных 2002; Мжельская 2009].

В целом в семантической структуре имени собственного могут быть обнаружены следующие коннотативные компоненты:

- национальный (одна из основных коннотаций имени собственного [Piescu 1997: 77]),
- темпоральный,
- социальный,
- оценочный (в том числе мелиоративный и пейоративный, способные иметь эксплицитное выражение в морфемной структуре имени, а также оценочный

компонент значения, возникающий за счёт фоносемантических особенностей слова),

– фреквентативный

и прочие. Ю.А. Рылов говорит о коннотациях социального, регионального, возрастного или модального характера [Рылов 2007: 73]. По его словам, «личные имена как лексические единицы обладают определённым набором сем: человек, пол, национальная принадлежность; возможны также коннотации, связанные с социальной, региональной или возрастной характеристики человека, а также с принадлежностью человека к определённой эпохе» [Рылов 2006: 15-16]. Данные семантические компоненты способны к взаимодействию, могут сочетаться в семантической структуре одного имени. Не всегда, но часто коннотативные компоненты значения предполагают наличие бинарной оппозиции «своё» / «чужое», «аристократическое» / «простонародное», «распространенное» / «редкое» и т.д. (ср. аналогичные оппозиции, рассмотренные на материале белорусского именника [Шур 2003: 9]).

Применительно к функционированию имени в художественном тексте посредством реализации данных компонентов значения имени может выражаться также авторское или предполагаемое читательское отношение к его носителю. Существует, впрочем, мнение, что в художественном тексте оценочный компонент собственных имён (преимущественно антропонимов), следует понимать как вторичный: такие имена, «будучи отражением антропонимической нормы, являются эстетическими по своему использованию (выступают как элемент образной структуры художественного произведения)» [Шварцкопф 1976: 59]. Однако образная система литературного произведения, как правило, аксиологична, что находит отражение и в его ономастиконе за счёт включения прямых (мелиоративных или пейоративных) или косвенных (положительно или отрицательно оцениваемых этнических, социальных и т.д.) коннотаций.

Существует подход к имени собственному, связанный с его рассмотрением в качестве обозначения хронотопа [Ковалёв 2001; Багирова 2004; Бунеева 2010 и др.]: каждое имя обладает пространственно-временной отнесенностью. Важно, что «в составе художественного текста литературные антропонимы оказываются важнейшими ориентирами во времени и пространстве <...> благодаря своему звуковому оформлению или структуре, которая обязательно ориентирована на определённые временные рамки текстового повествования. Если в тексте нет конкретного указания на географическое пространство и время действия, то имя персонажа поможет более точно установить исторический и географический контекст» [Багирова 2004: 44]. Так, зашифрованные в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» названия реальных киевских улиц вызывают и ассоциации с определённой описанной в произведении исторической эпохой: *Андреевский спуск* > *Алексеевский спуск*, *Керосинная* > *Фонарная*, *Глубочица* > *Лубочица*, *Львовская* > *Ловская*, *Мало-Подвальная* > *Мало-Провальная* [Ковалёв 2011: 120], то есть хронотоп при понимании его как соотношения категорий времени и пространства в тексте создаётся в значительной степени благодаря онимной (в данном случае – топонимической) составляющей.

§ 3. Лингвокультурная специфика значения имени собственного

Национальная специфика семантики лексической единицы трактуется в лингвистике как отличие такой единицы по значению от сходных по семантике единиц языкового сравнения [Стернин 2004: 4] – при этом национально-культурный компонент свойствен именам собственным даже в большей степени, чем апеллятивам. К проблеме лингвокультурного значения антропонимов обращались многие исследователи [Верещагин, Костомаров 1990; Зевина 2000; Владова 2001; Красных 2002; Рубцова 2002; Шестакова 2002; Гудков 2003;

Маслова 2004; Тимко 2007; Водоватова 2008; Зубкова 2009; Катермина 2009; Оболенская 2010 и др.]

Культурное наполнение слова связано с его ассоциативно-образным значением: именно система образов, закреплённых в семантике национального языка, расценивается как зона сосредоточения культурной информации.

Специфическая лингвокультурная составляющая присутствует как в денотативном компоненте значения имени (наличие обозначаемой реалии), так и в его коннотативном компоненте (характерная для той или иной нации совокупность ассоциаций, включая оценочные, с определённым событием или личностью). Национально-культурный компонент семантики имени «не только включает семы периферийной зоны, но и охватывает концептуальное ядро значения» [Головина 2013: 8]. Коннотативное наполнение имени собственного в конкретной культуре формируется под действием различных факторов – как лингвистических (формирование оценочности слова связано с его морфемной структурой, а также фоносемантическими особенностями, способными обусловить эмоциональное восприятие формальной стороны имени), так и экстралингвистических: литературных, социальных, социально-исторических, факторов социальной психологии и т.д., вплоть до этногеографических. Э.Б. Магазаник связывает явление повышенной ассоциативности собственного имени с его абстрактной природой – по его словам, «собственные имена, поскольку они лишены словарных значений, много легче вступают в такие [ассоциативные] связи: здесь совсем нет противодействия семантики» [Магазаник 1978: 22].

При этом закрепление ассоциативных признаков, то есть возникновение коннотаций, в значении любого слова и имени в частности, – процесс специфически национальный, он не всегда подчиняется логике здравого смысла и обычно не может найти исчерпывающего историко-социального объяснения

[Гринштейн 2002: 91]. Одним из ключевых в этом процессе является фонетический фактор – созвучие собственного имени (как правило, заимствованного) с каким-либо из слов языка, в котором оно функционирует («Курочка Софья три года сохла», «Наум наставит на ум») [Жданов 1963: 5]. Данный фактор играл существенную роль прежде всего при освоении заимствованных имён собственных: «В период адаптации христианских имён к русской языковой системе действовала <...> тенденция, заключающаяся в поиске понятной внутренней формы или в «подгонке» иноязычных имён под русские образцы, то есть под известную картину мира» [Рылов 2006: 59]. Кроме того, формирование определённой коннотации у носителя языка создаёт и сумма предыдущих контекстов употреблений этих слов. Этим контекстам свойственна преемственность: именно так, например, совокупность народных текстов о Фоме «даёт возможность увидеть в нём евангельского неверующего апостола Фому» [Николаева 2009: 8].

Таким образом, формирование коннотативного наполнения имени происходит в диахронии («коннотация – это продукт исторического развития значения слов» [Телия 1986: 98]). Ю.Н. Караулов отмечает: «Всё, что обычно связывают с национальным характером и национальной спецификой, имеет только один временной промер – исторический, национальное всегда диахронно» [Караулов 2004: 40].

Все перечисленные факторы: формальный, ассоциативный, контекстный и т.д. – обуславливают расхождение коннотаций у этимологически эквивалентных слов в родственных языках: различная рецепция коннотативных значений имён собственных в разных культурах определяет возможные различия в восприятии одного и того же имени и, соответственно, трудности, возникающие при передаче этого имени в переводе. Е.А. Правда относит такие имена, различающиеся национально-культурными компонентами значения, коннотациями, к

псевдотавтонимам [Правда 2015: 59]. Коннотативное расхождение этимологически тождественных имён Ю.А. Рылов иллюстрирует примером из сферы функционирования антропонимов в русском и испанском речевом обиходе: «<...> испанские имена *Marta, Agata, Tecla* социально нейтральны, в то время как русские имена *Марфа, Агафья, Фекла* традиционно маркируют крестьянское происхождение носительниц имени (хотя в последнее время появляются в среде интеллектуалов и несут прагматическую установку подчеркнуть «русскость», русские корни). Русскому мужскому имени *Дмитрий*, обладающему в настоящее время высоким рейтингом, в испанском языке соответствует имя *Demetrio*, которое воспринимается как архаичное и даже комичное. Испанское имя *José* в течение длительного времени было самым популярным именем (на случай, что День отца приходится именно на день чествования Святого Хосе); между тем в России в настоящее время *Иосиф* воспринимается скорее как имя, принятое в еврейской общине» [Рылов 2007: 71-72].

Место конкретных этимологически эквивалентных личных имён различается и в системах близкородственных языков. Так, у большинства южных славян имя *Марко* известно как часть двусоставного прецедентного онима со второй частью (и соответствующим ассоциативным значением) *королевич* (серб. *Марко Краљевић*, макед. *Марко Крале*, болг. *Крали Марко*), в то время как в белорусском языке вариант того же имени *Марка* имеет коннотации ‘скиталец’, ‘неудачник’, ‘несчастный’: *як Марка на пекле* (без перерыва делать что-либо, часто без толку); *як Марку на пекле ганяць* (с одного места на другое, в разных направлениях); *адзін раз Марку жаниць* (выражение решительности в принятии решения). Согласно П.В. Шейну, фразеологизмы с именем Марка образовались на основе легенды про Марку Пякельнага. В данной легенде рассказывается, как «сельский парень Марка на протяжении многих дней ездит на коне по пеклу и с сожалением наблюдает, как страдают грешники, однако он ничем не может им помочь» [Маркевич 2014:

137]. Образ скитальца Марка Пекельного известен и украинцам (ср. фразеологизм *товчеться, як Марко по пеклу*); существует предположение, что подобный фольклорный образ Марка у восточных славян восходит к польск. *nosny Marek* < *nosny marek* ‘человек, работающий ночью; тот, кто активен ночью’ < *nosna tara* ‘ночной призрак, кошмар’.

Личные имена, не имеющие настолько яркого отражения в народной мифологии, также при этимологической общности у представителей разных народов вызывают различное представление о своих носителях. Например, точные этимологические аналоги *Marta* и *Марфа* в русском и польском языках вызывают у носителей следующие ассоциации (частичный компонентный анализ выполнен в результате опроса среди носителей языка):

	национальный	темпоральный	социальный	частотный
в рус. яз. <i>Марфа</i>	‘своё’	‘устаревшее’	‘просто-народное’	‘редкое’
в польск. яз. <i>Marta</i>	‘чужое’ (‘немка’)	‘современное’	‘аристократическое’	‘не редкое’
Ср. в рус. яз. <i>Марта</i>	‘чужое’	‘современное’	—	‘редкое’

Кроме того, набор выявляемых у имени собственного коннотаций зависит от реципиента: так, представители научной сферы чаще характеризуют имя *Марфа* как ‘устаревшее’-‘аристократическое’: *Марфа-посадница*, в то время как прочие русскоязычные респонденты – как ‘простонародное’: *Марфушенька-душенька*. Отдельно можно говорить о высокой, книжной коннотации конкретного имени: в «Словаре коннотативных собственных имён» для имени *Марфа* указано переносное значение ‘женщина с практичным характером; заботливая хозяйка, на первое место ставящая не духовное, а материальное («низменное») начало в жизни; воплощение земного пути служения’ [Отин 2004: 227], которое, однако, не было названо респондентами в качестве ассоциации.

В аналогичной ситуации находятся и этнонимы, способность которых приобретать различную оценочно-коннотативную окраску в различных языках неоднократно привлекала к себе внимание как предмет исследования [Lichtenberg 2005; Гучепшокова 2006; Даниленко 2006; Феоктистова 2009; Ахметсагирова 2010; Кашкин 2010; Пантюхова, Красикова 2014 и др.]

О.А. Корнилов пишет: «Коннотативный аспект значения слов – результат работы именно эмоционально-оценочного компонента языкового сознания. Уникальность любого национального языка в очень большой степени проявляется именно в том, что коллективное языковое сознание по-разному распределяет относительно универсальный набор эмоциональных оценок по концептам языка, изначально никак не связанным ни с оцениванием, ни с эмоциями» [Корнилов 2003: 235]. Коннотация может быть рассмотрена как часть значения, дополняющая сведения о реалии сведениями о национальной специфике, что вызывает соответствующий речевой эффект [Телия 1986: 3]. Уже поэтому национальная специфика значения имени представляется уникальной.

Безусловно, можно говорить и о возможной общности значения имени собственного в картине мира носителей разных языков («международный фонд» коннотативных имён собственных [Отин 1997 (2): 279]) – как правило, если речь идёт об именах, заимствованных из одного источника и преимущественно из одного контекста (например, библеизмы) [Мжельская 2009: 39]. Так, имя *Мафусаил* имеет значение ‘старик, долгожитель’ на всем индоевропейском ареале. Однако нюансы семантической структуры таких имён в восприятии носителей разных языков и возможность их функционирования в контексте также могут быть и, как правило, бывают различны. Это касается и близкородственных языков, оказавшихся подключенными к различным культурным контекстам – ср.: у восточных и южных славян имя библейского Иова стало синонимом крайней бедности, в то время как в устойчивых сравнениях с этим компонентом у

западных славян подчёркивается долготерпение Иова [Кузнецова 2006: 102]. Более того, в зависимости от принадлежности к культурно-историческому, культурно-религиозному контексту может меняться и количественная характеристика подобных онимов в языке: например, «русский и польский языки часто разнятся удельным весом общеизвестных европейских антропонимов» [Кульпина 2013: 107].

При этом функционирование коннотативного плана имён собственных, употреблённых в тексте литературного произведения, закономерно отличается большей сложностью: в художественном тексте «на реально существующие факты накладывается ещё целый ряд обстоятельств, связанных с реализацией авторского замысла» [Гюббенет 1991: 119]. Сумма употреблений коннотативного имени в художественных текстах определяет особую значимость и сложность его лингвокультурного значения. Имя собственное в художественной литературе, вписанное в образную (и, как уже было сказано, в аксиологическую) структуру текста, в значительной степени превосходит имя нарицательное степенью в отношении своей коннотативной насыщенности.

Тем самым включённость в национальную языковую картину мира определяет возникновение и функционирование в языке национально-специфической лексики, к которой относятся и имена собственные. Национально-культурная специфика антропонимов актуализируется через коннотативный потенциал, накопленный в процессе их функционирования в рамках определенной лингвокультурной общности [Зубкова 2012: 78].

Более того, имена собственные способны маркировать саму сферу национально-культурной и принадлежности их носителя. Онимы, в частности антропонимы, в отношении национально-культурной принадлежности могут иметь репрезентативный, близкий к нарицательному смысл. Например, *Бартек*, *Матек*, *Кахна*, *Марина* (*Bartkowie*, *Maćkowie*, *Kachny*, *Maryny*) – имена «типично

мазовецкие», о чём свидетельствует А. Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш» [Makarski 2003: 118]; *Иван* – это символическое имя русского, и более того, «какой-нибудь Иван Иванович» – в русской традиции обозначение любого, «среднего» человека (ср. в «Пословицах русского народа»: *Всякий черт Иван Иванович* [Даль 1957: 705]). Однако в переводе транскрибированная форма *Iwan* *Iwanowicz*, к тому же содержащая отчество, напротив, становится экзотической для западнославянского читателя. При этом форма русского отчества, этимологически эквивалентная форме сербской, белорусской и польской фамилии, в современном употреблении является по отношению к ним омонимичной, из-за чего переводчик прибегает к их намеренному разграничению. Кроме того, в других языковых традициях может существовать иной стереотип именования русского: так, у болгар коннотативным значением ‘русский’ обладает имя *Алёша*. Эта особенность, связанная с национально-культурной маркированностью имён собственных, оценивается исследователем как «одна из наименее эксплицитных и потому не воспринимаемых как переводческая проблема» [Гринштейн 2002: 90] – даже в сравнении с полностью перешедшими в разряд нарицательных именами наподобие *фриц* или *ганс*. Однако именно эта особенность семантического наполнения *nomina propria* – национальная репрезентативность, связанная с исторической памятью («ретроспективной интертекстуальностью» [Кашкин 2010: 227]), – напрямую связана с трудностями их представления в переводе.

§ 4. Имя собственное в переводе и явление прецедентности

Перевод, направленный прежде всего на понимание текста, призван учитывать культурный фон, стоящий за текстом, с одной стороны, и сложившийся в сознании предполагаемого читателя, с другой. Между тем И.В. Гюббенет различает фоновое знание и вертикальный контекст: последний, по её мнению, в

отличие от фонового знания, является принадлежностью единицы текста и не всегда доступен (как правило, по большей части недоступен) в равной степени автору и читателю текста [Гюббенет 1991: 7]. Поэтому особый интерес и отдельную сложность представляет перевод художественных текстов, которые являются прецедентными для культуры языка оригинала. Явление прецедентности неоднократно получало объяснение с позиций лингвопрагматики [Красных 2002; Караулов 2004; Маслова 2004; Косиченко 2006; Голубева 2007; Флейшер 2014 и др.] Оптимальное объяснение феномена прецедентности предлагает Д.Б. Гудков: прецедентный текст определяется им как «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности», который «хорошо знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [Гудков 2003: 106]. В силу неизбежного различия уровня прецедентности того или иного текста для представителей разных народов полностью адаптировать восприятие такого текста или отсылок к нему представляется не только невозможным, но и нецелесообразным.

Феномен прецедентности проявляется не только на уровне текста, но и на уровне конкретного собственного имени. К прецедентным для той или иной культуры именам относят имена, связанные с широко известными (прецедентными) для носителей соответствующей культуры текстами или ситуациями [Красных 2002: 48; Гудков 2003: 108; Маслова 2004: 53], в том числе имена-эталоны – обычно тоже национально детерминированные. Прецедентные антропонимы составляют то, что называется «персоносферой культуры» [Яковенко 2013: 12].

Прецедентное имя может быть употреблено в художественном тексте как в денотативной, так и в коннотативной функции (экстенционально или интенционально), то есть для именованья или для характеристики того или иного

объекта. Эффект экспрессивности, связанный с характеристикой и оценкой, выступает основным фактором употребления прецедентных имён в тексте [Бирюкова 2012: 135] – преимущественно в публицистическом или художественном, где существенна аксиологическая составляющая имени.

В семантике онимов (в частности антропонимов) контекст имеет определяющее значение: так, фамилии в системе реальных антропонимов не являются мотивированными и выступают лишь как социальные знаки. Мотивированность им придаётся контекстом произведения [Прокудина 1985: 145], причём для реальных и вымышленных автором имён роль контекста проявляется в различной степени: особенно важна она для вымышленных автором антропонимов.

При употреблении в тексте прецедентного имени коннотативный элемент значения выходит на первый план; экспрессивный эффект порождается именно за счёт актуализации его коннотативных компонентов [Гудков 2003: 156]. Онимы, не относящиеся к прецедентным в строгом понимании этого термина, оказываются способны передавать разнообразные дополнительные имплицитные смыслы за счёт контекста. По этой причине категория прецедентности имени собственного заслуживает отдельного рассмотрения в тех случаях, когда имя функционирует в художественном тексте, который по определению насыщен имплицитными смыслами и способен актуализировать потенциальные значения ономастических единиц.

Исследователи говорят об аналогии между передачей в переводе имён собственных и слов, обозначающих национально-специфические реалии [Прошина, Шевелева 2001: 72; Катермина 2009: 3; Рябова 2009; Алексеева 2010]. Тем более ярко бывает выражен национально-специфический компонент в коннотативном наполнении онима, который будет отличаться характерными формантами, а в плане содержания нести определённые ассоциации. В связи с

этим представляется обоснованным употребление термина «ономастическая реалия». С. Флорин, С. Влахов подразумевают под реалией само слово, а не объект (референт), названный им: «термин «реалия» в значении «реалия-слово» достаточно укрепился в переводоведении <...>, чтобы не уточнять его при каждом употреблении» [Флорин, Влахов 1980: 7-8]. Таким образом, имена собственные сами по себе трактуются как реалии и включаются исследователями в общие классификации реалий.

Аналогично могут быть интерпретированы смысловые производные таких онимов – *nomina propria* в функции апеллятивов, которые также осмысляются как одна из групп безэквивалентной лексики того или иного языка [Korzeniicka-Berczyńska 2004: 46]. Д.С. Мгеладзе определяет антропонимы, используемые (и лексикализованные) в переносном значении, как антропономы: «в каждом языке можно отметить какое-то количество антропономов, <...> бытующих только в данном языке или в одном из диалектов данного языка» [Мгеладзе 1970: 158].

Лексикализация собственных имён в функции апеллятива – явление, распространённое в славянских языках (как в литературных, так и в народном языке), что находит соответствующее отражение в общей славянской языковой картине мира. Трансформируясь в апеллятивы, отонимные образования могут обладать разной степенью прецедентности, узнаваемости, различаются по интенсивности и направлению ассоциативного семантического наполнения в близкородственных языках. Так, производные от деминутивов одного и того же крестильного имени *Barbara* польск. *basia* ‘белка’ [SJP] (возможно, из ономатопои), словацк. *barbora* ‘контрабас’, ‘божья коровка’ [Nabovštiak 1980: 282]; для сравнения, в русском языке этимологический аналог *Барвара* является этнокультурно насыщенным, не переходя в апеллятив. Имена собственные в роли апеллятивов сохраняют свойственную им оценочную коннотацию; более того, оценочное значение в них зачастую актуализируется.

Наряду с распространённым пониманием культурно-специфической реалии как единицы безэквивалентной лексики существует представление об ассоциативных реалиях. Не всякая реалия соответствует ассоциативной лакуне, поскольку последняя предполагает экспрессивное наполнение безэквивалентного лексического компонента [Иванов 2006: 134]. Таким образом, ономастические реалии, предполагающие за собой раскрытие определённого ассоциативного фона, могут быть рассмотрены как ассоциативно безэквивалентные единицы лексики.

В основе дополнительных действий переводчика при представлении безэквивалентных единиц текста лежит лексико-семантическая трансформация, допускающая, впрочем, сохранение семантической структуры при изменении плана выражения. К разновидностям такой трансформации могут быть отнесены родо-видовая замена, выражающаяся в конкретизации или генерализации понятий, и описательный перевод, необходимый в отсутствие однозначно соответствующей реалии в культуре принимающего языка. Лексико-семантические видоизменения текста требуют интерпретации оригинала, которая зачастую противопоставляется переводу как таковому. И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг определяют интерпретацию как трактовку текста с «обращением к действительности» [Ревзин 1964: 59]. Тем самым, в задачи переводчика входит прежде всего аналитическое прочтение произведения, которое, по И. Левому, и составляет суть интерпретации [Левый 1974: 54].

Переводческую конкретизацию, заключающуюся в прояснении значения переводимой лексической единицы, следует отличать от конкретизации как частного случая родо-видовой замены. В случаях многозначности или аллюзивности имени собственного конкретизации предшествует интерпретация, которая выступает как обязательный этап в процессе перевода и связана с аналитическим прочтением текста подлинника, тщательным осмыслением онима, вплоть до восстановления протонима или изначально точного написания онима

(именно поэтому в словацком переводе романа «Белая гвардия» И. Изаковича *Ловская* улица названа *Ľvovská*: вариант *Ловская* представляет собой результат опечатки во французском издании романа в 1927 г. [Лескис 1999: 107]. Ср.: в чешском переводе А. Моравковой улица *Мало-Провальная* представлена как *Malá Játa*, что не является формально близким к названию реально существующей улицы Мало-Подвальной настолько, насколько это могло бы быть замыслено автором). По этой причине переводческая конкретизация, прежде всего при переводе культурно значимых литературных произведений с особенно насыщенной образной системой, представляется неизбежной. Некоторые точки зрения позволяют отнести любой перевод к интерпретации; «каждый существующий в культуре текст может быть переведён, если сознание читателя открыто для интерпретаций» [Korniejenko 1995: 162]. Принято говорить и о реинтерпретации текста [Legeżyńska 1986: 18], то есть интерпретации при подготовке перевода, вторичной по отношению к интерпретации при прочтении.

Положения теоретических исследований, посвящённых вопросам передачи безэквивалентной лексики и номинации безэквивалентных реалий в переводе, могут быть отнесены к соответствующей проблематике применительно к каждой группе частных случаев такой лексики. Например, среди способов перевода терминов называют транскрипцию / транслитерацию, калькирование, адекватную замену, субституцию и т.д. [Цепков 2015] – то есть те, которые традиционно предлагаются для перевода безэквивалентных реалий вообще. Все те же аналогичные способы представления в переводе предлагаются и для имён собственных, которые вообще не являют собой некую монолитную лексическую группу – в языке есть много пограничных категорий, которые отчасти принадлежат к ономастике: это, например, терминонимы, титульные единицы, разные типы уникальных номинаций и т.д. Однако их интерпретация и представление в переводе подчиняются тем же закономерностям, что и у других

разрядов и групп безэквивалентной лексики, с учётом их более высокого коннотативного потенциала.

Различая трансформационный и денотативный методы перевода, Г.Э. Мирам определяет интерпретацию как приём денотативного метода (в отличие от собственно перевода, который сводится к формальной трансформации). При этом, по мнению исследователя, интерпретирующий денотативный подход преобладает именно при переводе произведений художественной литературы, поскольку «задача такого подхода не только и не столько передать содержание, сколько создать адекватный образ, вызвать у читателя соответствующие эмоции и ассоциации, а средства для этого в разных языках бывают разные» [Мирам 1999: 55]. Между тем, мы считаем, что ассоциативное восприятие имени собственного в смысле его коннотативных значений способно различаться в разных культурах вне зависимости от жанровой принадлежности контекста его употребления.

Литературный перевод может быть осмыслен как результат сопоставления двух культурных кодов: «в структуре литературно-художественного произведения потенциально заключены символы всей языковой культуры его эпохи» [Виноградов 1980: 68]. Интерпретация влечёт за собой стремление к сохранению данного символического пласта, насколько это возможно, что предполагает ряд формально-стилистических изменений в тексте перевода по отношению к подлиннику. А. Поповичем описана подробная градация стилистических изменений в художественном переводе, применимая и к собственным именам: возможны стилистическое соответствие, субституция, замена (инверсия), усиление, типизация, индивидуализация, ослабление, нивелировка, утрата [Попович 1980: 99]. Однако полная семантическая компенсация, которая предполагала бы соответствие соотношения смыслового наполнения и средств его выражения, в переводе оказывается практически недостижимой – как, впрочем, и не всегда целесообразной.

§ 5. Имя собственное и проблема переводимости

Переводимость, понимаемая как возможность полноценно представить все аспекты смыслового наполнения подлинника в переводе, представляет собой один из крупнейших проблемных вопросов межкультурного общения. Традиционно выделяются три основных точки зрения на проблему возможности перевода вообще и перевода имён собственных в частности: мнение о принципиальной непереводимости, принципиальной переводимости или относительной переводимости (см. [Ріесул 1997]).

В советскую эпоху спор между отечественными сторонниками теории переводимости и непереводимости, как правило, решался в пользу первых: исследователями активно выдвигался и доказывался тезис о принципиальной переводимости художественного текста на всех его уровнях за счёт существования смысловых и языковых универсалий (А.В. Фёдоров, А.Д. Швейцер, Л.С. Бархударов и др.). Представители советской школы художественного перевода настаивают на переводимости всех элементов текста, в том числе и собственных имён. Переводимость онимов основана на «сходных приёмах создания ассоциаций» в принимающем языке для вымышленных имён и «общности экстралингвистических ассоциаций» для реально существовавших имён [Смирнов 1991: 3]. Противоположная точка зрения связана с признанием существования языковых лакун и различия созданных с помощью языка мыслительных моделей (А.А. Потебня, Ю.А. Сорокин и др.). Она восходит к взглядам В. фон Гумбольдта, который писал: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного

народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но просто невозможно» [цит. по: Федоров 1983: 31]. Исследователи учитывают также неизбежное расхождение менталитетов читателей подлинника и перевода [Горина, Милостивая 2010: 157; Tokarz 2011: 16].

Судя по всему, «указанные позиции не противоречат, но скорее дополняют друг друга, обогащают возможности исследователя в изучении одной из самых важных и актуальных в современной теории перевода – проблему переводимости, тесно связанную с проблемой описания языкового значения и являющуюся составной частью процесса интеграции двух или более языков и культур» [Киселёва 2000: 9]. Помимо указания на очевидные ментальные различия, необходимость смыслового перевода связана и со стремлением к взаимному пониманию в порядке ведения диалога – безусловно, при подчёркивании собственной специфики.

Вопрос о переводимости тесно связан с понятиями эквивалентности и адекватности перевода (или его репрезентативности [Комиссаров 1973; Игнатович 2011: 51 и др.]). Эквивалентность поднимается как соответствие денотативного значения имени в оригинале и в переводе, то есть максимальное совпадение между содержанием исходного и переводящего текстов, без которого перевод теряет свою сущность, и вместе с тем соотнесённость с одной и той же предметной ситуацией. При этом «идея абсолютной эквивалентности является утопией» [Новикова 2008: 80]: полноценный перевод подразумевает не только смысловую равнозначность, но и сохранение культурной динамики, возникающей в результате взаимодействия исходного и чужого языка. Читатель переводного произведения настроен на восприятие экзотического, ожидает присутствия в тексте элементов экзотики и на формальном, и на содержательном (сюжетно-тематическом) уровне. Однако переводчик всё время должен отличать при

переводе, что в переводимом произведении является деталью и что важным элементом [Koževnikova 1956], и при этом учитывать психологические особенности восприятия заимствованного текста: он не должен проигрывать в лёгкости восприятия. Это и является залогом адекватности перевода: переводчик борется «за адекватность <...> не лексическую, а эмоционально-ассоциативную, то есть за художественную адекватность» [Станкевич 2005].

Что касается имён собственных, в сфере их лексических фонов исследователи констатируют закономерную неполноэквивалентность [Пантелеева, Прошина 2000: 121], отсутствие устойчивых эквивалентов. Личные имена славянского языкового пространства, как и европейского языкового пространства в целом, заимствованы в большинстве своём из общего источника; это традиционные имена из христианских святцев, а также народные имена со схожей во всех славянских культурах формой и семантикой. Некоторые из русских имён полностью фонетически совпадают со своими эквивалентами в других славянских языках: рус. *Иван* – чеш. и словацк. *Ivan*, серб. и макед. *Иван*; рус. *Анна* – польск. *Anna*, чеш. и словацк. *Anna*, серб. и макед. *Ана*; исследователи определяют подобные примеры как образцы полной эквивалентности [Kremzer 1981: 107], однако такие случаи достаточно редки. По преимуществу имена общего происхождения, считающиеся эквивалентными с этой точки зрения, обладают в близкородственных языках минимальными фонетическими различиями (образуя системные соответствия, или формальные проксиматы [Правда 2015: 58]): рус. *Фёдор* – болг. и макед. *Тодор*; рус. *Пётр* – чеш. *Petr*, словацк. *Peter*, серб. *Петар*, болг. *Петър*, и т.д. Аналогична ситуация с другими типами онимов: *Россия* – серб. и макед. *Русија*, польск. *Rosja*; *Вена* – словацк. *Viedeň*, польск. *Wiedeń*, чеш. *Videň*, укр. *Відень*, серб. *Беч*, болг. и макед. *Виена*; и т.д.

Близкое родство славянских языков не означает общности их ономастической системы. Дестандартизация, вызванная обширным рядом факторов (от

воздействующего посредничества различных неславянских языков до расхождений в произношении), отмечается среди топонимов [Тренков 1989]. Мнимой является и общность славянского антропонимикона: например, существуют отдельные православные и католические святцы, причём последние различаются для традиций Польши, Чехии и Словакии. Относительное совпадение наблюдается только при сопоставлении с русскими южнославянских именников – составляющие их антропонимы частично «восходят к общим основам и входят в активный словарный запас» [Тодоров 1995: 85]. Тем ярче в большинстве остальных форм (не говоря о коннотативном содержании; см. § 3) антропонимов выражен национальный колорит. Именно по этой причине имена собственные в составе языка принято относить к псевдоэквивалентной лексике.

Традиционным является разделение *nomina propria* в художественном тексте на значимые (вымышленные автором) и реально существовавшие в языке, с закреплённым за ними ассоциативным содержанием: «для истории не безразлично, какого происхождения <...> собственное имя: собственно исторического или поэтического; но разница эта до некоторой степени изглаживается тем, что и действительное лицо становится достоянием предания и истории языка не иначе, как прошедши сквозь среду мысли и словесного выражения, стало быть, во всяком случае, как тип поэтический» [Потебня 2003: 195]. При этом ассоциативное содержание значимых имён, взятых из художественных текстов (поэтонимов), может не уступать по объёму значению реально существовавших имён и даже превосходить его. Имя в художественном произведении всегда предполагает развёртывание ассоциативного поля, подтекста, который может быть юмористическим, эстетическим (связанным с культурными аллюзиями), интеллектуальным или социально-статусным [Чернобров 2000: 95]. При этом препятствовать достижению эквивалентности в передаче имени при переводе литературного произведения может уже само

воспроизведение национально-этнического смыслового компонента имени собственного, предполагающего у реципиента определённые, характерные для конкретной нации фоновые знания и лишённое комментария или иного пояснения в тексте перевода. Более того, нередко переводчик «просто не понимает и не чувствует никаких аллюзий в книжном имени собственном, которое у носителей языка ассоциируется с определённым словом из фольклорных, литературных и фразеологических источников» [Виноградов 1978: 150].

Особенность функционирования имён собственных в контексте заключается в том, что они способны выступать в переносном значении, включаться в устойчивые лексические сочетания и т.д. Распространённым явлением в тексте является антономасия – особый тип синекдохи, которая может проявляться в том числе и в замене собственного имени по родовому признаку или нарицательного имени другим собственным. В.Н. Михайлов различает четыре разновидности случаев такого использования имени собственного в художественном произведении: имя может быть употреблено:

1) как художественно-образная характеристика или выражение авторской оценки;

2) как своеобразный псевдоним косвенно упоминаемого реального лица (когда речь идёт об антропонимах; представляется возможным распространить данную возможность и на другие типы собственных имён);

3) как средство выражения отдельных обобщённых мыслей (часто публицистического характера);

4) как средство создания «исторического фона» и придания произведению черт исторической достоверности [Михайлов 2008]. При этом каждый случай употребления имени собственного в переносном (метафорико-метонимическом) значении способен сопровождаться появлением эмоциональных коннотаций – благодаря фоновым знаниям, актуализируемым в конкретном контексте, за счёт

чего такие *nomina propria* в значительной степени нуждаются именно в смысловой передаче при переводе.

§ 6. Переводческие примечания как фактор восприятия переводного текста

Среди возможных способов семантической компенсации при переводе включение в издание паратекста в виде переводческих примечаний и комментариев остаётся одним из наиболее распространённых [Остапенко 2013]. На практике оно может принимать различные формы:

- подстрочное примечание,
- затекстовый комментарий,
- пояснение ономастической реалии непосредственно в тексте.

Более того, в связи с различиями между системами образования гипокористик в разных языках существует практика, когда переводчики также приводят перед началом произведения список основных действующих лиц с разными вариантами именования. Ранее подобный список мог включать в себя и калькированные имена. О подобном опыте в связи с чешским переводом произведений Ч. Диккенса, который выполняли Е. Тильшова и Е. Тильш, пишет А. Попович: «Переводчики <...> полагали, что они помогут читателю, если, вместо предисловия, составят список действующих лиц с именами, переименованными на чешский лад, которыми они, вероятно, и воспользовались бы, если бы переводили книгу в то время, когда автор ещё не стал бессмертным классиком и когда его персонажи ещё не укоренились так прочно в культурном сознании мира» [Попович 1980: 139].

Современный подход к аллюзивному прецедентному тексту как к гипертексту позволяет разрабатывать технический механизм включения примечаний в текст, предположительно воспринимаемый с электронного носителя: «в местах со

звёздочкой можно поместить более подробную информационную базу в виде заглавных страниц – сайтов – как бы добавочную литературу по данной теме». В силу специфики мышления современного читателя «компьютер в таких случаях принимает на себя функцию образованного человека старых времён, который, читая, всё понимал», в том числе и лингвокультурные ассоциации с прецедентными онимами [Йонаш 2007: 106].

На настоящий момент, как правило, сохранение ономастической реалии в тексте с последующим её пояснением (подстрочным или затекстовым) в сравнении с прочими способами или отказов от комментария обозначается как предпочтительный [Чернобров 2000: 99; Лукманова 2012: 23]: «Во-первых, примечания позволяют сохранить в тексте элементы чужой культуры. Во-вторых, использование затекстовых комментариев, являющихся дополнительной опорой для читателя (у читателя всегда есть выбор читать или не читать комментарий), не нарушает «эффекта близости», получающегося в результате использования элементов чужеродной лингво-культуры без непосредственных разъяснений в самом тексте» [Алексейцева 2009: 120]. Однако ряд исследователей, преимущественно переводчиков-практиков, воспринимают подстрочные и затекстовые примечания как вынужденную необходимость «расписаться в собственной беспомощности» [Галь 2001: 225], как выполняющие функцию «оправдания» переводчика. В ситуациях, связанных с языковой игрой и каламбурами, примечания как таковые, как правило, разрушают экспрессивный эффект. Кроме того, читатели признают неудобство обращения к примечаниям, расположенным в конце книги – тем самым, тенденция отказа от примечаний на практике вызвана в том числе стремлением упростить восприятие текста читателем.

Иногда полное отсутствие комментариев связано с тем, что для текстов на принимающем языке не сложилось соответствующей традиции. Так, издания

произведений русской литературы на славянских языках, как правило, примечаний в принципе не содержат. Исключением явилось издание романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на болгарском языке в новом переводе, выполненном Т. Баловой: в отличие от прежнего перевода Л. Минковой (1968 г.), новая версия включает в себя затекстовые Примечания и комментарии на 47 страницах, значительное место в которых отведено ономастическому комментарию к роману [Бележки и коментари 2012]. Между тем в переводы произведений русской литературы на английский, французский языки подстрочные примечания к упоминаемым реалиям, в том числе культурно обусловленным онимами, включаются регулярно [Моисеева 2003: 103; Алексейцева 2009: 120; Прийтенко 2013: 14]. Это объясняется сложившейся практикой, в которой не последнюю роль играет позиция издателя и технические вопросы издания.

Одним из распространённых способов представления переводческих комментариев остаётся включение их непосредственно в текст произведения – в этом случае предполагается открытая подача ассоциаций, связанных с онимом. Данный способ считают приемлемым не все переводчики и исследователи, «поскольку никакие изменения и включения недопустимы в самом тексте с точки зрения <...> переводческой концепции», связанной со стремлением к максимально точной передаче своеобразия подлинника [Алексейцева 2009: 119]. Тем не менее, на наш взгляд, на практике подобная внутритекстовая экспликация представляет один из оптимальных способов представления важной культурной информации, который обеспечивает её органичное восприятие читателем.

Между тем не вся имплицитная информация, содержащаяся в подлиннике, может быть и должна быть воспроизведена в переводе: восприятие предполагаемого читателя, будучи отличным от восприятия читателя оригинала, зачастую не способно охватить в точности тот же смысловой и ассоциативный

объём, который закладывался в образную систему автором. Смысловые, исторические, этимологические детали «могут быть скрыты и перед переводчиком, а если он их выявляет, то стоит перед вопросом о целесообразности их перевода» [Сипко 1999: 46]. Далёко не вся информация, которую несёт в себе собственное имя, подлежит передаче на другой язык, и передача общего национального колорита представляется приоритетной относительно точного воспроизведения семантической структуры имени.

Выводы к главе I

Имея глубокие корни, история славяно-славянского перевода неразрывно связана со становлением национального самосознания славянских народов, их литературных языков и собственной литературной традиции, в своеобразии развития которых заложены и основы смыслового – ассоциативного – различия этимологически тождественных имён собственных. Имена, употребляемые в каждом конкретном языке, так или иначе включаются в национальную картину мира. Это существенно для перевода, в том числе литературного, который, будучи связан с интерпретацией текста оригинала, в настоящее время рассматривается как трансляция смыслов.

Вместе с тем определение национально-культурной специфики смыслового содержания имён собственных, особенностей их коннотации в языке возможно именно при сопоставлении ассоциативного наполнения *nomina propria* в различных, в том числе близкородственных, языках. При этом имя может быть закономерно рассмотрено как национально-специфическая реалия. Кроме того, функционирование имени собственного в контексте художественного произведения, который позволяет актуализировать большее количество потенциально заложенных в нём смыслов и ассоциаций, способствует раскрытию

в нём смысловых особенностей, связанных с его национальной отнесённостью. Текст как более или менее прецедентное для данной культуры явление делает собственное имя узнаваемым, добавляет к его общеязыковым коннотациям частные, связанные с конкретным литературным произведением и его системой образов. Степень семантического искажения и компрессии в именах собственных, способы эксплицитной и имплицитной семантической компенсации при переводе художественного текста подлежат тщательному анализу.

Таким образом, с вопросом о возможности точного перевода имени связан и вопрос о целесообразности полного перевода как такового с учётом особенностей восприятия для той или иной культуры и языкового пространства. Это существенно и для перевода на близкородственные языки.

ГЛАВА II

ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОНИМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

§ 1. Классификация способов представления имени собственного при переводе и их соотношение

На основании многочисленных исследований теоретики перевода неоднократно классифицировали основные способы и приёмы передачи ономастических единиц в переводном художественном тексте [Balcerzan 1971; Perek 1995; Корунець 1986; Ермолович 2001; Нелюбин 2009], которые в целом традиционно могут быть подразделены на следующие группы:

- 1) формальные способы перевода (транскрипция, транслитерация, транслокация [Makarski 2003: 109]);
- 2) семантические способы перевода:
  - а) собственно смысловой перевод (калька);
  - б) смысловая замена (замена ономастической реалии, родо-видовая замена и др. [Влахов, Флорин 1980]), т.е. субституция, или трансформация [Чернобров 2000].

Кроме того, некоторые исследователи выделяют пути адаптации, модуляции, направленной на соответствие духу языка [Balcerzan 1971]. Рассматривая способы передачи ономастических реалий, исследователи, как правило, выделяли какой-либо из них в качестве предпочтительного [Реформатский 1972; Миньяр-Белоручев 1996; Сипко 1999; Чернобров 2000; Ермолович 2004; Фененко 2001, 2009]. Впрочем, выбор способа передачи имени зависит от ряда факторов, в том числе и от принадлежности текста к конкретной временной литературной парадигме. Так, в XVIII-XIX вв. преобладал смысловой перевод не только имён, но и реалий (приём «склонения на наши нравы»), вышедший из употребления к

рубежу XIX-XX вв. В настоящее время среди применяемых переводчиками приёмов противопоставлены, как правило, транскрипция, транслитерация, трансплантация или транслокация с одной стороны, и смысловой перевод: калька, субституция (или трансформация, замена онима), с другой.

Для передачи различных типов онимов характерны разные способы представления имени. Так, при передаче топонимов наиболее актуален принцип узнаваемости, поэтому в переводе чаще используется их адаптированная, одомашненная форма. Больше всего уже утвердившихся в переводческой традиции вариантов встречается именно среди географических названий. Переводчик М. Петкова пишет: «Неточность передачи топонимики опасна – из-за одной-единственной буквы могут возникнуть серьёзные недоразумения и перенесение событий в совершенно другое место» [Петкова 2002: 378]. По словам А.Д. Михайлова, «чем дальше описываемая местность удалена от центра, от столицы, тем реже переводчики прибегают к транслитерации. Но такое удаление может быть не только <...> географическим, но и хронологическим. При переводе произведения, описывающего прошлое, транслитерация также уступает место переводу» [Михайлов 2006: 131].

Кроме того, выбор переводческой стратегии при передаче имён собственных, по утверждениям исследователей, в значительной степени обуславливается жанром переводимого произведения [Смирнов 1991], поскольку от жанра зависит степень актуализации коннотативных значений онима. Так, в детской переводной литературе, представляющий обширный материал для исследования с точки зрения ономастикона, принципиально использование кальки и субституции, которые в большинстве случаев предпочитают транскрипции; аналогичными принципами руководствуются переводчики волшебной сказки, преследующие цель создания не столько национального, сколько архаично-народного колорита [Крисань 2003; Rzepnikowska 1997; Uhrová, Uher 1992]. Соответствующая

ориентация на восприятие адресата (ребёнка или взрослого, массового читателя или специалиста-филолога) является «критерием правильности, корректности, успешности вариантов перевода» [Перевышина 2013: 121].

Калькирование как переводческий прием имеет ряд функциональных ограничений, которые прежде всего связаны с жанром переводимого произведения. Перевод смысловой части значимых имён уместен в сатирических или фантастических контекстах, а также для введенных в текст автором вымышленных онимов с максимально прозрачной внутренней формой¹, но практически невозможен в эпическом повествовании на историческую тему. По этой причине одни и те же переводчики произведений М.А. Булгакова (А. Моравкова; И. Левандовска, В. Домбровский) широко использовали прием кальки в воссоздании ономастикона романа «Мастер и Маргарита», но отказывались от него при переводе романа «Белая гвардия».

Проза М.А. Булгакова, насыщенная упоминаниями культурно-исторических реалий и указаниями на них, требует применения различных возможных способов адекватного воспроизведения имён собственных. Примерное соотношение способов передачи ономастических единиц в переводах романов М.А. Булгакова является следующим:

---

¹ Н. Пайванчич, переводчик фэнтези на сербский язык, пишет: «Ja i dalje tvrdim <...> da u *prepevu* nadimaka ne moramo da se držimo svih pravila kao pijan plotu». См.: Čekajući Martina... [Электронный ресурс] // Znak Sagite: Više od fantastike. – Режим доступа: <http://www.znaksagite.com/diskusije/index.php?topic=1346.150>.

Версия перевода	Транскрипция / транслитерация (%)	Адаптация/ калька (%)	Замена ономастической реалии (%)	Родовидовая замена (%)
польский (И. Левандовска, В. Домбровский)	82,8	15,79	0,18	1,23
чешский (А. Моравкова)	79	18,5	0,55	1,95
чешский (Л. Дворжак)	73,37	25,08	0,93	0,62
словацкий (М. Такачова)	84,62	13,38	1,67	0,33
словацкий (И. Изакович)	74,92	20,6	1,2	3,28
сербский (М. Чолич)	91,9	7,49	0,15	0,46
македонский (Т. Урошевич)	96,61	3,39	–	–

Д. Урбанек исследует разные пути передачи имён и реалий на материале перевода романа «Мастер и Маргарита»: И. Левандовска и В. Домбровский чаще прибегают к транскрипции, А. Дравич – к переводу значимых фамилий, используя одомашненные («spolszczone») формы имён и названий (*Anielcia – Annuszka – Аннушка, Cyrylek – Kiriuszka – Кирюшка*), причём нарицательные существительные, называющие национально-специфические реалии, в его версии транскрибированы, что Д. Урбанек расценивает как попытку выразить владение реалиями [Urbanek 1996: 286]. При переводе на чешский язык Л. Дворжак чаще прибегает к приёму смыслового калькирования, чем А. Моравкова. Таким образом, выбор стратегии использования того или иного способа представления онима в значительной степени является решением конкретного переводчика. Выбор между транскрипцией оригинального имени и введением его этимологического аналога – во многом дело переводческой интуиции, и универсального решения в этом вопросе не существует. О подобной творческой непоследовательности в передаче иноязычных имён писал Ю. Тувим: «Я сам не

знаю почему, но Онегин может быть в Польше Евгениушем, а Иван не может быть Яном. Это неслыханно тонкие и едва уловимые различия»¹.

Закономерности выбора переводческих решений связаны и с особенностями существующей в принимающем языке традицией литературного перевода, с состоянием и вектором её развития. Так, для переводов на македонский язык – один из наиболее молодых литературных славянских языков – характерна транскрипция онимов: *Кирјушка, Покљовкина* (рус. *Кирюшка, Поклёвкина*) с неизбежной утратой внутренней формы и коннотаций значимых имён и фамилий. Переводы на славянские языки со старшей литературной традицией (польский, чешский) в целом отличаются отказом от формальной передачи имён и максимальной степенью их адаптации к восприятию читателя со стремлением к сохранению смыслов: ср. те же имена, которые демонстрируют адаптацию на семантическом и на словообразовательном уровне – польск. *Cyrylek*, чеш. *Křovakinová*, словацк. *Larionko*.

При выборе стратегии передачи имён собственных в переводе литературного произведения в значительной мере учитывается и опыт уже имеющихся переводов [Obrębska-Jabłońska 1951: 99]. Их детальное исследование не только включает переводчика в контекст работы его предшественников, но и позволяет ему унаследовать удачные творческие ходы, которые, однако, в каждом новом случае остаются его индивидуальным решением.

§ 2. Транскрипция и транслитерация имён собственных при переводе

Под транскрипцией принято подразумевать передачу звуков или начертаний языка системой знаков, отличной от принятых в этом языке письменных единиц.

---

¹ Ю. Тувим. Письмо к К. Иллакович. Цит. по кн: Живов М. Юлиан Тувим – пропагандист русской поэзии // Мастерство перевода: Сборник 1962. М., 1963. С. 434.

Способ транскрипции при переводе имён собственных по статистике применяется наиболее часто (см., например, таблицу на с. 72) и предполагает запись фонетического облика имени (при необходимости – адаптированного) при помощи графики языка, на который переводится текст, с соблюдением орфографии и графической традиции принимающего языка [Немировская, Степанян 1988: 176, 177]. Это «не научная фонетическая, а так называемая практическая транскрипция, которая, не выходя за пределы принятого для данного языка алфавита, <...> должна елико возможно адекватно передать информацию текста оригинала в тексте перевода в отношении собственных имён» [Реформатский 1982: 331]. При этом, если речь идёт о художественном произведении, русские имена (включая фамилии) в переводе на другой язык должны максимально сохранить свой орфографический облик в целях сохранения колорита. Даже близость фонетики большей части славянских языков не предполагает фонетической адаптации (одомашнивания) имени собственного в тексте. Так, при максимально близком соответствии эквивалентов рус. *Елена* – чеш. и словацк. *Helena* (пример из [Straková 1994: 174]) имя героини романа «Белая гвардия» в переводах с целью сохранения ассоциативного значения ‘русская’ представлено в точной транскрипции русского варианта, а не в виде чешского или словацкого этимологического эквивалента: чеш. *Jelena Talbergová-Turbinová*, слов. *Jelena Tal'bergová-Turbinová*.

При выборе способа представления имени в переводе учитывается, освоено ли оно в принимающем языке и насколько частотно оно для культур оригинала и перевода (один из трёх важнейших факторов при принятии переводческого решения наряду с учётом соотношения графических систем и диахронического аспекта [Straková 1994: 172]). Особенности представления имени путём транскрипции определяются «языковой культурой обоих контактирующих языков, глубиной и длительностью культурных контактов» [Теория и методика

ономастических исследований 1986: 136]. Так, некоторые имена имеют свою традицию передачи в принимающем языке и потому отличаются установившимися нормами в его орфографии [Тимофеев 1981: 23; Кожемякина 2009: 42-43].

Основным требованием к транскрипции имени собственного считается единообразие его графического оформления в принимающем языке. Особенно это касается молодых литературных языков, в которых ещё не успела сложиться устойчивая традиция единообразного произношения и написания имён. Для таких случаев исследователи предлагают составление и использование стандартизированных списков имён собственных, оформленных так, как они должны выглядеть в графике принимающего языка [Дучевска 2005; Арсова-Николиќ 2008], или своды правил практической транскрипции [Щерба 1940; Влахов 1989; Гудманян 2000; Ермолович 2004; Коздра 2008; Корунець 1986; Нелюбин 2009; Старостин 1965; Тимофеев 1981]. Они в значительной степени могут быть применены и к графическому оформлению имён собственных в переводе художественного текста.

Славянские языки используют различные графические системы, среди которых – кириллица и латиница разных образцов. Так, латиница чешского языка не идентична латинице словацкого, а кириллица македонского языка не равняется сербской вуковице (сербские переводы романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита», входящие в число источников материала настоящего исследования, выполнены именно в системе вуковского кириллического письма). Наряду с транскрипцией в ряде случаев используется транслитерация, то есть побуквенный перенос написания слова из одной графической системы в другую безотносительно произношения. Исследователи констатируют: «полностью отказаться от транслитерации бывает трудно. Дело в том, например, что бывают спорные или неясные этимологии» [Михайлов 2006: 133]. Е. Тимофеев в случае

неясной этимологии имени собственного предлагает применять к нему транскрипцию, адаптацию, предусматривая для слов с незатемнённым происхождением (при этом аффиксы не переводятся и в условном понимании затемняют этимологию слова, поэтому слово с общеславянским корнем и характерным только для определённого языка аффиксом считается этимологически неясным) [Тимофеев 1981: 25].

Таким образом, среди способов передачи онима, опирающихся на формальный аспект его представления, транскрипция (иногда в сочетании с транслитерацией), оказывается наиболее популярной. Между тем она не исключает возможности варьирования при переводе на один и тот же язык в силу фонетических причин: «Варьирование многих имён в тексте перевода связано с возможностями <...> алфавита, при помощи которого нельзя обозначить некоторые признаки, имеющие фонематическое значение в языке-источнике» [Горбачевский 1998: 160].

Анализ расхождений в подходе к графическому восприятию имени в различных культурах позволяет сделать некоторые более широкие выводы об особенностях мышления представителей данных культур: так, например, различия между возможностью трансплантации заимствованных с Запада имён в польском языке и их транскрипцией в русском иллюстрируют тот факт, что «Польша и Россия имеют разное отношение к чуждости» – а это проявляется в том числе и в разных способах усвоения польским и русским языками элементов третьей (внешней) культуры [Синявская-Суйковска 2010: 508].

2.1. Транскрипция имён собственных оригинала в кириллической графике

Подавляющее большинство имён собственных романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» в переводе на сербский и македонский и языки были

переданы посредством транскрипции. «Итак, вроде бы всё просто: если переводчик работает с двумя языками <...> с одинаковой графикой, то имя без изменений переносится из оригинала в перевод. Однако даже и в этом простом деле появляются свои трудности и исключения из правил» [Виноградов 2001: 151]. Правописание в сербском и македонском языках предполагает не только использование графики, отличной от русской, но и действие иного, фонетического принципа орфографии. Поэтому даже при простом переносе в сербскую и македонскую графические системы имя собственное приобретает графический облик, соответствующий их закономерностям:

1. В орфографии южнославянских языков не принято употребление двойных согласных, поэтому даже в иноязычных антропонимах на месте двойного используется единичный согласный: макед. и серб. *Атис* (Атгис), *Шилер* (Шиллер), серб. *Одеса* (Одесса), *фон Бусов* (фон Буссов). В особом ряду среди примеров стоит и имя *Анушка*: эта форма деминутива предполагает исходное *Анна* – имя, которое в произношении практически совпадает с традиционным южнославянским *Ана* и является общим для православного христианского именика в целом. Естественно, случаи такого совпадения очень редки.

2. В системе вокализма македонского и сербского языков нет противопоставленных друг другу фонем «и» и «ы»; представлен единый гласный, обозначаемый на письме буквой *и*. Поэтому при передаче звукобуквенного облика имён собственных в тексте перевода существующее в русском языке различие между «и» и «ы» нейтрализуется: серб. и макед. *Желдибин* (Желдыбин), *Перелигино* (Перелыгино), серб. *Сичиха* (Сычиха), *Копилов* (Копылов). Фамилии с окончанием *-ий / -ый* в переводе переданы в типичной для южнославянской антропонимии форме: серб. и макед. *Бездомни*, *Богохулски*, *Бернадски*, серб. *Богородицки*, *Липски*; аналогично в форме женского рода, оформленной как краткое прилагательное: *Подложна* (Подложная). Соответственно в

южнославянских языках противопоставление согласных по твёрдости / мягкости выражается иначе, чем в русском. Мягкость сонорных «л» и «н» передаётся на письме с использованием лигатур *љ, њ*: *Аљоша* (Алёша), *Њура* (Нюра), *Маљута* (Малюта). В тех случаях, когда мягкость согласного не находит аналога в южнославянской фонетике, используется *ј*: *Глухарјов* (Глухарёв), *Настасја* (Настасья), *Витја* (Витя); также вместо *ј* перед гласным на письме может обозначаться *и* полного образования: макед. *Наталија Прокофиевна* (Наталья Прокофьевна), *Антонида Порфириевна* (Антонида Порфирьевна), серб. *Алексеј Михаилович* (Алексей Михайлович), *Будзијак* (Будзяк). В некоторых случаях на мягкость согласных, присутствующих в русском варианте, указаний нет вообще: макед. и серб. *Аделфина, Арчибалд, Рудолф* (иноязычные антропонимы, в которых качество звука *л* в предполагаемом исходном языке соответствует так называемому *л* средневропейскому); *Галанба, Харков, Кузмин, Покобатко* (серб. *Покобаткова*). Колебания в передаче качества согласного связаны с различиями в формировании системы оппозиции твёрдости / мягкости, которая в южнославянских языках, в отличие от русского, действует лишь для отдельных согласных (в македонском – 4 пары согласных [Lunt 1952: 9], в сербском – 2 [Mrazović 2009: 50]).

3. В сербском и македонском вариантах написания ряда онимов, очевидно, в соответствии с естественной тенденцией языка к устранению зияния, отмечается появление интервокального *ј*: *Павијанов, Максимилијан, Марцијан*. В сербском варианте это явление намного более последовательно: *Иван Николајевич, Александар Сергејевич, Јерушалајим, Витлејем* (макед. *Иван Николаевич, Александар Сергеевич, Ершалаим, Витлеем*). М. Чолич придерживается правил транскрипции, в то время как Т. Урошевич чаще прибегает к транслитерации. Однако теоретики перевода сходятся во мнении, что всё же определяющей при

переводе (конечно, если не выполняется смысловое калькирование) должна быть запись «истинного произношения имени» [Дмитриев, Сафронов 1962: 151].

Аналогичное описанному явление возникает и в начале слова. Сочетания с начальным «ј», развившиеся в разговорной речи из зияний, в соответствии с фонетическим принципом правописания отражены в графике: серб. и макед. *Јуда*, *Јосиф*, *Јохан*, в то время как в русском языке зияния в начале антропонимов на письме и в литературном произношении, как правило, сохраняются по традиции (*Иуда*, *Иосиф*, *Иоганн*). Несвойственные славянским фонетическим системам зияния устраняются в тексте перевода также посредством перехода в «ј» ударного в русском варианте «и»: рус. *Луиза* – серб. и макед. *Лујза*; рус. *Алоизий* – серб. *Алојзије* и макед. *Алојзиј* (антропонимы позднего периода заимствования, в которых подчёркивается их западноевропейское происхождение, в отличие от традиционных имён из южно- и восточнославянских святцев).

4. В оформлении заимствованных имён в македонском тексте отмечаются также несоответствия в глухости / звонкости согласного: *Гај Каезар* (Кесарь) *Калигула* (интервокальный согласный представлен как звонкий), *Амфросиј* (Амвросий).

5. В отсутствие прямого фонетического и графического соответствия для русского *щ* южнославянская традиция передаёт его как сочетание *шч*: *Крешчатик* (Крещатик), *Шчеглова* (Щеглова), *Шчеткин* (Щёткин).

6. Сербский язык в качестве принимающего при переводе допускает фонетическую адаптацию имён: имена *Федя*, *Петя*, в отсутствие противопоставления по твёрдости / мягкости предполагающие оформление с использованием сочетаний *ђј*, *тј*, принимают облик *Феђа*, *Пеђа* (однако ср. аналогичный случай *Витја*, где сохраняется *тј*, не переходящее в *ћ*).

2.2. Транскрипция имён собственных оригинала в латинской графике

Чешский и словацкий языки используют графическую систему латиницы, которая включает в себя дополнительные символы, обозначающие палатализованные согласные (чеш. *č, d', ň, ř, š, t', ž*, словацк. *č, d', l', ň, š, t', ž*), а также предполагает проставление знаков долготы и некоторых иных диакритических символов над буквами, обозначающими гласные. Своеобразной является графическая система польского языка, включающая в себя для обозначения специфических согласных звуков буквы с диакритическими обозначениями *ć, ł, ń, ś, ź, ż*, а также диграфы *cz, dz, sz, rz*. Однако даже при использовании графической системы, подобным образом приспособленной к письменному оформлению речи славянского звукового строя, передача иноязычных имён вызывает некоторые трудности. В чешском и словацком языках затруднения связаны, как и в случае с южнославянскими языками, в первую очередь с графическим обозначением противопоставления согласных по твёрдости / мягкости и с обозначением разделительного *ь*: чеш. *Tat'ána, Fjodor Vasiljevič, Timirjazev*, словацк. *Riuchin, Sibír, Kl'azma, Fiodor Vasilievič*. Использование символов *d', ň, t'* в чешском и словацком языках (а также *l'* в словацком, *ń* в польском) позволяет лишь отчасти решить проблему, связанную с обозначением мягкости: *Sevastopol', Kazaň / Kazań, Vi'a, Fed'a* (но польск. *Witia, Fiedia*). В польской графике такой проблемы не возникает, поскольку твёрдые и мягкие противопоставлены за счёт употребления на письме *i*, указывающей на мягкость предшествующего согласного.

Использование латиницы при переводе текста на западнославянские языки даёт возможность графического оформления многочисленных иноязычных онимов в их исконном виде. Важность этой возможности подтверждают переводчики-практики: для установления точного соответствия реалий (в том

числе и прежде всего топонимов) необходимо выполнять их транскрипцию с языка их происхождения, а не с языка перевода [Петкова 2002: 378] – то есть, по существу, трансплантацию. Для рассматриваемого материала это весьма актуально: романы М.А. Булгакова являются в высшей степени многоплановыми, они содержат отсылки ко множеству эпох, имён, произведений мировой культуры. Заимствованные имена собственные выглядят в западнославянских переводах М.А. Булгакова так, как они пишутся в немецком (*Schiller, Strauss*), французском (*Hugo, Clopin Trouillefou, La Fontaine, Vieuxtemps*), английском (*Archibald, Newton*), итальянском (*Toffana, Giulli*), испанском (*Don Quijot*) языках, применительно к чешскому и словацкому – в польском языке (*Henryk Sienkiewicz*), с использованием основного латинского алфавита без диакритических добавлений. Для имён, вымышленных автором, или для тех, определение источника и соответственно исходного написания которых для переводчика связано с большими затруднениями, используется написание по правилам системы языка, к которому они реально или предположительно принадлежат изначально, по принципу трансплантации:

оригинал	польский перевод	чешский перевод (А. Моравкова)	чешский перевод (Л. Дворжак)	словацкий перевод
<i>Абрау-Дурсо</i>	<i>Abrau-Durso</i>	<i>Abrau-Durso</i>	<i>Abrau-Durcot</i>	–
<i>Буре</i>	<i>Bourre</i>	<i>Bure</i>	<i>Bure</i>	<i>Bure</i>
<i>Гессар</i>	–	<i>Guessard</i>	<i>Hessar</i>	<i>Guessard</i>
<i>Майгель</i>	<i>Meigel</i>	<i>Maigel</i>	<i>Maigel</i>	<i>Maigel</i>
<i>де Фужере</i>	<i>de Fougerais</i>	<i>de Fougeré</i>	<i>de Fougeré</i>	<i>de Fougeré</i>
<i>Вьётан</i>	<i>Vieux-temps</i>	<i>Vieuxtemps</i>	<i>Vietan</i>	<i>Vieuxtemps</i>
<i>фон Буссов</i>	<i>von Büssow</i>	<i>von Büssow</i>	–	<i>von Bussow</i>
<i>император Вильгельм</i>	<i>cesarz Wilhelm</i>	<i>císař Vilém</i>	–	<i>cisár Wilhelm</i>
<i>мосье Жильяр</i>	<i>monsieur Gillard</i>	<i>monsieur Julliard</i>	–	<i>monsieur Julliard</i>
<i>консул Энно</i>	<i>konsul Henneau</i>	<i>konzul Ennot</i>	–	<i>konzul Ennot</i>

Сохраняют традиционный графический облик также онимы греческого и латинского происхождения *Herod / Herodes, Sextus Empiricus, Aristoteles*. Западнославянская письменная традиция сохраняет написание подобных имён, принятое в языке их происхождения; при этом они оказываются за рамками системы этого языка – «v mimosystémovom vzťahu» [Kačala 2003: 33]. Очевидно, по аналогичному принципу оформлено написание имени *Huitzilopochtli* (в русском оригинале *Вицли-Пуцли* через нем. *Vitzliputzli* из аст. *Huitzilopōchtli*). Требуя отдельного комментария облик мифонимов античного происхождения; и в чешском, и в словацком переводе они представлены в традиционном для западнославянской культуры и письменности облике: *Merkúr* ‘планета’, *Venuša* (из *Venus*), *Neptún*.

Различие графических систем латиницы создаёт противоречие и необходимость выбора между переносом в текст перевода традиционно правильного написания и возможностью правильного прочтения онима читателем перевода [Холман 1989: 299]: «В тех случаях, когда графическая основа текста подлинника и текста перевода идентичны (как у большинства латинописущих народов), собственные имена обычно даются в подлинном написании, независимо от того, как они должны читаться по правилам чтения языка перевода» [Реформатский 1972: 318]. При этом «ни французы, ни англичане, как правило, не идут на практическую транскрипцию, предоставляя читателю самому догадываться, подо что «подогнать» непонятное написание, следуя принятым правилам чтения латиницы на своём языке» [Реформатский 1972: 319].

Однако практика показывает, что, в отличие от французских и английских читателей, привыкших воспринимать звучание имён в свете традиционных орфографических принципов своего языка, чехи, словаки, поляки прочитывают имена, данные в традиционном графическом облике, без ошибок, поскольку такой путь графического представления заимствованных онимов является для них

общепринятым. Таким образом, при переводе литературного произведения, написанного в кириллической системе, на язык, использующий латинскую графику, не возникает необходимости в транскрибировании заново онимов, возникших в европейской среде.

Очевидно, именно со стремлением сохранить традиционное написание культурно значимого имени связано транслитерирующее написание *Dostojevskij* в чешском и словацком переводах, в то время как фамилии вымышленных персонажей булгаковских романов, образованные по той же модели, пишутся как в виде транскрипции, так и в соответствии с традицией написания фамилий адъективной формы (чеш. и словацк. *Šervinskij*, *Studzinskij*, но у того же переводчика чеш. *Dragunský*, *Bogochulský*, словацк. *Dvojbratský*, *Bengálsky*). Польские переводы демонстрируют единообразие графического оформления таких онимов вне зависимости от того, акцентируется ли польское происхождение фамилии персонажа или нет, является ли он вымышленным или реальным лицом: *Szerwiński*, *Studziński*, *Bogochulski*, *Dwubratski* (морфологическое написание при предполагаемом польском *Dwubracki), *Bengalski*, *Dostojewski*. Примеры *Szerwiński*, *Studziński* за счёт форманта *-ński* со смягчённым *ń* особенно ярко иллюстрируют тенденцию к оправданному опоячиванию подобных фамилий в переводе.

Как известно, один из центральных онимов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» *Воланд* по-немецки пишется через *V*: *Voland*. Такое написание присутствует в сцене Вальпургиевой ночи в трагедии «Фауст» И.В. Гёте: «Platz! Junker Voland kommt» [Лесскис 1990: 652]. Однако не только в польском, где *W*, а не *V* является основным символом для передачи соответствующего звука, но и в чешском и словацком переводах романа «Мастер и Маргарита» имя *Воланд* выглядит как *Woland*. Переводчики сохраняют принципиально важное для М.А. Булгакова написание имени героя в соответствии с акцентами, сделанными

на этом графическом облике в тексте романа: польск. *pierwsza litera nazwiska – W*, чеш. *počátečné písmeno příjmení – W*, словацк. *začiatkové písmeno priezviska – W* («начальная буква фамилии – двойное «В»); польск. *miał literę «W» na wizytówce*, чеш. *zahlédl jsem na navštívence písmeno «W»*, словацк. *mal na navštívence W* («у него буква «В» была на визитной карточке»). Очевидно, М.А. Булгаков использует такое написание, «чтобы подчеркнуть зеркальность и перевернутость того мира, который автор изображал с натуры и в котором волею судеб ему самому пришлось жить и творить» [Ковалёв 2005: 171]. Буква *W* является точным зеркальным отражением, симметричной парой буквы *M* – инициала имени Булгакова. С *M* начинаются также ключевые именованья главных героев романа: *мастер, Маргарита, мессир* (и в отдельных эпизодах *мэтр*), *М.А. Берлиоз*. При таком объяснении употребление *W* вместо *V* в латинском написании имени *Воланд* полностью сохраняет смысл, вложенный в это написание М.А. Булгаковым. Буква *M* в латинской графике имеет тот же облик, что и в кириллической, а следовательно, сохраняется в имени автора и именованьях главных героев:

польский перевод	чешский перевод	словацкий перевод
<i>Michał Bułhakow</i>	<i>Michail Bulgakov</i>	<i>Michail Bulgakov</i>
<i>Mistrz</i>	<i>Mistr</i>	<i>Majster</i>
<i>Malgorzata</i>	<i>Markétka</i>	<i>Margaréta</i>
<i>messer</i>	<i>maestro</i> (А. Моравкова) / <i>messire</i> (Л. Дворжак)	<i>messire / maestro</i>
<i>Michał Aleksndrowicz</i>	<i>Michail Alexandrovič</i>	<i>Michail Alexandrovič</i>
<i>Berlioz</i>	<i>Berlioz</i>	<i>Berlioz</i>

Существенно, что в чешском и словацком переводах именованье *Majster / Mistr* пишется с заглавной буквы, то есть интерпретируется как имя собственное. Более явным в латинском написании становится этимологическое родство слов «мастер» и «мэтр» – *Majster / Mistr* и *maestro*, а значит, читатель с большей отчётливостью увидит параллельность, «зеркальность» образов мастера и Воланда.

М. Такачова, воссоздавая ономастическое пространство романа на словацком языке, вводит в текст и в частности в ряд значимых имён, начинающихся на *M*, также и имя *Mosúr*, заменяя им оним «Бегемот» (см. §4.3 гл. 3). Следует заметить, что и фамилии, которые называют герои романа «Мастер и Маргарита» в надежде вспомнить имя Воланда, в латинской графике пишутся через *W* как немецкие заимствования, с соблюдением правил немецкой орфографии: *Waschner, Wagner, Weiner, Wegner, Winter, Wulf*, а в эпилоге также *Wolmer* и *Wolper* – в отличие от явно славянских *Volodin* и *Voloch* (для польского перевода данное различие нерелевантно: *w* как основной символ для обозначения соответствующего звука представлена и в фамилиях *Wolodin* и *Woloch*).

Для орфографии чешского и словацкого языков, как и южнославянских, преимущественно нехарактерно написание удвоенных согласных, в том числе и в именах собственных; тем самым они не представлены и в ономастических единицах, представленных в переводных текстах. А. Моравкова в переводе на чешский язык избегает написания удвоенных согласных даже в аббревиатуре: *MASOLIT* (Массолит). Однако исключением из этого правила являются иноязычные, неславянские по происхождению имена и названия: *Nizza, von Bussov, Tammuz, Attis, Immanuel, Strauss* (имя, утратившее удвоенный согласный в русском написании) и др.

Ряд примеров демонстрирует неустойчивость написания удвоенного или неудвоенного согласного. Так, графический облик имени *Anna* предполагает удвоенный согласный, представленный в формах *Anna Francevna* и *Anna Richardovna*, однако деминутив *Anuška* и в чешском, и в словацком тексте демонстрирует неустойчивость этого написания. Как исключение выглядит и отчество (*Arkadij*) *Apolonovič* (Аполлонович), написание которого, по-видимому, ориентировано на традиционное *Apolon*. Транскрибированная в переводе на словацкий язык фамилия *Lapšennikovová* (Лапшённикова) не выглядит как

неславянская и на первый взгляд также представляет собой пример непоследовательности употребления удвоенного согласного. Однако вероятно, что здесь удвоение сохранено на предполагаемом (поскольку фамилия, очевидно, была создана автором искусственно) стыке двух морфем – в единственной позиции, в которой орфография большинства славянских языков допускает двойной согласный.

Ни в чешском, ни в словацком переводе не сохраняется удвоенный согласный в имени *Azazelo* – «итальянским», по замыслу автора (см. [Ковалёв 2005: 182]), оно остаётся только за счёт окончания; вероятно, в написании переводчики опирались на традиционную форму *Azazel* (*Azazel*). Имя другого демона в обеих версиях перевода романа «Мастер и Маргарита» пишется с двойным согласным: *Abaddonna*, хотя в тексте романа «Белая гвардия» тот же оним оформлен иначе: *Aváddon / Apolion* в переводе А. Моравковой, *Aváddon / Apollion* в переводе И. Изаковича, ср. *Abbaddon* и неточное *Apollon* в польском переводе И. Левандовской и В. Домбровского (при считающихся исконными написаниях *Abaddon* и *Apollyon*), что ещё раз подчёркивает неоднородность и отчасти непоследовательность орфографических решений переводчиков.

2.3. Фонетические соответствия в ономастических единицах перевода

Тексты романов М.А. Булгакова предельно насыщены именами собственными, принадлежащими к древним культурам и пришедшими в русский язык из античных языков или же из древнееврейского языка через древнегреческий. В большинстве своём это библейские имена, которые с принятием христианства приобретали у славянских народов всё большую популярность. Имена древнееврейского, греческого, латинского происхождения осваивались западнославянскими языками в латинизированной форме (в польском

– *Lukasz, Piotr, Magdalena, Weronika* и т.п. [Беньковская 2002: 167], ср. в чешском и словацком *Lukáš, Petr / Peter, Magdaléna, Veronika*). Для антропонимикона восточнославянских языков, в свою очередь, характерно было воздействие греческого и южнославянских языков: «Христианские имена еврейского, греческого и латинского происхождения проникли в русский ономастикон из Византии через южнославянское посредничество, пройдя морфолого-фонетическую адаптацию» [Рылов 2006: 58]. Ряд звуков в заимствованных таким образом личных именах и их производных получил различные рефлексy в современных славянских языках. Кроме того, в славянских языках в зависимости от пути проникновения аналогично приобретали различный фонетический облик общеизвестные имена исторических лиц, мифологических персонажей, географические названия и т.д. Фонетические и графические различия онимов, содержащих такие звуки, последовательно прослеживаются при сравнении текстов оригинала и переводов.

1. Русскому *ф*, восходящему к *θ* [*th*] в соответствии с позднегреческим вариантом произношения, в южно- и западнославянских языках соответствует *m*. Поэтому в заимствованных именах собственных, встречающихся в тексте, во всех рассматриваемых переводах на месте оригинального *ф* представлена *m / t*: рус. Кириаф, Виффагия, Гецсимания – макед. *Kiriāt, Vumagiija, Getsimaniija*, серб. *Kariot, Vumaga, Getsimaniija*, чеш. *Kiriāt, Bethafage, Getseman*, словацк. *Kiriāt, Betfagé, Getseman*, польск. *Kiriāt, Bettagium, Getseman*; рус. Фаммуз – макед. и серб. *Tamuz*, чеш., словацк., польск. *Tammuz* (однако традиционным и в русской графике было «Таммуз»: такие расхождения связаны с длительными колебаниями в способе звуковой передачи *th* в русском языке). При этом в традиционных русских именах греческого происхождения *ф*, даже восходящее к *th*, сохраняется: макед. и серб. *Фјодор* (из *Theodōros*) при обычном южнославянском *Тодор*; чеш. и словацк. *Timofej*, польск. *Timofiej* (из *Timotheos*) при обычном западнославянском

Timotej. Аналогичное переводческое решение описывает Т. Годоров, комментируя написание имени *Агафон* в болгарском тексте романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» вместо традиционного южнославянского *Агатон*: такое решение переводчика объясняется стремлением сохранить «исконно русское звучание» имени, тем более что в данном контексте с именем связано описание народных обычаев. [Годоров 1995: 85]

2. В разных традициях по-разному читается и передаётся на письме звук, восходящий к древнегреческому *b*: в латинской традиции это звук и буква «b», в греческой – звук «в» и буква «веди» кириллицы (исключение в этой закономерности представляют серб. *Бар-Аба* и *Хебронски врата*). Отсюда различия и в передаче воспринятых через античную письменную традицию онимов древнееврейского происхождения, содержащих этот звук и букву:

восточная (греческая) традиция			западная (латинская) традиция	
русский	македонский	сербский	чешский, словацкий	польский
<i>Бар-равван</i> <i>Абадонна</i> <i>Виффагия</i> <i>Хевронские</i> <i>ворота</i>	<i>Бар-Раван</i> <i>Абадона</i> <i>Витагија</i> <i>Хевронската</i> <i>порта</i>	<i>Бар-Аба</i> <i>Авадона</i> <i>Витага</i> <i>Хебронски</i> <i>врата</i>	<i>Bar-Rabban</i> <i>Abadonna</i> <i>Betfagé</i> <i>Hebronská</i> <i>brana</i>	<i>Bar Rawan</i> <i>Abbadona</i> <i>Bettagium</i> <i>brama Hebronu</i>

3. В латинской и греческой традициях различается судьба звука «к» перед гласными переднего ряда: в первой звук остался неизменным, во второй подвергся переходному смягчению. Поэтому эквиваленты имён, исконно содержащих сочетание этого согласного с гласным переднего ряда, в различных славянских языках имеют разный фонетический облик, соотносящийся с периодом заимствования онима в языке перевода – учитывает ли переводчик предшествующее функционирование имени в принимающей культуре или транскрибирует напрямую облик онима, предложенный М.А. Булгаковым: чеш. и словацк. *Cedron* – польск. *Kedron*, серб. и макед. *Кедрон*; словацк. *Cesarea*, польск.

Caesarea – чеш. *Kajsareja*, серб. *Kejсарија*, макед. *Kесарија*. И нарицательное *кесарь*, и собственное в составе имени *Гай Кесарь Калигула* в каждом из вариантов перевода приобретает облик, соответствующий латинской (у западных славян) или греческой (у южных славян) традиции; в чешском же переводе (А. Моравкова) и нарицательное оформлено как собственное: *César*.

4. Характерный для ряда древних языков ларингальный фрикативный призвук, известный как «густое придыхание» (в именах древнееврейского и античного происхождения) и имеющий в русском языке рефлекс в виде [г] или нуля звука, и современное западноевропейское «h» передаются в кириллической графике при помощи *х*: макед. *Хиероним* (Иероним), *Ха-Ноури* (Га-Ноури), макед. и серб. *Херберт* (Герберт), *Јохан* (Иоганн). С другой стороны, в русском языке, как и в южнославянских, [г] не дифференцирован по качеству, будучи в литературном языке всегда смычным, и оттого определить его исходный вариант в некоторых заимствованных именах – был ли это исконно «g» смычный или «h» фрикативный – затруднительно. Поэтому в македонском и сербском тексте встречаются различия в передаче «г», когда качество этого звука в исконном варианте заимствованного имени неочевидно или неизвестно: рус. *Гестас*, *Бегемот*, *Майгель*, *Гелла*, *Гессар* – макед. *Гестас*, *Бегемот*, *Мајхел*, *Гела*, *Гесар* / серб. *Хестас*, *Бехемот*, *Мајгел* (дважды в тексте *Мејгел* – видимо, как транслитерация предполагаемого исходного варианта нем. *Meigel*), *Хела*, *Хесар*. При этом не всегда возможно определить, кто из переводчиков – Т. Урошевич или М. Чолич – оказывается ближе к исконному облику слова. Происхождение и исконное написание имени *Гестас* затемнено, *Майгель* – фамилия вымышленная, так что уточнить качество звука «г» в них затруднительно. В имени *Гелла* возможно прочтение начального звука как в греческом «Hellē» (ларингальный фрикативный призвук, известный как густое придыхание) [Ковалёв 2005: 184]. Однозначным остаётся качество начального согласного звука в фамилии *Гессар* <

франц. *Guessard*: исконная форма начинается с взрывного, поэтому можно говорить о том, что македонский вариант *Гесар* является правильным. С другой стороны, в сербском переводе более соответствует этимологическому произношению и написанию облик имени *Бегемот*: *Бехемот* (из древнееврейск. *Behēmōth* [Черных 2004, т. I: 81]). Поэтому вариант *Бехемот* при существующей в южнославянских языках традиции передавать фрикативный «г» как *x* представляется более точным с исторических позиций.

Обнаруживается различие в оформлении имени *Иероним*: макед. *Хиероним* / серб. *Јероним*. Такое соответствие ясно указывает на природу начального звука в этом имени: изначально он представлял собой фрикативный призвук, близкий по артикуляции к «j»¹.

Проблема передачи исконного качества звука «г», существующая в кириллических переводах, сохраняется и тогда, когда принимающий язык использует латиницу. В одной из глав романа «Мастер и Маргарита» встречаем экспрессивное обращение *проклятый Ганс* – польск. *Hans przeklęty*, чеш. *zlopověstný Hans* (в версии А. Моравковой), словацк. *prekliaty Hans*. По мнению Г. Лесскиса, исток этого обращения состоит в немецком «die Gans» – «гусь», «дура» [Лесскис 1990: 657]; в таком случае «г» в имени *Ганс* был бы не фрикативным, а смычным и латинское написание должно было быть подобно немецкому: *Gans*. Однако, по замечанию Т.А. Казаковой, в немецком речевом обиходе бытует и *Hans* в значении «шут», «Иван-дурак», и в данном булгаковском контексте именно это понимание будет являться правильным [Казакова 2003: 176]. (Между тем Л. Дворжак, понимая имя *Ганс* как общее для обозначения

---

¹ Различие в представлении заимствованных имён в латинской или греческой традиции в сербском языке связано и с действием экстралингвистических факторов: некоторые имена согласно пути их проникновения в сербский язык (и соответственно приобретённым характерным фонетическим особенностям) воспринимаются как западные или как восточные, тем самым их употребление способно соответственно маркировать общественную позицию автора. См. [Недельковић 1997].

немца (ср. рус. *фрци*), в переводе того же предложения заменяет метафорически употреблённый антропоним оценочным этнонимом: *Okamžitě vylez, ty ničemný Němčoure!*)

Отмеченное в сербском переводе М. Чолича название *Хаимонејски дворац* (Хасмонеийский дворец), очевидно, в отличие от русского, отсылает к исконному произношению названия древнееврейского происхождения. Это единственный случай подобного рода замены согласного по отношению к облику имени в оригинале. Такое стремление по возможности воссоздать в современных текстах исходный фонетический облик слов древнееврейского происхождения в настоящее время в славянских переводах отмечается как тенденция [Urbanek 1996: 287]. В.В. Нимчук применительно к украинским переводам отмечает связанный с этой тенденцией ряд разграничивающих закономерностей: «Там, где в церковнославянских текстах выступает *θ* (фита), в переводе пишется *т* (*Рута, Естера*), за исключением урбанонима *Вифлєм*, где в украинском языке утвердился звук *ф*. В еврейских собственных наименованиях выдержан твёрдый *л*, за исключением устоявшихся *Ізраїль, Єзавель* и др. Согласно с традицией пишутся *е-є, в-б* и др. (*Єлезар – Едом, Ваал – Бетел*)» [Нимчук 2002: 55].

Подобные фонетические различия, будучи минимальными формально, являются существенными для восприятия имени собственного, определяя его принадлежность к той или иной культуре, указывая на его отнесённость к тому или иному хронотопу. Именно по этой причине переводчики сходятся во мнении о том, что адаптация, одомашнивание имени, то есть его оформление в соответствии с особенностями развития фонетики принимающего языка при сохранении формального тождества в остальных аспектах, является недопустимой. М. Коцюбинский, который сам участвовал в творческом процессе перевода своих произведений на русский язык, помогая переводчикам советом, не рекомендовал адаптировать имена собственные: «Нехай буде *Гафійка, Маланка* <...> Це надає

колорит» [Носко 2011: 402]. В свою очередь, Ю. Тувим, отмечая тенденцию современных ему переводчиков подобным образом «одомашнивать» имена персонажей, высказал анекдотическое предложение адаптировать и фамилию автора: *Puszkowski* вместо *Пушкин* [Tuwim 1979: 229]. Таким образом, переводческие решения относительно имён, имеющих очевидные фонетические соответствия, представляют собой один из аспектов ономастического перевода, требующих наиболее тонкого соблюдения баланса между адаптацией и сохранением исходного колорита.

2.4. Транскрипция в соотношении с традиционными аналогами имени и вопрос интерпретации текста

Характерной особенностью ономастикона романов М.А. Булгакова является стремление избежать прямого названия лиц и мест, остранение (*Место* в романе «Белая гвардия»), которое служит созданию художественного эффекта «неузнавания» (или «неполного узнавания») знакомой реальности [Яблоков 2001: 193]. Оно проявляется во введении в текст «прозрачных» переименований или использовании нетрадиционных вариантов транскрипции заимствованных названий, как в ершалаимских главах романа «Мастер и Маргарита». В подобных случаях переводчики вынуждены определять баланс узнаваемости для таких онимов: некоторые из них стремятся представить онимы прежде всего как узнаваемые для читателя, восстанавливая протоним, в то время как для других приоритетной задачей остаётся, напротив, дистанцировать имя от него. Принцип соблюдения такого баланса на примере переводов, выполненных В. Брюсовым, пояснял М. Гаспаров: «Когда Брюсов переводил французских символистов, ему не нужно было передавать силлабический стих, сохранять французский синтаксис и называть Париж «Пари» – потому что его целью было приблизить к русскому

читателю эту современную ему культуру. Когда Брюсов брался за латинских классиков, цель его была противоположной: он хотел восстановить ощущение дистанции между читателем и несовременной ему культурой, а для этого – разрушить иллюзию гимназической освоенности предмета» [Гаспаров 1988: 53].

Так, в переводах романа «Мастер и Маргарита» имя *Иешуа* (серб. *Јешуа*, чеш. и словацк. *Ješua*, польск. *Jeszua*) во всех версиях перевода романа «Мастер и Маргарита» передано как транскрипция оригинального варианта. Как и его аналог в русском тексте, оно намеренно дистанцировано от имени *Исус* (серб., макед.), *Ježiš* (чеш., словацк.), *Jezus* (польск.) всеми переводчиками. Аналогично и в каждом из переводных текстов, как и в оригинале, имя *Бар-Аба* (серб.) / *Бар-Раван* (макед.) / *Bar-Rabban* (чеш. и словацк.) / *Bar Rawan* (польск.) не совпадает с евангельским *Варава* / *Barabasz* / *Barrabaš*. Решения переводчиков относительно остальных онимов древнееврейского происхождения, отсылающих к именам евангельских героев, различаются. Например, в словацком и обоих существующих чешских переводах такие имена представлены в виде транскрипции их оригинального звучания, то есть в традиционном фонетическом облике, принятом в западнославянской языковой среде для имён древнееврейского происхождения, что придаёт им соответствующий хронотопу колорит: *Левий Мамвей* – чеш. *Matouš Lévi* / *Matouš Lévi* и словацк. *Lévi Matuš*, *Иуда* – чеш. *Jidáš (Iškariotský)* и словацк. *Judáš* (имя, называющее именно евангельского Иуду Искариота, в отличие от *Juda* ‘апостол Иуда Фаддей’), *Иосиф Каифа* – чеш. и словацк. *(Jozef) Kaifáš*. То же относится к основам, производные от которых представлены в тексте: *Соломонов пруд* – чеш. *Šalomounov*, словацк. *Šalamunov (rybník)*. Аналогично в польском переводе имени *Левий Мамвей* соответствует адаптированное в традиции древнееврейских имён *Mateusz Lewita*, *Каифа* – *Kajfasz*, однако дистанцировано от традиционной модели имя *Иуда* – польск. *Juda (z Kiriату)*, при традиционном евангельском *Judasz Iskariot*.

На уровне антропонимов смысловая параллель между оригиналом и переводами «Мастера и Маргариты» соблюдена вполне точно. Однако в чешской и словацкой версиях текста общую тенденцию передачи нарушают исключения, сделанные переводчиками для топонимов.

Один из ключевых топонимов в тексте романа «Мастер и Маргарита» звучит как *Ершалаим* – менее известная транслитерация древнееврейского названия *Иерусалим*, намеренно введённая М.А. Булгаковым вместо привычного наименования [Гарбовский 2007: 482]. В чешском и словацком переводах это название передано как *Jeruzalém / Jeruzalem*, то есть *Иерусалим* именно в узнаваемом, стандартном звучании (ср. передачу авторского стремления к дистанцированию от традиционного облика названия в польском переводе: *Jeruzalaim* при стандартном *Jerozolima*). Топоним *Елеонская гора* (это название и в оригинале совпадает с евангельским) также переведён как чеш. *hora Olivetská*, словацк. *Olivovývrch*, то есть буквально ‘Масличная гора’ – калька названия *Елеонская (гора)*.

В сербском переводе М. Чолич воссоздаёт принципиальный для восприятия облик названия *Јерушалаим*, однако переводит название *Елеонская гора* как *Маслинова гора* – также в привычном обиходном виде. В македонском тексте все без исключения названия переданы посредством транскрипции или транслитерации оригинальных вариантов: *Јершалаим*, *Елеонската планина*. Таким образом, выбор между стратегиями воспроизведения онима как узнаваемого (традиционный этимологический эквивалент) или дистанцированного (транскрипция) принадлежит к числу индивидуальных переводческих решений и связан с приоритетной позицией в интерпретации текста.

2.5. Транслитерация имён собственных оригинала

Транслитерация при воссоздании системы онимов оригинала используется намного реже, чем транскрипция. При передаче имён собственных в основном транслитерируются отчества: макед. *Маргарита Николаевна, Александар Сергеевич*, словацк. *Klavdija Pjinična*. Причиной тому представляется неестественность, чужеродность конструкции двухчленного личного имени (с отчеством) для западнославянского и значительной части южнославянского речевого обихода и вызванное этим стремление как можно точнее, без изменений сохранить облик исходного имени.

Написание по фонетическому принципу, встречающееся в отдельных случаях в текстах оригинала (*Настасья Лукинишна, Ксения Никитишна*), приводит переводчиков к разным решениям. Кириллическое написание сербского и македонского вариантов перевода склоняется к прямому воспроизведению облика таких имён: серб. и макед. *Настасја Лукинишна, Ксенија Никитишна*; транскрипцию обнаруживаем и в словацком переводе: словацк. *Nastasia Lukinišna, Xénia Nikitišna*. На первый взгляд такое написание соответствует произношению отчеств данного типа; однако транскрибирующее написание видим здесь и в оригинале. Однако в чешском переводе А. Моравкова восстанавливает принятое в русском языке написание таких отчеств: *Nastasja Lukinična, Xenie Nikitična* – выполняя транслитерацию орфографически точного русского написания.

Во всех рассмотренных текстах переводов различным образом оформлены имена собственные, в исходном варианте содержащие букву ё, которая в современной типографской практике практически никогда не обозначается, вследствие чего фонетический облик имени неизбежно оказывается искажён; к тому же транскрипция мягкого согласного перед «о», как уже было замечено,

вызывает трудности при отсутствии в графике принимающих языков аналога буквы ь, указывающего на мягкость.

оригинал	польский	чешский	словацкий	сербский
<i>Алёша</i>	<i>Alosza</i>	<i>Alioša</i>	<i>Aľoša</i>	<i>Альоша</i>
<i>Лапиённикова</i>	<i>ŁapSzennikowa</i>	<i>Lapšennikovová</i>	<i>Lapšennikovová</i>	<i>Лапиеникова</i>
<i>Лелька</i>	<i>Lelka</i>	<i>Lelka</i>	<i>Lenka</i>	<i>Лелька</i>
<i>Понырёв</i>	<i>Ponyriow</i>	<i>Ponyrev</i>	<i>Ponyrev</i>	<i>Понирјов</i>
<i>Поклёвкина</i>	<i>Poklewkina</i>	<i>Poklevkinová</i>	<i>Poklevkinová</i>	<i>Покольевкина</i>
<i>Щёткин</i>	<i>Szczetkin</i>	<i>Ščotkin</i>	<i>Ščetkin</i>	<i>Шчеткин</i>

(вместо предполагаемых польск. *Lolka*, серб. *Лолька*, чеш. и словацк. *Lapšonnikovová* и т.д.).

Из-за того, что практически во всех изданиях оригинальных текстов в печатном тексте последовательно не делается различия между *e* и *ě*, соответствующий гласный в соответствии с написанием должен читаться как [e], что отражается в написании. Вероятно, это обстоятельство также повлияло на замену имени *Лелька* созвучным *Lenka* в словацком переводе И. Изаковича. В то же время в сербском варианте текста предположительно по той же причине встречаем транскрипцию предполагаемой *ě* в тех словах, где оригинал её не предусматривает: *Коровјов*, *Пролежњов*.

Приём транслитерации характерен для графического оформления русских мужских отчеств в сербском переводе – причём не только в конкретной работе М. Чолича, но и в традиции сербского перевода вообще. В написании отчеств используется *ч*: *Прохор Петрович*, *Фјодор Иванович*, *Степан Богданович* – хотя в сербских фамилиях, образованных по той же модели (*-it), что и русские отчества, пишется *ћ* (ср. сербские фамилии *Петровић*, *Ивановић*, *Богдановић*, которые, будучи записаны в русской графике, представляют по отношению к соответствующим русским отчествам омографы). Единственным отмеченным исключением является употребление отчества в переносном собирательном

значении: рус. *не Ивану Ивановичу какому-нибудь* – серб. *не неком тамо Ивану Ивановичу*. Таким образом, с помощью транслитерации переводчик намеренно создаёт дистанцию между русским отчеством и сербской фамилией.

Аналогично с использованием транслитерации в текстах переводов оформлены и фамилии, для образования которых та же модель является продуктивной не только в сербском, но и в польском и отчасти в чешском и словацком языках. При этом формы, включённые в текст М. Чоlichem, также дистанцированы от модели сербских фамилий, в то время как в польском варианте представленные фамилии полностью соответствуют словообразовательной модели принимающего языка (см. § 4.3): рус. *Лисович, Юцевич, Страшкевич, Бродович, Лаврович* – серб. *Лисович, Јуцевич, Страшкевич, Бродович, Лаврович* (а не возможное *Лисовић и т.д.); польск. *Lisowicz, Jucewicz, Straszkiwicz, Brodowicz, Laurowicz*.

§ 3. Морфологическая адаптация онимов в переводе

Как известно, имя собственное в тексте, переводимом на другой язык, не только адаптируется к его фонетическому и графическому строю, но и вовлекается в его морфологические парадигмы [Ковалёв 2006: 278]. Стремление к более органичному звучанию онима в морфологической системе принимающего языка может обусловить обращение к различным переводческим приёмам вплоть до замены онима. Так, в переводе на русский с македонского языка повести-сказки В. Урошевича «Невеста змея» имя главного героя *Денко* заменяется на *Иван* – переводчик О.В. Панькина объясняет это трудностями восприятия несклоняемого имени в русском языке, предполагающем вовлечение имени в парадигму склонения, тем более когда речь идет об имени главного героя, то есть весьма частотном в тексте.

Между тем и сохранение исходного облика основы имени в переводе на близкородственный язык допускает его морфологическую адаптацию [Valenhrach-Schaefer 1991: 101]. Подавляющее большинство отмеченных в рассматриваемых текстах имён собственных имеет вид субстантивов и соответственно включается в специфическую систему словоизменения существительных, функционирующую в принимающем языке. В большинстве славянских языков действует система склонения существительных, тем самым субстантивный оним меняет флексии в соответствии с системой субстантивных флексий в принимающем языке: серб. *instr. sa оном Вареньком <...> Мањечком*; чеш. *dat. podal ji Varenuchovi*; польск. *acc. Aloszkę urządził niefortunnie* при рус. *instr. с Варенькой, Манечкой, dat. Варенухе*, *acc. Алёшку*, и т.д. То же касается и немногочисленных адъективных онимов (серб. *gen. Владимировог брега, dat. ка Мртвоме мору* и т.д.). В единичных случаях в субстантивную систему склонения включаются и фамилии, изначально в русском тексте имеющие адъективную форму: *Босой* – серб. *Bosoј, gen. код Bosoја*.

Степень и последовательность натурализации иноязычного элемента при его заимствовании в большой мере зависит от типологической характеристики и внутренних свойств принимающего языка [Теория и методика ономастических исследований 1986: 133]. Из всех славянских языков только болгарский и македонский не предполагают наличия системы склонения и падежей существительных. В остальных языках, переводы на которые рассматриваются в настоящей работе (сербский, чешский, словацкий, польский), для существительных характерно склонение; более того, эти языки склонны к активному морфологическому освоению субстантивных заимствований, в том числе и имён собственных. Данную закономерность отмечает А.В. Суперанская: «Чешский, словацкий и некоторые другие славянские языки, обладая единой морфологической системой, не терпят в своём составе несклоняемых слов. Так, в

словацком языке склоняются имена: Goethe – Goethego (и т.п.)»; «сербско-хорватский – это язык с одной системой, где все заимствования подлежат строгой <...> морфологической адаптации: <...> metro – метро, метро-а, метро-у» [Теория и методика ономастических исследований 1986: 162, 133; см. также Mrazović 2009: 268]. В польском языке данная тенденция также действует, но непоследовательно [Тихомирова 2006: 74]. Поэтому, в отличие от оригинала, в чешском, словацком, сербском и отчасти в польском текстах перевода склоняются и те имена собственные, которые остаются неизменяемыми в русском языке (например: *Азазелло, Иешуа Га-Ноцри, Буре*):

	польский	чешский	словацкий	сербский
	<i>Asasello</i>	<i>Azazelo</i>	<i>Azazelo</i>	<i>Азазел</i>
gen.	<i>(do) Asasella</i>	<i>Azazela</i>	<i>(od) Azazela</i>	<i>(od) Азазела</i>
dat.	–	<i>(k) Azazelovi</i>	<i>(k) Azazelovi</i>	<i>Азазелу</i>
instr.	<i>(z) Asasellem</i>	<i>(s) Azazelem</i>	<i>(s) Azazelom</i>	<i>(ca) Азазелом</i>
	<i>Jeszua Ha-Nocri</i>	<i>Ješua Ha-Nocri</i>	<i>Ješua Ha-Nocri</i>	<i>Иешуа Ханоцри</i>
gen.	<i>Jeszui Ha-Nocriego</i>	<i>Ješuy Ha-Nocriho</i>	<i>Ješuu Ha-Nocriho</i>	<i>Иешуе; Ханоцрија</i>
dat.	<i>Jeszui Ha-Nocri</i>	<i>(k) Ješuovi</i>	<i>Ješuovi</i>	<i>Ханоцрију</i>
acc.	<i>Jeszue</i>	<i>Ješuu Ha-Nocriho</i>	<i>Ješuu Ha-Nocriho</i>	<i>Иешуу</i>
instr.	<i>(z) Jeszua</i>	<i>nad Ješou Ha-Nocrim</i>	<i>(nad) Ješoum Ha-Nocrim</i>	<i>(ca) Иешуом; (ca) Ханоцријем</i>
	<i>Bourre</i>	<i>Bure</i>	<i>Bure</i>	<i>Буре</i>
gen.	<i>(do) Bourre'a</i>	–	–	<i>(за) Буреа</i>
dat.	–	<i>(k) Buremu</i>	<i>(k) Buremu</i>	<i>Буреу</i>

(однако в польском тексте отмечен случай употребления как несклоняемого заимствованного латинского топонима, который является одомашненным и склоняется в русском тексте: *(uwięzić go) w Caesarea Stratonica* – рус. *(подвергнет его заключению) в Кесарии Стратоновой*).

В некоторых случаях морфологическая адаптация онимов соответствует авторскому замыслу. Так, А.В. Фёдоров, исследуя стилистические возможности художественного перевода, отмечает следующий момент в тексте романа «Мастер и Маргарита»: «...*Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман-Жоржем...* <...> – привлекает внимание содержащейся в нём непривычностью, которая заключается в том, что прилагательное женского рода сочетается с фамилией (псевдонимом) женщины, склоняемой здесь как имя мужского рода (*с гигантской Штурман-Жоржем*) – вместо принятой в подобных случаях несклоняемой формы (*с гигантской Штурман-Жорж*)» [Фёдоров 1971: 85]. Подобная стилистическая игра оказалась возможной и в переводе М. Чолича: форма творительного падежа в данном эпизоде выглядит как *са Навигатор-Жоржом* – с окончанием существительных женского рода (аналогичные существительные мужского рода в том же падеже имеют после шипящего окончание *-ем*) [Mrazović 2009: 261, 272].

В западнославянских языках запись онимов, изначально принадлежащим западноевропейским культурам, латиницей в их исконном виде не влияет на их фонетический облик. Такие имена склоняются по правилам грамматики принимающего языка: чеш. и словацк. *Archibald* – gen. *Archibalda*, *Kant* – dat. *Kantovi*, *Jaques* – acc. *Jaqua*. При этом в чешском варианте в именах при их склонении отмечается также характерное проявление переходного смягчения согласных: dat. *Anuška* – *Anušce*; *Tamarka* – (*k*) *Tamarce*; *Spiridonovka* – (*po*) *Spiridonovce*; loc. *Božedomka* – (*v*) *Božedomce*, *Vladimírská hůrka* – (*na*) *Vladimírské hůrce*. Другой аналогичный характерный процесс чередования твёрдого согласного спарным морфологически мягким действует при склонении имён в польском языке и соответственно в тексте польского перевода: loc. *Jalta* – (*w*) *Jalcie*, *Pilat* – (*o*) *Pilacie*. Тем самым «как бы сталкиваются две тенденции: стремление к орфографической точности заимствованного имени и к

правильности употребления его в речи на данном языке» [Теория и методика ономастических исследований 1986: 162].

Анализируя различия морфологических систем близкородственных языков, которые актуализируются при переводе, Р. Мароевич в своё время предложил классификацию случаев, когда имя собственное нуждается в подобной адаптации:

а) грамматическая единица существует только в языке оригинала;

б) грамматическая единица существует в обоих языках, но в различном значении;

в) грамматическая единица существует в обоих языках, но её значение в одном языке шире, чем в другом;

г) грамматическая единица существует в обоих языках в одном и том же значении, но это значение конкретизируется в зависимости от лексической сочетаемости [Мароевич 1990 (1): 86]. Однако настоящая классификация не включает в себя ситуации, противоположные первому из описанных случаев: язык перевода располагает грамматической единицей, отсутствующей или неактивной в языке оригинала. Применительно к именам собственным в славянских языках примером такой категории может служить вокатив.

3.1. Категория вокатива и имя собственное в переводе

Одна из ярких специфических черт морфологии существительного в современных славянских языках – это так называемый вокатив, или звательная форма, которая восходит к праславянскому периоду и, сохранившись в ряде этих языков (сербский, чешский, польский и др.) как системное явление, вплоть до настоящего времени имеет в них статус падежа [Проничев 1971; Пляскова 2012]. Закономерность употребления вокатива распространяется как на нарицательные, так и на собственные имена существительные. Форма вокатива (не так устойчиво)

присутствует также в болгарском и македонском языках. Однако применительно к грамматике македонского языка, утратившей систему склонения существительных, неточно было бы говорить о категории падежа, поэтому в данном исследовании, задействующем и материал на македонском языке, оптимальным представляется употребление термина «вокатив» / «звательная форма».

В чешском языке вокатив предполагает окончания *-e*, *-i* и в некоторых случаях (существительные на *-en*, исконно принадлежащие к основам на **-ǔ*) *-i* для существительных мужского рода, *-o* и *-e* для существительных женского рода. Польский язык также предполагает в вокативе окончания *-e* и *-i* для существительных мужского рода, а также *-o* и *-i* для существительных женского рода; ряд существительных женского рода с ласкательным значением имеет окончание *-u*. Сербский и македонский языки сохраняют систему практически исконных окончаний вокатива: *-e* и *-u* для существительных мужского рода, *-o* и в отдельных случаях *-e* для существительных женского рода (в сербском также *-u* для существительных женского рода, оканчивающихся на согласный). Между тем, во всех указанных языках в настоящее время употребление вокатива несистемно. Современный словацкий язык форму звательного падежа утратил, сохранив её лишь для отдельных нарицательных существительных [Пляскова 2012: 40-47]. В целом в современных славянских языках присутствует выраженная тенденция к нарушению системного употребления вокатива.

Между тем звательная форма, как правило, не только указывает на употребление слова в качестве обращения, но и привносит в высказывание дополнительный смысловой оттенок, совмещая экспрессивную и адресативную функции [Пляскова 2012: 70]. Экспрессивный компонент значения может быть различным в зависимости от речевой ситуации и складывающегося узуса в конкретное время в конкретном языке: употребление имени в звательной форме

может быть знаком уважения к называемому лицу, передавать ласкательное значение (формы на *-и* для существительных мужского рода в польском, на *-е* для существительных женского рода в болгарском языке); в последнее время речь идёт об ироничном, саркастическом и грубом звучании форм вокатива в южнославянской среде [Енчева 1990: 48]. Вокатив непосредственно связан с обращением, которое в связи со своей характерной коммуникативной функцией наделено ярко выраженной национальной спецификой [Шимберг 2010: 27].

Естественно, что одночленное имя в роли обращения при наличии устойчивой общеязыковой тенденции легко принимает форму вокатива, в большинстве случаев аналогично нарицательному. В переводах на польский, чешский, сербский языки такая тенденция действует, в то время как в словацком и македонском текстах вокативы практически полностью отсутствуют (в словацком тексте романа «Мастер и Маргарита» представлен лишь один пример – устойчивая архаичная форма *človeče*):

оригинал

– *Иван!* – *skonfuzivšiš, šepnul Berlioz.*

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

– *Alež, Iwanie!* – *wyszeptał skonfudowany Berlioz.*

чешский перевод (А. Моравкова)

„*Ivane!*” *šeptl rozpačité Berlioz.*

сербский (М. Чолич)

– *Иване!* – *прошантао је збуњено Берлиоз.*

Ср.: словацкий перевод (М. Такачова)

– *Ivan!* – *zašepkal Berlioz v rozpakoch.*

оригинал

– *Нет, Фагот,* – *возражал кот,* – *бал имеет свою прелесть и размах.*

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

– *Nie, Fagocie* – *protestował kocur*
– *bal ma także swoje uroki, ma rozmach...*

чешский перевод (А. Моравкова)

„*Nech být, Fagote,*” *namítl kocour,*
„*ples má svůj půvab a švih...*”

сербский перевод (М. Чолич)
– *He, Fagome – pobunio se machak*
– *бал има своју драж и полет.*

Ср.: словацкий перевод (М. Такачова)
– *O tom potom, Fagot, – odporoval*
kocúr, – ale ples má svoj pôvab a švih.

оригинал

Ты слышишь, Пилат? <...> Прислушайся, прокуратор!

польский перевод
(И. Левандовска, В. Домбровский)
Słyszysz mnie, Pilacie? <...>
Posłuchaj, procuratorze!

чешский перевод (А. Моравкова)
Slyšíš? <...> „Dobře poslouchej,
vladaři!”

сербский перевод (М. Чолич)
Чујеш ли ме, Пилате? <...>
Ослушни мало, прокураторе!

Ср.: словацкий перевод (М. Такачова)
Počuješ, Pilát? <...> Dobre počívaj,
vladár!

оригинал

Да, печаль у нас, отец Александр.

польский перевод
(И. Левандовска, В. Домбровский)
Syż, niewesoło u nas, ojcie
Aleksandrze.

чешский перевод (А. Моравкова)
Je nám smutno, otče Alexandře.

сербский перевод (М. Чолич)
Да, тужно је код нас, оче
Александре.

Ср.: словацкий перевод (И. Изакович)
Je nám smutno, otec Alexander.

Данная закономерность в переводах на чешский и сербский языки касается не только личных имён, но и фамилий, в соответствии с узусом принимающего языка [Mrazović 2009: 269]:

оригинал

A! Очень приятно, гражданин Канавкин.

сербский перевод (М. Чолич)
Аха! Одисто ми је драго,
грађанине Канавкине.

чешский перевод (А. Моравкова)
Těší mě, občane Kanavkine.

польский перевод¹

–

Ср.: словацкий перевод (М. Такачова)
Teší ma, občan Kanavkin.

оригинал

Путаєте вы что-то, Жилин, не может этого быть.

сербский перевод (М. Чолич)

*Бркате ви то нешто, Жилине,
то је немогуће.*

чешский перевод (А. Моравкова)

*Co to plácáte, Žiline? To přece není
možné...*

Ср.: польский перевод
(И. Левандовска, В. Домбровский)

*Coś się wam musilo poplątać,
Żilin, nie może to być.*

словацкий (И. Изакович)

*<...> máte to akési pomotané, Žilin, to
nie je možné.*

оригинал

Кризис, Бродович. Что... выживу?..

сербский перевод (М. Чолич)

*Криза, Бродовичу. Хоћу ли је
преживети?*

чешский перевод (А. Моравкова)

Tohle... je... krize, Brodoviči!

Ср.: польский перевод
(И. Левандовска, В. Домбровский)

Kryzys, Brodowicz. Co, wyżyję?..

словацкий перевод (И. Изакович)

*Kríza, Brodovič... tak ako... zostanem
nažive...?*

В македонском переводе романа «Мастер и Маргарита» форму вокатива, причём непоследовательно, принимают только три имени: *Иван*, *Бегемот*, *Маргарита* (но не *Маргарита Николаевна*):

---

¹ В переводе романа «Мастер и Маргарита», выполненный И. Левандовской, В. Домбровским, опущен ряд эпизодов, в том числе сон Никанора Ивановича (глава 15 называется просто «Nikanor Iwanowicz Bosy») и часть главы «Последние похождения Коровьева и Бегемота» (эпизод в Торгсине). Причина этого состоит в том, что данный перевод, изданный в Польше в 1969 г., выполнялся по варианту текста романа, опубликованному в журнале «Москва» в 1966-1967 гг. со значительными купюрами (см. [Лесскис 1999: 226]).

оригинал
– *Иван!* – *сконфузившись, шепнул*
Берлиоз.

Маргарита! Королева! Упросите за
меня, чтоб меня ведьмой оставили!

Плоховато дельце, дорогой
Бегемот.

Но: Бегемот, кресло!

македонский перевод (Т. Урошевич)
Иване! – *засрамено му шепна*
Берлиоз.

Маргарито! Кралице моја!
Измолете да ме остават да бидам
вештерка!

Не ти оди добро, драги Бегемоте.

Бегемот, дај фотелја!

В прочих случаях личные имена, даже односложные, теоретически способные легко образовать форму вокатива, в функции обращения сохраняют свой обычный облик в том числе и в тех ситуациях, где его употребление было бы более оправданным (экспрессивное, акцентированное обращение):

оригинал
Вылезай, окаянный Ганс!
– *Фрида!* – *пронзительно крикнула*
Маргарита.

О Афраний, отдать вас под суд было
бы преступлением.

македонский перевод (Т. Урошевич)
Излези, проклет Ханс!
– *Фрида!* – *пронижливо викна*
Маргарита.

О Афраниј, би било злосторство да
ве предадам на суд.

Правдоподобным применительно к данной ситуации представляется комментарий Р. Мароевича к одному из аналогичных случаев в переводном тексте на сербском языке, в котором употребление формы номинатива в переводе объясняется совпадением русской синкретической формы именительно-звательного падежа с формой сербского именительного падежа [Мароевич 1990 (1): 86].

В большом количестве присутствующие в тексте обоих романов типичные русские двухчастные имена, представляющие собой сочетание имени с отчеством, в сербском и чешском переводах в функции обращения также обретают звательную форму. Характерное окончание присоединяется к обеим частям такого имени (или даже, как в первом примере, только к отчеству):

оригинал

Да кто он такой, Алексей Васильевич?

Иван Иванович, что это вы сегодня не в духе?

Так что вы уж сами узнайте это у него, Иван Николаевич!

– А, здравствуйте, Николай Иванович, – грустным голосом сказала Маргарита <...>

сербский перевод (М. Чолич)

Па и ко је у ствари он, Алексеј Васильевичу?

Иване Ивановичу, нешто данас као да нису све козе на броју?

Учините то онда ви, Иване Николајевичу!

– А, добро вече, Николаје Ивановичу – тужним гласом прозбори Маргарита.

чешский перевод (А. Моравкова)

Kdo to vlastně je, Alexeji Vasilijevici?

«Ivane Ivanoviči, co je to dneska s vámi?»

Takže se ho laskavě zeptejte sám, Ivane Nikolajeviči!

„Dobrý večer, Nikolaji Ivanoviči,“ pronesla smutně.

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

Ср.: Co teź pan, Aleksieju Wasiliewiczu!..

Iwanie Iwanowiczu, czy to pan dzisiaj nie w sosie?

Więc niech już go pan sam o to zapyta, Iwanie Nikolajewiczu.

– А, dobry wieczyr, Mikołaju Iwanowiczu – smutnym głosem powiedziała Małgorzata.

Тем не менее эта закономерность в полной мере касается только мужских имён. Женские имена и отчества в роли обращения последовательно приобретают форму вокатива только в чешских переводах:

оригинал

Ирина, слышишь? Феликса убили!

Тише, Марья Францевна, тише, голубчик...

чешский перевод
(А. Моравкова)

Irino, slyšíš? Felixe zabili!

Marjo Francevno, uklidněte se, drahá...

Ср.: польский перевод
(И. Левандовска,
В. Домбровский)

Ireno, słyszysz? Zabili Feliksa!

Proszę się uspokoić, pani Mario, proszę się uspokoić...

*Маргарита
Николаевна, вы обязаны
унять вашу
домработницу!*

*Markéto
Nikolajevno, vaši
povinnosti je poručit
služebné!*

*Małgorzato Nikolajewna,
pani jest obowiązana
przywołać do porządku swoją
pomoc domową!*

*Пропустите, Софья
Павловна.*

*Pušte je, Sofie
Pavlovno.*

*Zofio Pawłowna, proszę
przepuścić.*

В польских переводах звательная форма (как для женских, так и для мужских имён) употреблена непоследовательно, безотносительно экспрессивной функции обращения:

оригинал

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

Леночка, я взял билет на Аиду.

Lenoczka, kupilem bilet na Aidę.

Милая, милая Леночка!

Kochana, najmilsza Lenoczko!

Здравствуй, Анюточка...

Dzień dobry, Aniutko...

Анюта, милая <...>

Aniuta, kochanie!

Совпадение формы вокатива с формой номинатива в следующих случаях создаёт впечатление непоследовательности употребления женских имён в звательной форме в сербском языке. Однако такое совпадение заложено в системе склонения существительных женского рода, где окончание -о в форме вокатива систематически приобретают двусложные имена с акутовым ударением – в других словах гласный в окончании, за исключением отдельных случаев, не меняется [Mrazović 2009: 273]:

оригинал

сербский перевод (М. Чолич)

Ирина, слышишь? Феликса убили!

Ирина, чујеш ли? Феликса су убили!

*Тише, Марья Францевна, тише,
голубчик...*

*Тише, Марија Францевна, тише,
голубице...*

*Маргарита Николаевна, вы обязаны
унять вашу домработницу!*

*Маргарита Николајевна, морате да
обуздате вашу кућну помоћницу!*

Пропустите, Софья Павловна.

Пустите их, Софија Павловна.

Но: – *Венера!* – плаксиво отвечал
боров <...>

– *Венеро!* – плачливим гласом
одговори венар <...>

– *Фрида!* – пронзительно крикнула
Маргарита.

– *Фридо!* – продорно је викнула
Маргарита.

Примечательно, что в переводе романа «Мастер и Маргарита» на украинский язык в сравнении со всеми остальными рассмотренными переводами отмечено наиболее систематическое функционирование форм вокатива:

– *Іване!* – знічено шепнув Берліоз.

– *Ні, Фагоме,* – заперечував кіт, – бал має свій чар і розмах.

Ти чуєш, Пілате? – *І тут Каїфа* грізно підніс руку: – *Прислухайся, прокураторе!*

– *Ага!* Дуже приємно, громадянине Канавкін, отож?

– *А, здоровенькі були, Миколо Івановичу,* – сумовито сказала Маргарита, – *добри вечір вам!*

Пропустіть, Софіє Павлівно.

Исключения составляют однокомпонентные женские имена:

– *Фрида!* – пронизливо гукнула Маргарита.

– *Венера!* – плаксиво відповідав кнур <...>.

Наиболее схоже такое функционирование вокатива с отмеченным в польском переводе. Вероятно, система обращения, характерная для польского речевого обихода, была активно воспринята украинским языком и служит ориентиром для украинской этикетной системы не только в устной и письменной речи носителей языка, но и в системе литературного текста, включая переводной текст.

3.2. Морфологические свойства фамилии в принимающем языке

Существенную особенность категории фамилии в славянских языках представляет её исконная способность к образованию от мужского имени форм

женского рода и множественного числа, для чего служит особая система формантов. Такие формы встречаются в ряде современных славянских языков, однако в настоящее время зачастую представляют собой несистемное явление и воспринимаются преимущественно как принадлежность разговорной или архаичной речи.

1. Специфическая славянская форма множественного числа фамилий, образуемая при помощи исконного общеславянского форманта со значением собирательности форманта *-овц(и) / -овс(и)*, распространена в словацком и отчасти в южнославянском (македонском, сербском) речевом обиходе и аналогична исконной модели образования форм множественного числа некоторых терминов родства (ср. макед. *dedo – dedovci* [Lunt 1952: 30]). В переводах И. Изаковича и М. Такачовой названиям семей *Беломут, Кванты, Петраковы, Турбины, Лисовичи* соответствуют словацк. *Belomutovci, Kvantovci, Petrakovovci, Turbinovci, Lisovičovci*. Существенно то, что в словацком языке формы множественного числа по данной модели образуются только в том случае, когда производная форма имеет значение ‘семейство’ (или семантически сближающееся с ним: так, словообразовательно эквивалентному таким формам названию группы лиц *петлюровцы* соответствует тяготеющее к категории имени собственного оформленное с заглавной буквы именование *Petľurovci < Petľura*). В тех случаях, когда речь идёт об отдельных лицах, не связанных между собой родством, употребляется обычная форма множественного числа существительных (а не прилагательных, как в русском языке), та же, что и при склонении имён нарицательных:

оригинал

В числе других задержанными на короткое время оказались <...> трое Володиных <...>

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

Na kratšíčas zaistili <...> troch Volodinov <...>

Попались в разных местах, кроме того, девять Коровиных, четыре Коровкина и двое Караваевых.

оригинал

Среди вас владимировцы, константиновцы, алексеевцы, орлы их ни разу еще не видали от них сраму.

Okrem toho v rozličných mestách chytili deviatich Korovinov, štyroch Korovkinov a dvoch Karavajevov.

сербский перевод (М. Чолич)

Међу вама се налазе Владимировци, Константиновци, Алексејевци, њихови орлови још нису до сада посрамљени.

В то же время для македонского языка значение имён, образующих формы множественного числа по данной модели, непринципиально: ср. в том же контексте *Володиновци, Коровиновци, Коровкиновци* (однако в том же ряду следует транскрибированная форма *Караваеви* вместо ожидаемой **Караваевци*).

Аналогичное словообразовательное значение имеет родственный приведённому формант *-ов(и) / -ов(ие)*, который в современном польском языке служит для образования форм множественного числа как терминов родства, должности, профессии (*syn – synowie, profesor – profesorowie*), так и принадлежности к народности, нации и семейству [Тихомирова 2006: 51]. Этот формант также является общеславянским (ср. образец изменения односложных нарицательных существительных в македонском и сербском языках: *град – градови, воз – возови* [Lunt 1952: 29; Симић 2002: 133]). В переводе Т. Урошевич представлена форма множественного числа *Квантови* фамилии *Квант*, образованная, вероятно, по аналогии с упомянутой в том же контексте фамилии *Хустови*:

оригинал

У Хустовых хлынуло с потолка и в кухне, и в уборной. Наконец, у Квантов в кухне обрушился громадный пласт штукатурки с потолка <...>.

македонский перевод (Т. Урошевич)

Кај Хустови водата потече од таваницата во кујата и во тоалетот. Најпосле, во кујата на Квантови се урна огроно парче од таваница <...>.

Рассмотренные тексты переводов позволяют выявить вариативность употребления исконных форм принадлежности применительно к фамилиям в современном речевом обиходе. Русский язык демонстрирует лишённую формантов принадлежности форму: *Най-Турсы* (притом что в системе литературного языка подобные фамилии не имеют форм словоизменения) – её воспроизводят переводы: *Най-Турсови / Naj-Tursovi – Naj-Tursovci*:

оригинал	чешский перевод (А. Моравкова)	словацкий перевод (И. Изакович)	сербский перевод (М. Чолич)
<i>А я, Алёша, к Най-Турсам ходил <...></i>	<i>Byl jsem u Naj- Tursových, Aljošo <...></i>	<i>Vieš, bol som u Naj-Tursovcov, Aľoša <...></i>	<i>A ja sam, Aljoša, код Naj-Турсових био <...></i>

2. Характерной чертой западнославянской антропонимии является присоединение к фамилиям при образовании форм женского рода дополнительного притяжательного суффикса *-ov(á)*. В польском языке данная особенность принадлежит скорее архаичной и разговорной речи [Тихомирова 2006: 168], в то время как в чешском и словацком эта закономерность до сих пор свойственна литературному языку и соблюдается в том числе и при воспроизведении русских женских фамилий при художественном переводе. Возникает так называемое «одомашненное», адаптированное название. О подобных случаях в связи с переводами на чешский, где действует тот же принцип, писал Ю. Молочковский: «Правильно <...> поступают чехи, когда фамилии русских женщин «Кузнецова», «Разумова» передают в своём тексте как «Кузнецовова», «Разумовова», а не транскрибируют их механически. Ибо хотя и в их языке может существовать Разумова, но для них это дочь или жена Разума, а не Разумова. <...> Как видим, буквалистское стремление к соблюдению внешних соответствий и здесь вносит путаницу, а не ясность» [Молочковский 1962: 220].

Соответственно переводчиками оформлены женские фамилии, представленные в произведениях М.А. Булгакова: *(Муся) Форд*, *(Юлия Александровна) Рейсс*, *Поклёвкина*, *Покобатько* – чеш. *(Musja) Fordová*, *(Julie Alexandrovna) Reissová*, *Klovakinová*, *Pokobaťková*, словацк. *(Musia) Fordová*, *(Júlia Alexandrovna) Reissová*, *Poklevkinová*, *Pokobaťková*, и т.д. При назывании двойной фамилии формант прибавляется к обеим её составляющим: *Тальберг-Турбина* – чеш. *paní Talbergová-Turbinová*, слов. *pani Tal'bergová-Turbinová*; *Семейкина-Галл* – чеш., словацк. *Semejkinová-Gallová*. Исключением не являются даже те случаи, когда исходная фамилия уже оканчивается на *-ov* и при образовании формы женского рода возникает фонетический повтор: *Лендрикова* – чеш. *Lendřikovová* / словацк. *Lendrikovová*; *Рубцова* – чеш., словацк. *Rubcovová*; *Ланшённикова* – чеш. *Nudlovová*, словацк. *Lapšennikovová*. Более того, в отдельных случаях суффиксация избыточна: имя *Ида Геркулановна Ворс* в словацком варианте выглядит как *Ida Herkulánovna Vorsovová*, то есть фамилия *Vors* сначала была наделена характерным для фамилий суффиксом со значением принадлежности *-ov* (**Vorsov*), а затем суффиксом *-ov(á)* – показателем принадлежности к женскому роду (*Vorsovová*). Данный формант присоединён и к женскому имени подчёркнуто иноязычного происхождения, которое не является собственно фамилией: чеш. *signora Toffanová* (А. Моравкова) / *paní Tofanová* (Л. Дворжак) – *госпожа Тофана* (из *Thofania* < *Theofania* – женское личное имя, общее для нескольких средневековых отравительниц).

При всём практическом удобстве «одомашненного именованья» для читательского восприятия теоретически данный принцип долгое время оставался спорным. Например, А.А. Реформатский, говоря о таком подходе при переводе на чешский, а также на латышский и литовский языки, называл его «порочной практикой» [Реформатский 1972: 329]: по мнению учёного, это нарушает колорит и не даёт возможности «показать чужое». Практика перевода показывает, что

аффиксальное одомашнивание при переводе в западнославянской среде полностью вышло из употребления, а следовательно, теряет актуальность и для художественного перевода. В качестве оптимального пути адаптации имени для восприятия закрепились различные виды калькирования или иной семантической адаптации.

§ 4. Имя собственное в словообразовательной парадигме принимающего языка

Перевод художественного текста предполагает вовлечение имени в словообразовательную парадигму принимающего языка [Ковалёв 2006: 278] или по крайней мере его словообразовательную адаптацию [Ермолович 2004: 81]. Основную часть таких производных онимов, требующих адаптации или транскрипции, в славянском тексте составляют преимущественно деминутивы, этнонимы, а применительно к русскому языку также отчества.

Как показали примеры, присоединение к заимствованным основам суффиксов принимающего языка свойственно прежде всего для западнославянских переводов (А. Моравкова, М. Такачова, А. Дравич), в которых имена собственные приобретают характерные для принимающего языка форманты: чеш. и словацк. *-sk-* ‘принадлежность’ (*Aurillacký, Pontský*); *-enk-*, *-ičk-* ‘деминутив’ (*Varenka, Manička*), словацк. *-isk-* ‘аугментатив’ (*kocúrisko Mosúrisko*). Корень со значением числа присоединяется в традиционном виде: *Dvojbratský* (в подобных образованиях русскому *дву-* в словацком языке соответствует *dvoj-*). Аналитическая конструкция оригинала в соответствии с узусом принимающего языка может заменяться синтетической:

оригинал

Ах, жадный старик из Кириафа!

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

*Ach, syż to za chciwy starzec, ten
kiriaticzyk!*

Помимо основного словообразовательного значения, в присоединённых к нему формантах может быть эксплицитно выражена значительная часть коннотативного наполнения имени собственного, в том числе показатель его национальной окраски. Замена переводчиком форманта не должна нарушать национальный колорит имени (ср. отказ Н.И. Гнедича от использования «чересчур русского» суффикса этнонимов *-ич-* при переводе эпоса Гомера [Файер 1999: 152]), исказить или нейтрализовать его коннотативную окраску в принимающем языке.

4.1. Особенности передачи деминутивных имён собственных в переводе

Как известно, даже полностью совпадающие этимологически и фонетически в различных славянских культурах личные имена имеют разные деминутивы [Straková 1994: 174]. В разных славянских языках продуктивными для образования деминутивных форм онимов являются различные словообразовательные модели – преимущественно это суффиксация с прибавлением различных формантов, однако распространены также деминутивы, образованные за счёт усечения основы без прибавления форманта:

русский	польский	чешский, словацкий	сербский	македонский
<i>Леночка</i>	<i>Lenusia</i>	<i>Lenka / Lenocka</i>	<i>Јела / Лела</i>	<i>Ленче</i>
<i>Петька</i>	<i>Petuś</i>	<i>Peťka</i>	<i>Пера</i>	<i>Пецо / Перо</i>
<i>Лидочка</i>	<i>Lidusia</i>	<i>Lidka</i>	<i>Лула</i> без формантов	– (узуально: <i>Лидија</i>)

Возникает вопрос о том, нужны ли в тексте перевода деминутивы как таковые, будут ли они соотноситься читателем с полными формами имён. Более того, затруднения в понимании переведённого с русского языка произведения в целом объясняются «в первую очередь наличием в русском языке огромного количества производных – особенно уменьшительных от почти каждого имени» [Васева 2005: 65].

Большинство аффиксов, служащих для формирования деминутивов, будучи общеславянскими по происхождению, на настоящий момент не имеют общеславянского распространения (ср. форманты, соответствующие продуктивным моделям для образования деминутивов мужского рода – польск., чеш. *-ek*, словацк., серб. *-ko*, макед. *-че*), однако их различие не является помехой для восприятия и идентификации уменьшительных форм имён с их полными формами (даже неславянский читатель в отсутствии соответствующих примечаний идентифицирует формы русских уменьшительных имён [Оболенская 2010: 139]). Богатство словообразовательных возможностей западно- и южнославянских языков (так, более сотни деминутивных суффиксов насчитывается в русском, и в польском языке [Rzepnikowska 1997: 107]) позволяет обеспечить стилистически адекватное представление онимов в тексте перевода.

В именах собственных уменьшительные суффиксы, несущие в себе известную долю национального колорита, «являются чем-то вроде принадлежности национального костюма, сохранение которой весьма желательно» [Влахов, Флорин 1980: 271] – естественно, при условии, что эти формы будут понятны читателю. Одомашнивание деминутивов в художественном переводе ведёт к диссонансу в восприятии читателя. В то же время значение таких производных форм обычно понятно для инославянского читателя: вследствие близкого языкового родства деминутивные формы в славянских языках

отличаются узнаваемостью, в отличие от других языков [Монахова 1981]. Поэтому деминутивы в переводе подаются без примечания.

Деминутивные образования считаются наиболее коннотативными. Роль суффиксов в них по существу двойка: наряду с уменьшительным эмоциональным значением они выражают национальную окраску имени. Значительно сказывается на восприятии деминутивных форм в переводном тексте межъязыковая омонимия формантов. Теоретики и практики перевода отмечают существенные различия в коннотативном содержании одного и того же аффикса в двух близкородственных языках [Говердовский 1989: 69; Вендина 1990; Чуковский 2011: 396-397; Кульпина 2013: 11], что способно провоцировать ложные коннотации, возникающие вследствие сходства лексических или аффиксальных форм двух языков. Более того, слова с одним и тем же формантом способны иметь разную степень коннотативной окрашенности в близкородственных языках и даже в одном языке. Ф. Травничек отмечает применительно к чешскому языку особенность, характерную вообще для образования производных форм личных имён в славянских языках: «<...> в эмоциональном восприятии слов проявляются нередко индивидуальные и областные различия; так, форма, носящая в глазах одних оттенок грубоватости, кажется другим выражением близости или искреннего расположения» [Травничек 1950: 162].

Имена с суффиксами субъективной оценки целесообразно транскрибировать, когда есть уверенность в том, что на фоне полного имени и контекста ласкательная или уничижительная окраска формы будет понятна читателю. Однако «если в восточнославянских языках эти образования имеют, как правило, оттенок грубоватости или пренебрежительности <...>, то в западно- и южнославянских языках им свойственна экспрессия ласкательности» [Вендина 1994: 91], с их помощью выражается дружеское, фамильярное отношение. При этом может различаться и регулярность употребления, продуктивность того или

иногo форманта. Так, употребление в женских именах суффикса *-k(a)* носит регулярный характер только в западнославянских языках [Вендина 1990: 45], причём *-k(a)* даёт «чистые» деминутивы, образование экспрессивно-деминутивных форм происходит, как правило, с помощью его расширенных вариантов (*-ička*, *-očka* и др.). В восточнославянских языках использование суффикса *-k(a)* при образовании деминутивов не имеет уже такого регулярного характера, а в южнославянских языках не несёт основной функциональной нагрузки, в отличие от *-иц(a)*. Производный оним с формантом *-k-* (*Janka*, *Lenka*, *Nataška*) в восприятии западнославянского читателя имеет другую коннотацию ('дружеское', 'ласкательное'), нежели в восприятии русского, для которого образования с *-k-* имеют преимущественно уничижительное значение: за счёт этого при переводе «нередко возникает явление, которое можно назвать субъективным переносом коннотаций из языка в язык» [Говердовский 1989: 69].

Яркие примеры подобного переноса коннотаций находим в рассматриваемых текстах: *Лелька* (*может быть, пойти и убить эту самую Лельку?*) в польском переводе И. Левандовской и В. Домбровского именуется *Lelka*, в словацком переводе И. Изаковича – *Lenka*, притом что суффикс *-k-* в западнославянских языках выражает дружеское, ласкательное отношение. Ср.: *Лидочка Герц* в переводе И. Левандовской и В. Домбровского названа *Lidka Hertz* (в то время как И. Изакович при переводе на словацкий язык дистанцирует это именование от варианта с *-k-*: *Lidočka Hertzová*). Тем самым для польского и словацкого читателя отношение к *Лельке* со стороны не только персонажа, но и автора изменяется с пренебрежительного на ласковое, что сказывается на восприятии художественно-образной системы произведения в целом.

Некоторые из традиционных для русских имён и их деминутивы представляют в других славянских именниках не варианты одного и того же имени, а два разных антропонима: *Софья* > *Соня* – у чехов и словаков *Žofia* и

Soňa, Елена > Лена > Ленка (а также народная форма *Алёна*) – *Helena / Elena, Lenka, Alena*; в календарных святцах этим именам соответствуют разные даты [КМČ; SOM]. В тексте романа «Мастер и Маргарита» домработница Маргариты носит имя *Наталья Прокофьевна* (словацк. *Natália Prokofievna*), причём обычно её называют *Наташа* (*Nataša*) и *Наташка* (*Nataška*). *Natália* и *Nataša* у словаков – два разных крестильных имени [SOM], и это различие может затруднить понимание некоторых эпизодов текста; вдобавок производный отним с формантом *-k-* (*Nataška*), как уже было отмечено, в восприятии западнославянского читателя имеет другую коннотацию, нежели в восприятии русского.

В отдельных случаях уменьшительные формы личных имён в переводе просто опущены. Так, ни в чешском, ни в словацком переводе романа не появляется возможный эквивалент имени *Иванушка*, хотя такое название Ивана Бездомного в романе М.А. Булгакова существенно важно для создания образа; к тому же создание эквивалентного деминутива было бы вполне возможным (тем более что форма *Annuszka / Aniška* в тексте сохранена): большинству славянских языков известен формант *-ушк-*, обычно как коннотативно окрашенный (‘устаревшее’, ‘русское’), но его окраска соответствовала бы значению имени персонажа. Впрочем, очевидно, что при этом полная передача ассоциативного семантического наполнения русской именной формы *Иванушка* в любом случае вряд ли была бы возможна. Так или иначе, М. Такачова и А. Моравкова предлагают нейтральное *Ivan*. В переводах на сербский и македонский языки, напротив, сохранена в транскрипции форма *Иванушка*.

Отмечено, что в словацком и чешском языках уменьшительные имена в целом употребляются чаще, чем в русском. Они воспринимаются там как «нечто более обыденное и привычное, чем у нас» [Молочковский 1963: 214]; кроме того, известно, что при переводе со словацкого и чешского часть деминутивов обычно устраняется. В таком случае представляется логичным введение переводчиком в

текст дополнительных деминутивов по моделям, принятым в принимающих языках, – тем самым выполняется требование стилистической адекватности:

оригинал	чешский перевод (А. Моравкова)
<i>Пустите нас, миленький Максим, дорогой <...></i>	<i>Pusťte nás, Maximku, buďte tak hodnej.</i>
оригинал	сербский перевод (М. Чолич)
<i>...Дунька, Дунька, Дунька я! Дуня, ягодка моя <...></i>	<i>Дунька, Дунька, Дуньце моја!</i>
оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<i>Серёжа, что это я о тебе думаю?</i>	<i>Seriožka, čo si to o tebe myslím?</i>
оригинал	польский перевод (И. Левандовска, В. Домбровский)
<i>– Проша! Где вы? – Кто вам тут «Проша»? – осведомился надменно костюм, еще глубже заваливаясь в кресле.</i>	<i>– Proszęńka! Gdzie jesteś? – Kto tu dla pani jest “Proszęńka”? – jeszcze głębiej zapadając w fotel wyniośle zasięgnął informacji garnitur.</i>

Однако, в отличие от чешского и словацкого текстов, в македонском и сербском переводах романа такой принцип эквивалентной передачи не выдержан: уменьшительные имена, содержащие специфические словообразовательные форманты русского языка (-ушк-, -еньк-, -ечк- в отличие от традиционных македонских -ко, -че, -чо) и образованные по специфическим русским моделям формирования деминутивов, просто транскрибированы: макед. и серб. *Иванушка, Кирјушка, Варенька*.

Среди рассматриваемых примеров были также отмечены случаи передачи уменьшительной формы антропонима путём прибавления к исходной основе характерного для принимающего языка форманта, в которых близкое родство языков оригинала и перевода позволяет сохранить благозвучие, естественность звучания: *Лариосик* – чеш. *Larionek*, словацк. *Larionko*. В сербском переводе то же имя транскрибировано как *Лариосик*: традиционное для южнославянских

переводов применение транскрипции в данном случае правомерно в силу того, что и для языка оригинала представленный здесь деминутивный формант не является продуктивным, а скорее окказиональным, вносящим в значение имени дополнительный экспрессивный компонент.

4.2. Притяжательные формы имён собственных в переводе

В большинстве славянских языков вполне продуктивной является модель образования притяжательных прилагательных от имён собственных, в отличие от русского, где образующиеся по этой модели дериваты со временем стали приобретать разговорный оттенок значения. Так, у южных славян для обозначения отношения принадлежности образование притяжательных прилагательных является определённо более продуктивным, нежели употребление формы родительного падежа, хотя последний также используется достаточно регулярно [Ушакова 2011: 27]. Универсальными для притяжательных прилагательных являются общеславянские суффиксы **-ov-* и **-in-*, в зависимости от типа склонения производящего слова. Конструкции с подобными прилагательными весьма распространены в южно- и западнославянских переводах и соответствуют русским конструкциям с несогласованными определениями:

оригинал

Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необыкновенным явлениям он не привык.

<...> сообщил, что Воланд остановился в квартире Лиходеева.

Его сегодня вызывают во дворец Каифы.

сербский перевод (М. Чолич)

Живот Берлиозов одвијао се тако, да он баш и није био навикао на необичне појаве.

<...> да је Воланд одсео у Лиходејевљевом стану.

Позван је да вечерас дојде у Кајафин дворац.

оригинал

Голое тело Иешуа Га-Ноцри было с ним.

– Он прочитал сочинение мастера, – заговорил Левий Матвей <...>.

<...> по тону его было слышно, что ему приятен искренний, радостный порыв Маргариты.

оригинал

Скверно действовали на братьев клиновидные <...> погоны на плечах Тальберга.

оригинал

Дядя Берлиоза был искренне поражен поведением неизвестного

.<...> по тону его было слышно, что ему приятен искренний, радостный порыв Маргариты.

чешский перевод (А. Моравкова)

Měl u sebe obnažené Ješuoovo tělo.

„Přečetl si Mistrův román,” pravil Matouš <...>.

<...> podle hlasu se dalo usoudit, že ho Markétčin upřímný, radostný výlev potěšil.

словацкий перевод (И. Изакович)

Špicaté náplecníky <...> na Talbergových pleciach neurobili na bratov dobrý dojem.

словацкий перевод (М. Такачова)

Berliozovho strýka úprimne dojal súcit neznámeho človeka.

<...> a na hlase mu bolo poznať, že mu dobre padol Margarétin úprimný, radostný výkrik.

В ряде случаев суффиксацию сопровождают системные для принимающего языка фонетические процессы: появление протетического согласного (серб. *Лиходејев > Лиходејевљев*), переходное смягчение (чеш. *Markétka > Markétčin*).

Подобные конструкции со значением посессивности актуальны при обозначении принадлежности культурных реалий: макед. *Лафонтонови басни* (басни Лафонтена), словацк. *Newtonov dvojčlen* (бином Ньютона). По той же схеме системно строятся, например, западнославянские микропонимы – названия улиц, площадей и т.п. В чешском и словацком переводах по этой модели образуются названия *Patriarchové rybnníky*, *Patriarchová ulička*, *Gercenova ulice / ulica*, *Kropotkinova ulice / ulica*, а также чеш. *Brjusovova ulice* и словацк. *Briusovova ulička* – название, образованное с избыточной суффиксацией (ср. современное

Брюсов переулок). В тексте М.А. Булгакова, однако, этот микротопоним выглядит как *Брюсовский переулок*. Облик *Brusovova*, а не *Brusovska ulička* представляется своего рода отступлением от закономерности, тем более что суффикс *-sk-* в чешском и словацком языках весьма продуктивен (за счёт этого совершенно естественно в переводе романа выглядят транскрибированные русские названия *Nikitská (brana), Tverská, Mjasnická / Miasnická* и т.п.). Фонетический повтор, представленный в данном примере, не считается неблагозвучным, он типичен для подобных названий улиц в городах Чехии и Словакии: *Lomonosovova, Lermontovova, Tupolevova ulice / ulica* [Ďurčo 2003].

4.3. Проблема передачи формы отчества в западнославянском и южнославянском тексте

Трёхчастное имя, характерное для восточнославянской антропониимии, является одним из наиболее ярких маркеров национальной принадлежности и составляющих национального колорита художественного текста. В свою очередь, антропонимическая система западнославянских и большинства южнославянских языков не предусматривает употребления отчества. Поэтому передача двусоставных личных имён, свойственных восточнославянской антропонимической традиции, представляет определённую сложность при переводе: при лёгкости формального воспроизведения русского отчества (которое, как уже было отмечено, обычно транслитерируется или транскрибируется) в тексте перевода сохраняется известный момент культурно-смысловой отчуждённости.

Характерный суффикс *-ич* в фамилиях, представленных в рассмотренных текстах (*Лисович, Лаврович*), определяется как формант польского происхождения (исконно – из *-ić* [Makarski 2003: 125]). Конечный звук данного форманта,

несмотря на сохранившуюся мягкость [ч] в русском языке, воспринимается традициями тех славянских языков, где мягкость [ч] имеет смысловозначительное значение (польский, сербский), как твёрдый. Это доказывает графическое оформление онимов с таким суффиксом: польск. *Lisowicz, Laurowicz* (аналогично созвучным польским фамилиям на *-owicz*), сербск. *Лисович, Лаврович* (напротив, с целью отграничить подобные заимствования от сербских фамилий на *-(ов)ић*). На практике отчества часто смешивают с фамилиями даже тогда, когда они обладают разными формантами: сочетание указанных рядом русских отчества и фамилии может восприниматься и оформляться в инославянской среде как двойная фамилия (например, у македонцев). Это объясняет тенденцию к графическому разграничению данных явлений.

Во всех без исключения переводах рассматриваемых романов М.А. Булгакова формы двусоставного личного имени с отчеством, в большом количестве представленные в текстах оригинала, сохранены. Падежные формы таких двусоставных имён наделены окончаниями, свойственными морфологической парадигме принимающего языка, если он предполагает склонение в принципе. Так, для словацкой системы склонения характерно отличное от русского окончание *-ovi* в форме дательного падежа, которое М. Такачова употребляет при склонении форм имени-отчества: *Ivanovi Nikolajevičovi, Nikanorovi Ivanovičovi, Prochorovi Petrovičovi*. Примечательно, что при переводе на чешский и польский языки, для системы которого свойственны аналогичные окончания дательного падежа, переводчики избегают этих форм. О подобных случаях писал Ю. Тувим, предлагая сохранение формы оригинала лишь в тех случаях, когда облик падежной формы в языке перевода совпадает с оригинальным: «Я полагаю, что отчества в переводе на польский следует всячески избегать только в звательном и дательном падежах. «Iwan Iwanowicz», «Iwana Iwanowicza», «z Iwanem Iwanowiczem» – всё в порядке. Но «Ivanovi Iwanowiczovi», «Iwanie Iwanowiczu!»

или когда попадают имена подлиннее: «Afanasiowi Aleksandrowiczowi», «Afanasiu Aleksandrowiczu» – это уже просто-напросто грех. В таких случаях нужно искать других средств»¹. Слова Ю. Тувима вполне могут быть отнесены и к употреблению отчеств в текстах на других славянских языках, в которых за счёт различий в системе именного словоизменения перенесённая из русского языка форма имени-отчества способна звучать тяжеловесно и неестественно.

В случаях подобного соотношения между антропонимическими системами языков оригинала и перевода универсальной стратегией считается решение не нарушать узус принимающего языка, прибегая к натурализации этикетной формы: «в некоторых случаях данное русское обращение с именем и отчеством полностью пропускается», но зато добавляется специальная форма вежливого обращения [Сипко 1999: 34]. Аналогичное решение в предисловии к переводу романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1908 г.) предлагал ещё Т. Котарбиньский: форму с отчеством заменить на *pan, pani*, а также устранить формы звательного падежа [Милейковская 1986: 170].

Узуальной и соответственно нейтральной для западнославянского речевого обихода являются титульные формы *pan, pani* (в словацком языке также *slečna* ‘барышня’) в сочетании как с фамилией, так и с личным именем. Ср. название пьесы М.А. Булгакова «Зойкина квартира» в переводе на чешский язык «*Byt pani Zoe*» [MSLV 1986: 20]: в данном случае как эквивалентные выступают формы рус. *Зойка* и чеш. *pani Zoe* – русская модель с маркирующим разговорно-просторечный стиль формантом и западнославянская модель с титульным элементом, который носителями русского языка воспринимается, напротив, как принадлежность подчеркнуто вежливого обращения. Кроме того, польский речевой этикет предполагает обращения по должности или званию (*panie profesorze, panie*

---

¹ Ю. Тувим. Письмо к К. Иллакович. Цит. по кн: Живов М. Юлиан Тувим – пропагандист русской поэзии // Мастерство перевода: Сборник 1962. М, 1963. С. 432.

inżynierze, разг. *profesorze*, *inżynierze* и т.д.). Наиболее регулярно эквивалентные замены, которые вводят в текст форму, соответствующую речевому этикету принимающего языка, отмечаются в польских переводах:

оригинал	польский перевод (И. Левандовска, В. Домбровский)
<i>Да кто он такой, Алексей Васильевич?</i>	<i>Kim on właściwie jest, doktorze?</i>
<i>Тише, Марья Францевна, тише, голубчик...</i>	<i>Proszę się uspokoić, pani Mario, proszę się uspokoić...</i>
<i>– Ксения Никитишна! – пронзительно закричал он в дверях передней <...>.</i>	<i>– Pani Kseniu! – przenikliwym głosem krzyknął w drzwiach przedpokoju.</i>

Л.Ю. Назаренко отмечает, что к аналогичным заменам прибегают и современные переводчики пьес А.П. Чехова на чешский язык, когда типично чешская формула звучит в контексте более естественно: «*Александр Игнатьевич из Москвы*» – «*Pan plukovník je z Moskvy*». Такая замена представляется оправданной, т.к. для чешского речевого этикета неприемлемо обращение к военному офицеру по имени [Назаренко 2010: 383].

Форма имени-отчества в переводе может быть заменена не только на формальный этикетный аналог, но и на обращение, соответствующее конкретному контексту. По мнению Ю. Тувима, предлагающего в качестве примера подробный перечень вариаций одного и того же имени, иллюстрирующих то, как изменяется обращение в зависимости от ситуации [Tuwim 1979: 307], «всё зависит от контекста и отношений между людьми (когда речь идёт об обращении к кому-нибудь). Если эти персонажи могут говорить друг другу «ты», мы просто опускаем «имя-отчество»¹. Между тем случаи такого отказа от воспроизведения русской формы имени-отчества с заменой в соответствии с контекстом в рассмотренных переводах единичны:

---

¹ Там же, с. 433.

оригинал
Николай Иванович, где вы? Что это за фантазии? Малярию хотите подцепить? Идите чай пить!

чешский перевод (А. Моравкова)
Kde jsi, Nikolaji? Co má znamenat tahle romantika? Chceš si uhnat horečku? Čaj je na stole!

Как показывает данный пример, при отказе от отчества без введения узуальной титульной формы или обращения может внешне радикально изменяться тональность разговора, обращение на «вы» заменяется обращением на «ты» (см. глаголы в форме единственного числа: *jsi, chceš*). Однако по существу в приведённом контексте такое обращение не менее соответствует отношениям героев, чем обращение на «вы» в оригинале. Следовательно, ключевую роль в выборе оптимального способа передачи обращения играет контекст.

Несмотря на советы Т. Котарбиньского, Ю. Тувима и других авторитетных практиков перевода воздержаться от употребления русской формы имени-отчества в звательной форме в принимающем языке, вопрос такой адаптации решается переводчиком в каждом случае по-разному. В уже рассмотренных вариантах переводов отчества вместе с личными именами могут принимать и форму звательного падежа, причём в чешском языке это распространяется и на женские имена (см. § 3.1). В переводе на македонский язык имена в сочетании с отчествами вообще не принимают форму вокатива, за единственным исключением, когда имя представлено в вокативе, а отчество в исходной форме:

оригинал
Позвольте, Иван Николаевич, кто же вас не знает?

македонский перевод (Т. Урошевич)
Дозволете, Иване Николаевич, та кој не ве познава?

Однако подобная смешанная форма производит впечатление неестественной и для принимающего языка. По отношению к другому персонажу применяется уже обычная форма того же антропонима:

оригинал
Сейчас же, Иван Савельевич, лично отвези.

македонский перевод (Т. Урошевич)
Иван Савелевич, веднаш лично однеси ги.

Не вполне правомерным представляется отдельное употребление в западнославянском или южнославянском тексте естественной для русского речевого обихода формы отчества, к тому же отражающей синкопированное разговорное произношение: рус. *Иваныч* – макед. *Иванич*, чеш. и словацк. *Ivanuř*. Исходной формой является гипотетическое *Иванович* / *Ivanovič*, что для чешского или македонского читателя может не быть очевидным. Вдобавок в функции обращения как полное, так и синкопированное отчество выглядит явно непривычно для иностранного читателя. Тем не менее в сербском и чешском переводе оно свободно обретает форму вокатива:

оригинал

Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдет!

чешский перевод А. Моравковой

Říznej se, Ivanyči! Oni ti sleví trest!

сербский перевод (М. Чолич)

Покај се, Ивановичу! Узеће ти то у обзир као олакшавајућу околност!

чешский перевод Л. Дворжака

Ježíšmarjá říznej se, Ivanyči. Ať máš aspoň ňákou polehčující okolnost!

Ср.: польский перевод
(И. Левандовска, В. Домбровский)

Przyznaj się, Iwanycz! Krócej będziesz siedział!

Синкопированная форма *Палосич* (*Павел Иосифович*) в каждом из вариантов перевода «Мастера и Маргариты» воспроизведена особым образом. Так, Л. Дворжак по описанному выше принципу заменяет всю имеющуюся в тексте форму имени-отчества на функциональный аналог – конструкцию *Pane vedoucí!* Остальные переводчики стремятся передать звучание формы имени-отчества. М. Такачова отказывается от усечённой формы, заменяя её полной, никак не отражающей редукции звуков, которая происходит в разговорной речи:

оригинал

Совершенно пожелтев, продавщица тоскливо прокричала на весь магазин:

– Палосич! Палосич!

– Палосич! – повторился отчаянный крик за прилавком кондитерского <...>

словацкий перевод
(М. Такачова)

Predavačka ozelenela a úzkostlivo zvrieskla na celý obchod:

– Pavel Josifovič!

– Pavel Josifovič! – ozvalo sa znova úpenlivé volanie od pultu s cukrovinkami <...>

Аналогичным образом поступает и А. Моравкова, вводя, однако, полную форму данного обращения в виде звательного падежа: „*Pavle Josifoviči!*” Естественно, что ни форма *Pavel Josifovič*, ни *Pavle Josifoviči* в полной мере не передаёт речевой интонации и определённого эмоционального настроения, воспроизведение которых явно в синкопированном *Палосич*, однако воссоздать адекватную параллель формы, представленной в русском тексте, здесь практически невозможно, тем более что сама конструкция имени-отчества для западнославянской речевой культуры нехарактерна.

В македонском же тексте присутствует и транскрипция оригинального варианта *Палосич*, и разъясняющий её двухчастный вариант *Павел Јосифович*. Оптимальный вариант представил М. Чолич в сербском переводе: двухчастная форма *Павел Јосифович*, данная к тому же в форме вокатива, редуцируется постепенно, отчего не проигрывает ни фонетическая, ни содержательная сторона:

оригинал

Совершенно пожелтев, продавщица тоскливо прокричала на весь магазин:

– Палосич! Палосич!

– Палосич! – повторился отчаянный крик за прилавком кондитерского <...>

сербский перевод (М. Чолич)

Потпуно пожутевши у лицу, продавчица преплашено повика преко целе радње:

– Павеле Јосифовичу! Пал Осичу!

– Палосичу! – поново се зачу очајнички повик иза тезге са слаткима <...>

Таким образом, проанализированный в данной главе материал позволяет сделать выводы не только о положении русского именника в

словообразовательной и словоизменительной системах других славянских языков, но отчасти и о состоянии этих систем. Наибольший интерес вызывают яркие явления морфологии славянских языков, утраченные или редкие в русском, в большей степени – форма вокатива. При этом ни в одном из языков, примеры словоупотребления в которых рассматривались в главе, не существует употребительной формы отчества, а следовательно, и трёхчастной формы имени, подобной той, что бытует в русском языке. В принципе возможно предположить, что относительно твёрдая (по сравнению с другими, утратившими вокатив славянскими языками) позиция звательной формы в чешском, сербском и македонском языках и обусловила тот факт, что в них не развились трёхчастные именные формы (фамилия и имя в сочетании с отчеством).

В настоящее время можно говорить о кризисе обоих упомянутых явлений – как вокатива, так и трёхчастной именной формы. В македонском речевом обиходе, как было отмечено, стали реже употребляться формы вокатива, то есть при уже отсутствующем склонении именная форма стремится к окончательному единообразию. В чешском и сербском языках звательная форма сохраняет более устойчивое положение, однако её употребление всё чаще оказывается связано с особыми коммуникативными ситуациями, когда нужно не просто привлечь внимание собеседника, а сделать эмоциональный акцент на содержании разговора. В словацком языке вокатив употребляется в единичных случаях, немногим чаще, чем остатки этой формы в русском языке. Вместе с тем в русской речевой культуре постепенно снижается частота употребления отчеств; в периодических изданиях стала особенно часто встречаться двухчастная модель, предусматривающая название только имени и фамилии – очевидно, по западноевропейскому образцу. Однако следует признать, что традиция употребления имени-отчества в русском языке остаётся значительным действующим фактором речевой культуры.

Выводы к главе II

Как показывает рассмотренный материал, транскрипция в настоящее время является одним из количественно преобладающих способов при передаче онимов в художественном тексте на близкородственном языке; намного реже используется транслитерация.

Помимо влияния сложившейся традиции написания имени собственного, отказ от транскрипции как универсального способа передачи онима может быть связан с целым рядом факторов, наиболее значительными из которых являются следующие:

- стремление к воссозданию внутренней формы онима в принимающем языке или круга ассоциаций для принимающей культуры (в этом случае переводчики прибегают к способам калькирования или эквивалентной замены имён собственных);

- соблюдение требований благозвучия;

- необходимость избежать так называемых семантических приращений, ложных этимологических связей и нежелательных ассоциаций.

Выбор между представлением традиционного этимологического эквивалента имени или его транскрипцией, как и выбор между семантизацией и транскрипцией, относится к сфере индивидуальных переводческих решений и связан с приоритетной позицией в интерпретации текста. Между тем индивидуальная творческая манера переводчика не свободна от влияния общей историко-культурной парадигмы времени и страны, где выполняется перевод, уровня развития литературы у народа принимающего языка. Чем старше и разнообразнее литературная, а соответственно и переводческая традиция принимающей культуры, тем менее формализован подход к переводу. Кроме того,

наблюдения над теоретическим материалом показывают, что для культуры, обладающей в сравнении с другими славянскими культурами старшей литературной и переводческой традицией, в вопросах перевода характерна и более глубокая теоретическая рефлексия, а следовательно, более интенсивная разработка методики перевода и создание практических пособий и словарей. Так, именно в Польше (отчасти и в Чехии) с её давней литературной традицией и переводческой школой – очевидно, сыграло свою роль и многовековое литературное посредничество культуры в развитии европейского перевода – и в настоящее время последовательно и регулярно появляются теоретические работы по теории перевода и межкультурной коммуникации, а Р. Левицким был создан специальный отдельный двуязычный русско-польский словарь собственных имён. Несколько менее разработанной на сегодняшний день представляется теоретическая и практическая база переводоведения у южных славян, которые значительно дольше пребывали в общем пространстве единого книжного языка относительно друг друга и России.

Основной общей закономерностью в переводе этимологически эквивалентных формантов славянских фамилий и отчеств является отказ от адаптации имён, содержащих такие компоненты, – как от графической, так и от словообразовательной. Общим является также и стремление к сохранению колорита языка оригинала, то есть ориентация на сохранение экзотического, хотя бы оно и было близкородственным. Между тем освоение онима на морфологическом уровне, включая экспрессивные возможности морфологии (вокатив), в той или иной степени характерно для всех принимающих языков.

ГЛАВА III

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОНИМОВ В ПЕРЕВОДЕ

§ 1. Ономастическая коннотация в славяно-славянском художественном переводе

Ономастические единицы художественного текста представляют собой парадоксальное явление в плане восприятия: будучи универсальны для понимания в различных языках в своём денотативном смысле, в плане коннотации (оценки, экспрессии, ассоциаций) они составляют наиболее тесно связанный с конкретной языковой и культурной средой, наиболее этноспецифический пласт лексики. Имена собственные воспринимаются как знаки, наделённые значением символов, представляющих культуру того или иного народа [Furdal 1997: 115], несущие этнокультурную информацию – и именно они составляют тот слой языка, который при переводе выступает как базис [Сипко 1999: 132].

В каждой отдельной культуре имя может приобретать специфическое дополнительное значение, сохраняющееся на уровне коннотации или выступающее как фактор лексикализации. При этом имя собственное в его определённом коннотативном значении может быть распространено как в одном языке, так и в нескольких. Безусловно, может отмечаться и общность имён собственных в картине мира носителей разных языков, если речь идёт об именах, заимствованных из одного источника и преимущественно из одного контекста. Однако и у таких параллелей даже в близкородственных языках и культурах оттенки коннотативного значения могут быть различны (ср. трактовку библейских ситуаций и соответственно библеизмов как объективно нравоучительных в чешской лингвокультуре и как субъективно оценочных, эмоциональных в словацкой [Тугушева 1992: 200]).

Е.С. Отин различает среди коннотативных онимов интралингвальные (внутриязыковые) и интерлингвальные (межъязыковые) [Отин 1997 (1): 222, 2004: 8], которые привычны не только в двух или более языках, но и в контактирующих культурных языках обширных географических зон. Между тем для вопросов перевода существенным является показатель интерлингвальности коннотативного имени не столько относительно обширных зон распространения, сколько относительно конкретных языковых пар и групп. Так, общность коннотативного значения онима в родственных культурах может означать общность устойчивого метафорического именованя в лингвокультурном пространстве: рус. *Лиса Патрикеевна* 'хитрый и льстивый человек, лукавец' [Отин 2004: 211] – словацк. *Líška Kmotrička* (букв. «Лиса-Кумушка»).

Как в языке, так и в художественном тексте онимы могут отличаться разной степенью семантической насыщенности: этнокультурной отнесённости, коннотативного наполнения, обусловленного ими образного содержания. Э.Б. Магазаник отмечает: «Разумеется, разные «значащие» собственные имена <...> оказываются в неодинаковой мере важными для читателя. Основные из этих определяющих идейно-эстетический «вес» «значащего» имени факторов: роль в произведении лица или явления, названного соответствующим именем, отношение этого «значащего» имени ко всем другим «значащим» именам в произведении, а через них и к образному единству в целом и, наконец, <...> характер самого отношения «значения» собственного имени к сущности обозначаемого отношения, которым и определяется глубина и полнота художественно-характеристической выразительности имени» [Магазаник 1978: 45].

Ассоциативное наполнение имён собственных способствует практически безграничной для них возможности выступать в переносном (метафорическом, метонимическом) значении. Данная особенность предстаёт и как проблема

перевода, и как проблема интерпретации текста: «исследования проблем передачи имени в чужой языковой среде следует начинать с анализа текста оригинала, что поможет изначально выявить семантический потенциал, скрытый за собственным именем» [Оборнева 2008: 305]. Под семантическим потенциалом имени здесь можно подразумевать не только его национально-культурные ассоциации в языке, но и – поскольку речь идёт о переводе художественного текста – связь с протонимами, аллюзивное содержание онима, которое может быть доступно носителям определённой культуры.

Имя в литературном произведении не только называет персонажа или место действия, но и маркирует эпоху, социальную составляющую создаваемого образа, содержит ряд иных скрытых смыслов. «Имя того или иного персонажа несёт целый ряд коннотаций, которые могут быть поняты только при условии знания некоторых дополнительных обстоятельств» [Гюббенет 1981: 7], и ономастические реалии рассматриваются как способ донесения авторского подтекста до читателя. Таким образом, вопрос о трудности перевода, в том числе применительно к представлению имён собственных в переводимом тексте, сводится не к принципиальной невозможности или возможности перевода, а к вопросу о предпосылках понимания и знания, которых требует определённый текст. Без них переведённое произведение воспринимается поверхностно – «без осознания истинного смысла, содержащегося в коннотациях, которые очевидны для носителей языка и скрыты от иностранца» [Корнилов 2003: 139]. За счёт этого перевод (и в частности передача в нём имён собственных) и его теоретическое осмысление выступают как своеобразный метод изучения менталитетов представителей различных народов.

Для адекватной интерпретации и перевода текста необходимо понимать, какой мотив ономастической номинации реализуется в каждом конкретном случае: «пути рождения словесных тропов вырабатываются в зависимости как от

национальных и эпохальных особенностей, так и в наибольшей степени от авторских намерений, собственно художественных принципов» [Факторович 2009: 31]. Понимание этих принципов в первую очередь необходимо для восприятия значения имени в художественном произведении. Более того, авторский замысел и художественные принципы относятся не только к метафорическому и метонимическому употреблению онимов, но и к образному наполнению имён собственных в литературном тексте вообще. Таким образом, употребление автором имён собственных в их образном значении предстаёт не только как проблема перевода, но и прежде всего как проблема интерпретации текста.

Близкое родство славянских языков способно обусловить понимание происхождения и семантики онима в тех случаях, когда облик имени собственного в тексте основан на общеславянских языковых явлениях: как правило, это касается топонимов, эргонимов, среди антропонимов – фамилий и прозвищ. Общность славянского лексического фона (см. [Petr 1984]) способствует сохранению образности у ряда имён собственных, когда производящая по отношению к ним лексема и соответственно форма самого онима в разных языках совпадают или имеют минимальные фонетические различия: *Карась* – польск. *Karaś* – чеш. и словацк. *Karas* – серб. *Karasi*, *Сладкий* – чеш. *Sladký* – серб. и макед. *Слатки*, *Босой* – польск. *Bosy* – чеш. *Bosý* – серб. *Bosci*, и т.п. В частности, такие межъязыковые соответствия важны для передачи в переводе прозвищ и значимых фамилий. Однако в подобных случаях также возможны расхождения в понимании, вызванные различием коннотативного наполнения, узуса таких лексем в разных языках. Эти различия могут быть сопряжены с межъязыковой омонимией и паронимией, которые особенно распространены в славянском языковом пространстве вследствие расхождения путей развития семантического наполнения общих лексем (см. [Тыртова 2011: 407]).

Полноценное смысловое функционирование переводимого текста и его отдельных компонентов в условиях широкого контекста позволяет некоторым исследователям относить семантику и коннотации к уровню синтаксиса: «Tri nivoa komparativno-lingvističkih komponenti su: rječnik, morfologija (višeznačnost, nepravilnost leksičkih jedinica) i sintaksa (poteškoće na strukturalnom i semantičkom nivou, konotacije)» [Stokić 2012], что подтверждает исключительно важную роль текстового фона в интерпретации не только имени, но и высказывания и текста в переводе вообще.

§ 2. Семантические приращения и семантическая компрессия в онимах при переводе

Сходство фонетической, словообразовательной и морфологической систем славянских языков во многих случаях способствует восприятию транскрибированных имён собственных как адекватных в переводе. Тем не менее вследствие применения транскрипции к значимым онимам с прозрачной внутренней формой можно говорить об утрате ими в большинстве случаев тех смыслов, которыми они были наделены в русском языке (в особенности применительно к производным от безэквивалентных лексем: серб. и макед. *Рјухин*, *Варенуха* и т.д.). В отдельных случаях возможно предположить искажение смысла транскрибированных имён собственных при сохранении в них корней русского языка (так, фамилия *Стравинский* в переводе может быть по созвучию соотнесена с нарицательным макед. *страв* ‘страх, испуг, боязнь’ [МРР 1997: 293], словацк. *strava* ‘пища’ [SSK] и т.д.). Подобные случаи теоретиками перевода комментируются как нежелательные [Straková 1994: 176], но на практике при переводе на близкородственный язык вследствие межъязыковой омонимии встречаются весьма часто. Их возникновению способствует то обстоятельство, что

осмысление любой основы «поддерживается могучей семантической тенденцией языка, тенденцией, заставляющей нас искать значение в любом и каждом слове...» [Магазаник 1978: 51]. Тем более сильно тенденция семантизации действует в отношении имён собственных в художественном тексте.

Даже этимологически эквивалентные онимы способны при введении в переводной текст путём транскрипции претерпевать в своей семантической структуре деформации и приобретать приращения [Белова 2004]. При сохранении исходного фонетического облика имени собственного в переводе у него способна возникнуть новая коннотация. Так, нейтральной в плане оценочного наполнения фамилии героя романа «Белая гвардия» *Най-Турс* в переводах соответствует словацк. *Naj-Turs*, серб. *Haj-Turs*, а употребляемой автором применительно к тому же персонажу усечённой форме *Най* – транскрибированное *Naj / Haj*. Между тем в словацком языке, как и в сербском, *naj-* / *haj-* не только выступает как префикс превосходной степени, но и лексикализуется в значении ‘превосходное, наилучшее’ (ср. словацк. *Všetko naj!*, серб. *Све нај* ‘всего самого [хорошего]!’). Направление ассоциативного восприятия имени *Най* читателем в этом случае однозначно. Возможно, по этой причине И. Изакович стремится чаще по сравнению с оригиналом представлять данный оним без усечения:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<p>– <i>Выступаем сейчас, – лаконически ответил Най</i> <...>.</p> <p>– <i>Я сейчас лягу, – сказал Най, – а вы меня газбудите через тги часа.</i></p> <p><i>С этого рассвета до трех часов дня Най находился на Политехнической стреле</i> <...>.</p>	<p>– <i>Odhádzáte okamžite do boja, – odpovedal Naj-Turs lakonicky</i> <...>.</p> <p>– <i>Pôjdem si ľahnúť, – povedal mu Naj-Turs, – zobudíte ma o trhi hodiny.</i></p> <p><i>Od úsvitu až do tretej popoludní Naj-Turs zostal na Polytechnickej výpadovke</i> <...>.</p>

Стоит отметить, однако, что в данном случае прояснившаяся коннотация не вступает в противоречие с авторским замыслом. В противном случае оним

потребовал бы по меньшей мере минимальных искусственных фонетических изменений в переводе.

Кроме того, приращения и искажения в семантике имени могут возникать за счёт различий в круге ассоциаций, связанных с данным именем в исходной и принимающей культурах. По словам Д.Б. Гудкова, «имя, указывающее на тот или иной элемент действительности, может обладать идентичным экстенциональным применением в различных языках, но его интенциональное применение в каждом из данных языков может существенно отличаться от подобного применения в других» [Гудков 2003: 173-174]. Например, имена *Margarita* / *Małgorzata* / *Margaréta*, *Алексей* / *Alexej* / *Алексеј* в разных славянских языках имеют различную семантическую структуру за счёт несовпадения коннотаций 'свое' / 'чужое', 'аристократическое' / 'простонародное', 'распространенное' / 'редкое': польск. *Małgorzata* – 'распространенное', рус. *Маргарита* – 'редкое'; рус. *Алексей* – 'свое', 'распространенное', 'простое', болг. *Алексей* – 'чужое', 'русский' («этнокультурный русизм» [Сипко 1999: 35]) и т.д. Данные ассоциации способны актуализироваться в контексте литературного произведения, оказав влияние на трактовку художественного образа: старший Турбин в романе «Белая гвардия» – *Алексей* – предстаёт для болгарского читателя как архетипический русский (пример стилистического усиления; см. [Попович 1980: 103]).

Более того, созвучные имена, воспринимаемые как эквивалентные, зачастую имеют различное происхождение и соответственно разный круг ассоциаций: *Гелла* для читателя оригинала романа «Мастер и Маргарита» ассоциируется прежде всего с героиней античной мифологии (сестра Фрикса, в честь которой был назван пролив Геллеспонт [СА 1989: 617; Ковалёв 2005: 184]), в то время как для польского читателя её имя, представленное И. Левандовской, В. Домбровским в переводе как *Helia* (в то время как имя героини античной мифологии в польском варианте выглядит как *Helle*) созвучно и связано со скандинавским *Hel* (*Hella*,

Hlle) – в скандинавской мифологии персонификация смерти; современное личное имя *Helia* воспринимается в Польше как «*nordyckie*», распространённое в Скандинавии¹.

Значение многих онимов (например, микротопонимов или ряда топонимов: *Жмеринка*, *Подол*, *Крещатик*) не может быть вполне понятно читателю литературного произведения без определенных культурно-исторических фоновых знаний: например, *Жмеринка* известна «более всего по еврейским анекдотам» [Лесскис 1999: 65]. По словам Т.Г. Тодорова, «если при переводе художественного произведения можно в большей или меньшей степени добиться адекватной передачи национально окрашенных антропонимов, то передача их социальной маркировки почти невозможна. Социальная информация, содержащаяся в имени собственном, закодирована в нём имплицитно. Её может выявить только человек, знакомый с русской действительностью, имеющий необходимый запас фоновых знаний» [Тодоров 1995: 86].

Историко-культурное ассоциативное наполнение многих имён и названий является различным для представителей разных славянских народов и государств: так, круг ассоциаций и коннотаций, которыми обладают онимы *Петлюра*, *Галиция*, *Львов*, принципиально различен для русского, украинского, польского, чешского или южнославянского читателя, вплоть до полного отсутствия каких-либо оценочных коннотаций для последнего. Например, оценочно окрашенная лексема *москаль* понятна и актуальна для восточнославянских, в том числе русских читателей; ту же лексему без каких-либо изменений, переданную путем транскрипции, встречаем в западнославянских переводах романа «Белая гвардия» (Украина *без офицеров-москалей* – польск. *bez oficerów-Moskali* – словацк. *bez <...> dôstojníkov moskáľov*). Однако в польском языке *Moskal* не содержит отрицательной коннотации и функционирует преимущественно как историзм

---

¹ *Helia* // *Imiona* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imiona.info/Helia.html>.

[WSPR 1967: 440]. Тем более данный этноним будет воспринят как нейтральный словацкими читателями, исторически более далёкими от проблемы противостояния Украины Москве. Для южнославянских читателей неактуальна и сама лексема, которой в принципе не существует в их языках, вследствие чего она исчезает и из текста произведения; М. Чолич в сербском переводе заменяет ее полностью нейтральным вариантом: *без официра-московлана* («без офицеров-москвичей»). Аналогичный пример: авторское оценочно окрашенное *ж-жидюга* теряет отрицательный оценочный компонент в лексически нейтральном польском *ż-żidu* (ср. противопоставленное нейтральному экспрессивное польск. *żidek*), где изначальная экспрессия сохраняется лишь за счёт звательной формы (остальные переводчики воспроизвели структуру слова с экспрессивным оценочным формантом), сохранения передачи интонации на письме, а также контекста. Напротив, в этнониме *немцы*, который в оригинале сам по себе оформлен как нейтральный (*заклевали толстых кованных немцев до полусмерти*), И. Левандовска, В. Домбровский вносят дополнительную экспрессию за счёт прибавления разговорного форманта деминутива: польск. *Nemiaszki (zadziobywały na śmierć opastych pancernych Nemiaszków)* – вероятно, под влиянием разговорно-сниженного значения находящихся рядом в оригинале слов *заклевать* и *толстый*.

Семантическая деформация в значительном количестве случаев наблюдается в связи с различиями в исторических и культурных ассоциациях определенных имён собственных. Чеш. и словацк. *krvavý Mikuláš* во фразе *Túžite po krvavom Mikulášovi?*, соответствующей в подлиннике *Николая вам кровавого давай?*, подается переводчиками без примечаний. Между тем оно не только не вызывает мгновенного представления о российском императоре Николае II, но и не остается свободным от ассоциаций, которые вызывает у чешского и словацкого читателя имя *Mikuláš*, обозначающее для него прежде всего св. Николая и календарную дату его памяти – 6 декабря (ср. употребление в текстах СМИ: *Najneskôr na*

Mikuláša by sa mali už Bratislavčania korčuľovať na Zimnom štadióne «Не позже дня св. Николая жители Братиславы уже будут кататься на коньках на Зимнем стадионе»; *Mikuláš je nielen sviatkom, kedy sa rozdávajú sladkosti, ale je to v prvom rade tradícia* «День св. Николая – это не только праздник, в который раздают сладости, но и прежде всего традиция»¹. Данный антропоним повседневно воспринимается носителями языка перевода не только как агионим, но и как геортоним и топоним (ср. названия населённых пунктов в Словакии *Liptovský Mikuláš*, *Borský Mikuláš*, *Plavecký Mikuláš*). Среди способов избежать подобной смысловой деформации и добиться семантической компенсации сохранение реалии в тексте с последующим комментарием в сравнении с прочими (отказ от комментария или экспликация, то есть пояснение ономастической реалии непосредственно в тексте) традиционно обозначается как предпочтительный [Белова 2004: 58] или по крайней мере желательный.

Большая часть затруднений при передаче имён собственных в переводе связана с имплицитным наличием у каждого личного имени не одной, а нескольких разнородных ассоциаций (этимологических, мифологических, религиозных, исторических, литературных), которые в полной мере могут быть поняты только без потери связи с родным языком [Makarski 2003: 123]. Отсюда мнение о том, что «возможен перевод денотативной стороны текста, но не его коннотативной стороны» [Михайлов 2006: 134]. Существенные для полноценного восприятия образной системы текста коннотации имён собственных определяются в первую очередь оценочной составляющей значения, которая формируется под воздействием экстралингвистических факторов (историко-политические условия, культурная среда и т.д.), возникают как ассоциации, актуальные прежде всего в контексте определённого художественного произведения.

---

¹ Кроме того, ср. название фильма, вышедшего в прокат в Чехии и Словакии под названием «*Krvavý Mikuláš*» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kfilmu.net/film.php?sekce=informace&film=krvavy-mikulas>.

Проанализированные теоретические работы и рассмотренный материал позволяют определить в качестве способов возможной передачи ассоциативной составляющей онима в переводе пути смыслового перевода (семантической кальки), смысловой замены (субституции), семантической компенсации посредством расширения или свёртывания конструкции (амплификации и редукции [Токарз 2011: 16]).

Одни и те же ономастические единицы даже в близкородственных культурах воспринимаются различным образом, что заставляет переводчика таким образом адаптировать ономастическую систему произведения, чтобы по возможности обеспечить восприятие заданных автором коннотаций в максимально полной мере. О.А. Корнилов высказывает по этому поводу следующее предложение: «Представляется возможным все слова, имеющие коннотативные «со-значения», разделить на три группы по степени очевидности и объективной обоснованности коннотаций:

1. Слова, имеющие очевидно мотивированные коннотации.
2. Слова, имеющие неясно мотивированные или немотивированные коннотации.
3. Слова, имеющие коннотации, мотивированность которых проясняется только при условии знания реалий национального культурного контекста» [Корнилов 2003: 236].

Данную классификацию можно принять за условную основу для деления типов содержащих коннотации имён собственных. Коннотативные онимы в тексте могут принадлежать к каждой из трёх групп, при этом в соответствии с материалом исследования значительную долю составляет третья группа. Таким образом, можно выявить преобладающие способы передачи имён в рассмотренных переводах. Для воспроизведения имён, обладающих прозрачной внутренней формой (по классификации О.А. Корнилова – группа 1), применяется

преимущественно калька (Нижний Город – польск. *Dolne Miasto*, чеш. *Dolné Město*, словацк. *Dolné Mesto*, серб. *Доњи град*; Крысобой – серб. *Пацоловац*, макед. *Ставорцоубиец*, словацк. *Potkanobijca*, чеш. *Krysobijce / Krysolov*). Для передачи имён, имеющих неясную внутреннюю форму или немотивированные коннотации (по классификации О.А. Корнилова – группа 2), важна передача фоносемантической составляющей за счёт воспроизведения фонетического облика, что достигается за счёт транскрипции (Лапшённикова – польск. *Łapszennikowa*, словацк. *Lapšennikovová*, серб. и макед. *Лапшеникова*; Жукопов – чеш. и словацк. *Žukopov*, серб. *Жукопов*). Но наиболее важна возможность смысловой передачи для имён, отнесённых О.А. Корниловым в группу 3, то есть интерпретация и последующая передача основных, ключевых ассоциаций имени посредством его полного или частичного семантического перевода.

§ 3. Достижение эквивалентности путём калькирования онимов

3.1. Калькирование онимов с низкой степенью образности

Калькирование имён собственных, или их перевод на морфемном уровне [Полякова 2007: 163], – относительно распространённый (в переводах на чешский и словацкий языки – до 20-25% онимов в тексте) приём передачи элементов ономастической системы литературного произведения, который, однако, является ограниченным в применении. Переводятся прежде всего те типы онимов, которые находятся на периферии категории имён собственных: названия литературных, музыкальных произведений, объединений, организаций и т.д.:

оригинал	польский	чешский	словацкий	сербский
«Саардамский плотник»	<i>Cieśla z Saardamu</i>	“ <i>Zaandamský tesař</i> ”	<i>Saardamský tesár</i>	«Саардамски дрводеља»
опера «Ночь под Рождество»	<i>opera Noc wigilijna</i>	<i>opera “Štědrovečerní noc”</i>	<i>opera Štedrovečerná noc</i>	опера «Ноћ пред Божић»
театр «Лиловый негр»	<i>Liliowy Negr</i>	<i>divadlo “Fialový negr”</i>	<i>divadlo “Fialový černoch”</i>	позориште «Љубичаста црнац»
бронепоезд «Пролетарий»	<i>pociąg pancerny “Proletariusz”</i>	<i>obrněný vlak “Proletař”</i>	<i>pancierový vlak Proletár</i>	оклопни воз «Пролетер»
«Наша марка»	“ <i>Nasza marka</i> ”	<i>Domovina</i> (Л. Дворжак)	<i>Naša značka</i>	«Наша марка»
«Славное море»	<i>Morze przestawne</i>	<i>Bajkale svatý</i> (Л. Дворжак)	<i>Slávne je more</i>	«Славно море»

Путём калькирования передаются в переводе топонимы, как правило, функционирующие и за пределами текста художественного произведения и обладающие относительно слабой образностью, – те, которые в большинстве европейских языков существуют в виде калек, без затемнения исконного значения. Так, в переводах романов М.А. Булгакова представлены кальки с отдельных топонимов с наиболее ясной этимологией:

оригинал	польский	чешский	словацкий	сербский
Красный Трактир	<i>Czerwona Karczma</i>	<i>Červená Hospoda</i>	<i>Červená krčma</i>	Црвена Крчма
Земляной вал	<i>Ziemiany Wal</i>	<i>Hliněný val</i>	<i>Hradby</i>	Земљани вал
Долина Дев	<i>Dolina Dziewic</i>	<i>Dívčí údolí</i>	<i>Údolie panien</i>	Долина девица
Нижний Город	<i>Dolne Miasto</i>	<i>Dolné Město</i>	<i>Dolné Mesto</i>	Доњи град
Греческая улица	<i>Grecka [ulica]</i>	<i>Řecká [ulice]</i>	<i>Grécka [ulica]</i>	Грчка улица
Чёртова кафедра	–	<i>Čertův stolec</i>	<i>čertov stolec</i>	Ђаволова катедра

Однако и среди подобных случаев встречаются неточные решения. Так, Л. Дворжак, восприняв другое значение слова *кафедра* (не ‘возвышение с креслом для епископа’, а ‘объединение специалистов какой-л. одной отрасли науки, ведущих преподавательскую и научную работу в высшей школе’ [БТС 2000: 423]) в русском языке, передаёт топоним *Чёртова кафедра* как *Ďáblova akademie*. Л. Дворжаком калькированы также значимые аббревиатуры: *Všelidolit* (МАССОЛИТ), *Spisodram* (Драмлит). Данный принцип «разъяснительного перевода» в целом характерен как своеобразная, но «здоровая традиция» [Молочковский 1963: 223] для воспроизведения иноязычных названий (преимущественно топонимов) в западнославянских языках.

3.2. Калькирование онимов с высокой степенью образности

Калька представляет собой иллюстрацию принципа отражения внутренней формы, реализация которого необходима для воспроизведения значимых онимов в переводе. Как особенность их построения в контексте художественного произведения рассматривается то, что кальки не должны значительно отклоняться от фонетических, словообразовательных, семантических особенностей оригинальных вариантов – в противном случае утрачивается местный колорит художественного произведения.

Из числа представленных в художественном тексте антропонимов переводятся с использованием кальки в первую очередь фамилии персонажей сатирических произведений, комические фамилии второстепенных и эпизодических персонажей [Vilíkovský 1984: 135]. Удачные случаи применения такого способа передачи имён являются большим преимуществом перевода; чем больше их в тексте, тем точнее переводчику удаётся воссоздать ассоциативные связи, присутствующие в тексте оригинала, или же по крайней мере создать их

аналогии – «чужое» сделать «своим» [Реформатский 1972: 312]. О том, насколько желательно калькирование как приём, позволяющий в значительной степени передать семантическое наполнение значимых имён собственных, свидетельствуют данные опросов среди читателей переводных произведений [Сычева 2011: 18].

Среди онимов в рассмотренных произведениях М.А. Булгакова калькированию подлежат преимущественно сатирические фамилии многочисленных второстепенных и эпизодических персонажей романа «Мастер и Маргарита»: практически все они наделены ярко выраженной стилистической функцией и несут специфическую смысловую нагрузку. В македонской, сербской и словацкой версиях калькирована сравнительно небольшая часть фамилий, встречающихся в тексте. В основном это те из них, которые обладают основами, созвучными соответствующим русским апеллятивам и идентичными им по происхождению [Россельс 1963: 170], то есть наиболее простые по структуре и наиболее легко поддающиеся переводу: макед. и серб. *Полумесец* (Полумесяц), *Слатки* (Сладкий), словацк. и чеш. *Bezdomovec* (Бездомный), *Polmesiacová* (Полумесяц), *Neznabohov* (Богохульский), *Bosý* (Босой), *Cholera-Anuška* (Чума-Аннушка). Фамилия *Ветчинкевич* переведена на словацкий как *Viršl'ovič* (*viršl'a* 'разновидность сосисок' [SSKS]). Фамилию *Сладкий* М. Такачова представляет в видоизменённом виде *Sladkin*, Л. Дворжак – как *Sladkov* (очевидно, в стремлении соответствовать словообразовательной модели русских фамилий), хотя чеш. и словацк. *sladký* 'сладкий' [SCZ; SSK] могло бы выступить как основа для фамилии, созданной по адъективному типу, распространённому в западнославянской антропонимии. Общность славянского лексического фона предоставляет значительные возможности для подобной смысловой передачи, в то время как в переводах романа «Мастер и Маргарита» на английский и немецкий

языки семантическое наполнение тех же фамилий не было передано даже отчасти [Лещинская 2012: 318].

Переводятся также прозвища и псевдоним, включающие в себя апеллятив:

оригинал	польский перевод	чешский перевод	словацкий перевод	сербский и македонский перевод
<i>Штурман Жорж</i>	<i>Bosman Žorž</i>	<i>Kormidelník Žorž</i>	<i>Kormidelník Žorž</i>	<i>Навигатор(от) Жорж</i>
<i>Чума- Аннушка</i>	<i>Annuszka- Gangrena</i>	<i>Anuška Morová rána (А.Моравкова) / Anniška Cholera (Л.Дворжак)</i>	<i>Cholera- Anuška</i>	<i>Чума(та)- Анушка</i>

(Переводчик на сербский язык прибегает к трансплантации прозвищного компонента *Чума*, поскольку лексема *чума*, при нормативном *куга*, воспринимаемая как турцизм, понятна сербскому читателю [РСЈ].) Характерно, что в македонском варианте слова, бытующие в языке как апеллятивы (*навигатор*, *чума*), в составе прозвища или псевдонима употребляются с постпозитивной частицей, свойственной для нарицательных имён. Постпозитивная частица употребляется и при существительном *majstor* ‘мастер’, которое, оставаясь в переводах нарицательным, всё же является антропонимом-символом [Белая 1990: 110] или расценивается как псевдоантропоним [Makarski 2003: 122].

Однако даже при калькировании, то есть максимально точном воспроизведении смысла антропонимов, некоторые каламбуры оказываются непереводаемыми; так, в переводе оказывается невозможным передать иронический подтекст следующей фразы:

оригинал	словацкий перевод (М. Такачова)	чешский перевод (Л. Дворжак)
<i>Говорит поэт Бездомный из сумасшедшего дома...</i>	<i>Kto volá? Básnik Bezdomovec z blázinca...</i>	<i>Tady básnik Bezdomovec, volám z blázince...</i>

Если в словацком, сербском и македонском переводах романа «Мастер и Маргарита» калькирование значащих фамилий и прозвищ является скорее удачным исключением, то в чешских – закономерностью. А. Моравкова и Л. Дворжак выступают как непревзойдённые мастера перевода фамилий. Некоторые имена собственные в переводе оказываются наделены более ясной внутренней формой, нежели в оригинальном варианте: комическая фамилия *Шпичкин*, транскрибированная А. Моравковой и М. Такачовой (*Špičkin*), обретает в чешском и словацком текстах более ясную этимологию, чем в русском (чеш., словацк. *špička* ‘острие’, ‘пик’, ‘верхушка’ [SCZ; SSK]). Не вполне этимологически ясная для русского читателя фамилия *Жукопов*, в которой присутствует скорее созвучие, нежели очевидное родство с апеллятивом «жук», в переводе А. Моравковой выглядит как *Broukopiceňko* – фамилия с ясной этимологией: от *brouk* ‘жук’ и *píce* ‘корм’ [SCZ], с добавлением характерного для восточнославянских фамилий форманта *-enk(o)* (тем самым сохраняется национальный колорит имени). Тот же формант использован и в фамилии *Skvrněňko* (аналогично у Л. Дворжака: *Skvrněňko*) – кальке с оригинального *Пятнашко* (*skvrna* ‘пятно’ [SCZ]); впрочем, фамилия *Пятнашко* явно рассчитана и на комическую ассоциацию с названием игры «пятнашки», а не только со словами «пятно», «пятнать».

Онимы, переданные при помощи смыслового перевода – как правило, это вымышленные автором личные имена с высокой степенью образности, – могут опираться скорее на ассоциации с образом персонажа и звуковой стороной оригинального варианта, нежели на точное лексическое значение основы. В переводе, выполненном А. Моравковой, фамилия *Поприхин* выглядит как *Poskokin* (*poskok* ‘прыжок’ [SCZ], в переносном значении ‘мальчик на побегушках’), очевидно, в силу созвучия с корнем *-прыг-*. Однако это не только не искажает, но и, напротив, комически заостряет характеристику эпизодического героя. Так же

ассоциативно переведены фамилии *Рюхин* – *Sviňkov* (*sviňě* ‘свинья’ [SCZ]), *Непременова* – *Semetriková* (*semetrika* ‘ведьма’ [SCZ]), *Буздяк* – *Skandalinová* (*skandál* ‘скандал’ [SCZ]; видимо, по ассоциации со словами *буза*, *бузить*). Л. Дворжак увидел в фамилии *Рюхин* ту же внутреннюю форму, что и А. Моравкова: *Prasečkin* < *prase* ‘свинья, поросёнок’ [SCZ]. М. Чолич воспроизводит фамилию *Поклёвкина* как *Поколевкина* – от *поколь* ‘резня, избиение’ [СХРС 1957: 638].

Фамилия *Луходеев* воспроизведена А. Моравковой как *Lotrov* (*lotr* ‘негодяй, мерзавец, подлец’ [SCZ]); ср. в том же тексте употребление этого слова в виде апеллятива:

оригинал	чешский перевод А. Моравковой
<i>И повесил трубку, подлец!</i>	<i>A zavěsil, lotr!</i>

Симметрию в данном случае удалось соблюсти и Л. Дворжаку, который передаёт фамилию *Луходеев* как *Mizerov* (*mizera* чеш. ‘мерзавец, негодяй’ [SCZ]):

оригинал	чешский перевод Л. Дворжака
<i>И повесил трубку, подлец!</i>	<i>A zavěsil, ten mizera!</i>

Фамилия и псевдоним Ивана Понырёва (Бездомного) воспроизведены А. Моравковой соответственно как *Potápka* и *Bezprizorný* (*potapka* ‘нырок, гагара’ [SCZ]; отмечается и отрицательная коннотация ‘стиляга’ [Гарбовский 2007: 477]; *bezprizorný* ‘беспризорный’ [SCZ]; ср. перевод псевдонима Ивана в версии Л. Дворжака – *Bezdomovec*, как и в словацком варианте).

Соотношение транскрибированных, т. е. несемантизированных (–), и калькированных или семантизированных иным образом (+) вариантов антропонимов с прозрачной внутренней формой в двух переводах романа «Мастер и Маргарита» на чешский язык представлено в следующей таблице (все словарные значения апеллятивов даны по [SCZ]):

оригинал	перевод А. Моравковой		перевод Л. Дворжака	
<i>Иван Николаевич Понырёв</i>	<i>Ivan Nikolajevič Potárka</i> (<i>potarka</i> ‘нырок, гагара’)	+	<i>Ivan Nikolajevič Ponorjov</i>	–
<i>Бездомный</i>	<i>Bezprizorný</i> (<i>bezprizorný</i> ‘беспризорный’)	+	<i>Bezdomovec</i> (<i>bezdomovec</i> ‘бездомный (сущ.)’)	+
<i>Подложная</i>	<i>Padělaná</i> (<i>padělaný</i> ‘подложный, фальшивый’)	+	<i>Podvržná</i> (<i>podvrh</i> ‘подлог’)	+
<i>Поклёвкина</i>	<i>Klovakinová</i> (<i>klovati</i> ‘клевать’)	+	<i>Navnadinová</i> (<i>vnada</i> ‘прелесть’)	+
<i>Бескудников</i>	<i>Beskudnikov</i>	–	<i>Beskudnikov / Bezeběsov</i>	–
<i>Настасья Лукинишна Непременова</i>	<i>Nastasja Lukinična Semetriková</i> (<i>semetrika</i> ‘ведьма’)	+	<i>Nastasja Lukinična Urputnovová</i> (<i>urputný</i> ‘упорный’)	+
<i>Загринов</i>	<i>Zalímcov</i> (<i>límc</i> ‘воротник’)	+	<i>Zagrívov</i>	–
<i>Иероним Поприхин</i>	<i>Poskokin</i> (<i>poskok</i> ‘прыжок’, пер. ‘мальчик на побегушках’)	+	<i>Jeroným Příštípkin</i> (<i>příštípek</i> ‘кожаная заплата’)	+
<i>Глухарёв</i>	<i>Hlušec</i> (<i>hlušec</i> ‘глухарь’)	+	<i>Hlucharev</i>	–
<i>Мстислав Лаврович</i>	<i>Mstislav Lavrovič</i>	–	<i>Mstislav Vavřínovič</i> (<i>vavřín</i> ‘лавр’)	+
<i>Тамара Полумесяц</i>	<i>Tamara Půlměsícova</i>	+	<i>Tamara Pololunová</i>	+
<i>Жукопов</i>	<i>Broukopícenko</i> (<i>brouk</i> ‘жук’, <i>píce</i> ‘корм’)	+	<i>Žukopov</i>	–
<i>Чердакчи</i>	<i>Čerdakči</i>	–	<i>Půdičkadze</i> (<i>půda</i> ‘чердак’)	+
<i>Семейкина-Галл</i>	<i>Semejkinová-Galová</i>	–	<i>Rodinkinová-Hallová</i> (<i>rodina</i> ‘семья’)	+
<i>Богохульский</i>	<i>Bogochulský</i>	–	<i>Bohofujskij</i>	+
<i>Адельфина Буздяк</i>	<i>Adelfína Skandalinová</i> (<i>skandál</i> ‘скандал’)	+	<i>Adelfína Mejdanová</i> (<i>mejdan</i> ‘гулянка, пьянка’)	+
<i>Рюхин</i>	<i>Sviňkov</i> (<i>svině</i> ‘свинья’)	+	<i>Prasečkin</i> (<i>prase</i> ‘свинья, поросёнок’)	+

<i>Лиходеев</i>	<i>Lotrov</i> (<i>lotr</i> 'негодяй, подлец')	+	<i>Mizerov</i> (<i>mizera</i> 'мерзавец, негодяй')	+
<i>Беломут</i>	<i>Bělomut</i>	-	<i>Bělotůň</i> (<i>tůň</i> 'омут, заводь')	+
<i>Никанор Иванович Босой</i>	<i>Nikanor Ivanovič Bosý</i>	+	<i>Nikanor Ivanovič Bosák</i>	+
<i>Савва Потапович Куролесов</i>	<i>Sava Potapovič Kurolesov</i>	-	<i>Rošťákin / Savva Potapovič Nezbedov</i> (<i>rošťák</i> 'озорник, баловник', <i>nezbedník</i> 'проказник')	++
<i>Латунский</i>	<i>Latunský</i>	-	<i>Mosazkin</i> (<i>mosaz</i> 'латунь')	+
<i>Лапшённикова</i>	<i>Nudlovová</i> (<i>nudle</i> 'лапша')	+	<i>Nudlinkinová</i> (<i>nudle</i> 'лапша')	+
<i>Ида Геркулановна Ворс</i>	<i>Ida Herkulanovna Vorsová</i>	-	<i>Ida Herkulanovna Chlupová</i> (<i>chlup</i> 'волос')	+
<i>Канавкин</i>	<i>Kanavkin</i>	-	<i>Kanalkin</i> (<i>kanál</i> 'канал')	+
<i>Василий Степанович Ласточкин</i>	<i>Vasilij Stěpanovič Lastočkin</i>	-	<i>Vasilij Stěpanovič Vlačtovkin</i> (<i>vlačtovka</i> 'ласточка')	+
<i>Пятнашко</i>	<i>Skvrněnko</i> (<i>skvrna</i> 'пятно')	+	<i>Skvrnčenko</i> (<i>skvrna</i> 'пятно')	+
<i>Андрей Фокич Соков</i>	<i>Andrej Fokič Šťávin</i> (<i>šťáva</i> 'сок')	+	<i>Andrej Fokič Moštov</i> (<i>mošt</i> 'морс, сок')	+
<i>Петраков- Суховей</i>	<i>Petrakov-Suchověj</i>	-	<i>Petrarkov-Suchopár</i> (<i>suchý</i> 'сухой', <i>pára</i> 'пар')	-
<i>Китайцев</i>	<i>Číňanov</i> (<i>Číňan</i> 'китаец')	+	<i>Kitajcev</i>	-
<i>Ветчинкевич</i>	<i>Vuřtovič</i> (<i>vuřt</i> 'сарделька')	+	<i>Většinič</i> (<i>větší</i> 'большой')	+

Версия перевода, представленная Л. Дворжаком, в целом содержит больше случаев калькирования, однако в ней, в отличие от перевода А. Моравковой, транскрибированы фамилии *Hlucharev*, *Žukorov* и даже фамилия с максимально прозрачной внутренней формой *Kitajcev*.

При воспроизведении антропонима со значимой внутренней формой к нему может быть прибавлен экспрессивный формант: фамилия *Босой* в переводе Л. Дворжака передана как *Bosák* (у А. Моравковой *Bosý*), *Коровьев – Kravinkin*: в последнем случае передана и внутренняя форма, и, за счёт добавления дополнительного форманта, искусственность фамилии. Однако в большинстве случаев сохранение предполагаемой словообразовательной модели онима с его оригинальным формантом при калькировании семантически прозрачной (как правило, корневой) части онима расценивается как предпочтительный приём [Vilíkovský 1984: 137].

Даже замена одной буквы способна наделять оним новой внутренней формой, более яркой: в переводе того же романа, выполненном Л. Дворжаком, *Канавкин* назван *Kanalkin* (чеш. kanál ‘канал’ [SCZ]), *Петраков-Суховей – Petrarkov-Suchopár* (вместо предполагаемого *Petrakov*), что подразумевает пародийное сравнение литератора-посредственности с гениальным Франческо Петраркой.

Во всех без исключения вариантах перевода практически буквально передано прозвище *Крысобо́й*: макед. *Ставорцоубиец*, словацк. *Potkanobijca*, чеш. *Krysobijce*, а также серб. *Пацоловац*; в переводе Л. Дворжака представлена аналогичная версия *Krysolov*, встретившая большое недовольство чешских читателей: «Libor Dvořák není bulgakolov, ale bulgakobijec!»¹. Общность ряда особенностей словообразовательной системы славянских языков позволяет сохранить модель построения онима, а с ней и звучность; для сравнения, в переводе на грузинский язык то же прозвище *Крысобо́й* передано в виде развёрнутого словосочетания – буквально «уничтожитель мышей» или «одолевший крыс», что оценивается исследователями отрицательно [Бобохидзе,

---

¹ Diskuse: Michail Bulgakov. Mistr a Markétka // Literatura: O literatuře v celém světě a doma [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iliteratura.cz/clanek.asp?polozkaID=16755>.

Сагинадзе 2012: 727]. Более вольный вариант перевода того же онима представлен в польском переводе И. Левандовской, В. Домбровского: *Marek, (zваны także) Szczurcza Śmierć* (ср. с тем же корнем укр. *Марк Щуролуп*). Вариант *Крысобой-Великан* также калькируется: макед. *Ставорцоубиецом-Цинот* – постпозитивная частица прибавлена к обоим компонентам прозвища; чеш. *Obr Krysobijce* и словацк. *obor Potkanobijca* – сочетание имени собственного с апеллятивным приложением (впрочем, само имя собственное здесь соответствует продуктивной модели принимающих языков: ср. словацк. разг. *medved'obijca* ‘охотник на медведей’, *mačkobijca* ‘гроза кошек’ и т.д.). Заметим, что значение ‘крыса’ в славянских языках выражается в различных корнях: польск. *szczur*, чеш. *krysa* (из русского), словацк. *potkan*, серб. *пацов*, макед. *ставорец*, а также болг. *плъх* и родственное сербскому укр. *пацюк* [Черных 2004, т. I: 448]. Распространённое животное, название которого должно было быть схожим внутри одной языковой семьи, в разных случаях называлось в соответствии со своими различными признаками.

В большинстве переводов переведён и зооним *Тузбубен*: серб. *Кец-Каро*, более соответствующая форме точная калька польск. *Askaro*, а также чеш. *Trumf* ‘козырь’ [SCZ] в переводе А. Моравковой и *Žolík* ‘джокер’ [SCZ] в переводе Л. Дворжака; словацк. *Adut* ‘козырь’ [SSK]; Т. Урошевич сохраняет транскрипцию *Тузбубен*, несмотря на видимую лёгкость эквивалентного перевода. Однако даже в случаях удачного воспроизведения имени во многих случаях независимо от воли переводчика происходит утрата ряда культурных ассоциаций. Так, применительно к зоониму *Тузбубен* можно предположить, что читатель не знает ни о собаке-ищейке по кличке Треф, которая в своё время использовалась для розыска В.И. Ульянова-Ленина [Соколов 2008: 36], ни о бубновом тузе как отличительном знаке на одежде каторжников в дореволюционной России, и в этом случае кличка *Тузбубен*, *Козырь* или *Джокер* воспринимается им как выбранная произвольно и,

вероятнее всего, комическая. Подобное сокращение ассоциативного ряда при прочтении произведения в ином культурном контексте, очевидно, оказывается неизбежным. Более того, под сомнение может быть поставлена сама необходимость передавать все без исключения скрытые исторические и этимологические детали текста подлинника [Сипко 1999: 46]: как правило, их без дополнительных пояснений не распознают и читатели оригинала, и указанный ассоциативный ряд отсутствует и у большей части русских реципиентов.

Переведена может быть отонимная составляющая наименования реалии: *георгиевская лента* в словацком переводе романа «Белая гвардия» передана И. Изаковичем как *Jurajová stužka* или *stuha (z Kríža) svätého Juraja*:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<i>Георгиевские потёртые ленты свешивались с тусклой медной трубы.</i>	<i>Vyblednuté Jurajove stuhy viseli z matnej medenej trúby.</i>
<i><...> и жаль, что крестов теперь не дают, а то непременно с крестом на груди и георгиевской лентой.</i>	<i>Škoda, že už neudelujú kríže, inak by mal určite na hrudi kríž s Jurajovou stužkou.</i>
<i><...> и, главное, Най – с аришном пёстрой георгиевской ленты, собственноручно Николкой уложенной под рубаху на холодную его вязкую грудь.</i>	<i><...> a čo bolo hlavné, Nikolka mu vlastnoručne položil pod košeľu na studenú, lepkavú hrud' farebnú stuhu z Kríža svätého Juraja.</i>

Между тем производное от этого названия и зачастую смешиваемое с ним в русском речевом обиходе обозначение современного символа воинской славы *георгиевская ленточка* в словацком языке частично транскрибируется и звучит как *georgievská stužka*, что позволяет разграничить две различные реалии: «Čierno-oranžové stužky <...> sa stali symbolom pamiatky o víťazstve vo Veľkej vlasteneckej vojne a sú aj znakom úcty veteránom, ktorí svet oslobodili od fašizmu»¹.

---

¹ Štartuje «Georgievská stužka – 2010» [Электронный ресурс] // Slovensko-ruská spoločnosť. – Режим доступа: http://www.srspol.sk/politika/politika/tartuje_8222georgievsk_stuka_-_20108220.

Несмотря на удачное применение приёма калькирования западнославянскими, преимущественно чешскими переводчиками, не все антропонимы, включённые в текст, оказываются понятными для читателя. Ни в одном из переводов не калькированы, а лишь транскрибированы такие из говорящих фамилий, как безаффиксные, по форме совпадающие с русскими апеллятивами *Varenuha / Varenucha, Mogařuč / Mogařuč* и прочие, происхождение которых для русского читателя очевидно. Лишены авторских коннотаций в переводе оказываются антропонимы с ассоциативным значением, такие, как *Курпатый* – прозвище, буквально означающее ‘курносый’ и соотносимое с распространённым эвфемизмом смерти [Яблоков 2001: 325].

Калькированы по преимуществу комические фамилии второстепенных и эпизодических персонажей, что не случайно: «чем выше степень художественной выразительности и типизации персонажа <...>, тем проблематичнее перевод и целесообразнее транскрипция данного имени» [Виноградов 2001: 176]. Малочисленность случаев, в которых произведено калькирование, в частности, в македонском и сербском переводах, не позволяет однозначно говорить о преимуществе такого способа передачи онима.

Между тем авторский подтекст и экспрессия чаще бывают вложены не столько в легко переводимые прозвища и фамилии, сколько в специфические национальные формы фамилий и личных имён. Их культурный и социальный смысл, воспринимаемый читателем оригинала на подсознательном уровне, вряд ли будет понят иноязычным читателем. Т.Г. Тодоров пишет: «Если при переводе художественного произведения можно в большей или меньшей степени добиться адекватной передачи национально окрашенных антропонимов, то передача их социальной маркировки почти невозможна. Социальная информация, содержащаяся в имени собственном, закодирована в нём имплицитно. Её может выявить только человек, знакомый с русской действительностью, имеющий

необходимый запас фоновых знаний» [Тодоров 1995: 86]. Действительно, для иностранцев, даже принадлежащим к родственному по отношению к русским народу, имена *Нюра, Дуся, Груня, Боба* (*Ñura, Dusia, Gruña, Boba*) будут экзотическими, и только. Точно так же и смысл упоминания топонимов *Соловки, Божедомка, Лианозово* не может быть вполне понятен без определённых фоновых знаний. В свою очередь, для русского читателя будет таким же недоступным аналогичное ассоциативное наполнение онимов даже в близкородственных языках. Суть переводческой проблемы сводится к восстановлению там, где это возможно, «фона, того остающегося за текстом факта, ассоциативная связь с которыми придаёт дополнительную художественную окраску» имени [Виноградов 2001: 179]. Поэтому весьма необходимым представляется включение в текст системы тщательно продуманных подстрочных пояснений, а в отдельных случаях – использование других способов создания смысловой эквивалентности.

Однако в тех случаях, когда имена собственные в литературном произведении наделены прозрачной внутренней формой, значение которой существенно для восприятия художественного образа, удачные случаи создания переводчиком кальки с такого имени являются большим преимуществом перевода; чем больше таких примеров в тексте, тем точнее переводчику удастся воссоздать ассоциативные связи, присутствующие в тексте оригинала, или же по крайней мере создать их аналоги. Важно, что исследователи говорят о «невозможности одновременного сохранения назывного и предметно-логического значений слов разносистемных языков», однако делают оговорку относительно языков, которые исторически развились из одного корня и имеют тождественную этимологию [Автеньева, Бакастова 1988: 166]. Таким образом, при смысловом переводе онимов на близкородственные языки опасность расхождения семантики и / или национального колорита сравнительно ниже, чем в прочих случаях,

благодаря сходству фонетического, отчасти словообразовательного строя и некоторой, хотя и относительной, общности культурных ассоциаций.

При этом помимо естественных требований благозвучия, которые предъявляются не только к славяно-славянскому переводу, а являются общим требованием [Находкина 2008; Енчева 2004], от переводческих вариантов представления имени собственного требуется и соблюдение фонетической близости к оригиналу, что применительно к близкородственным языкам является естественным и обычно выполнимым требованием. Воспроизведённые в переводе имена собственные важны как явления фоносемантики, проявляющие себя в сфере ассоциаций читателя: «звуковая оболочка имени способна стать большим источником представления о персонаже текста, нежели происхождение имени, в особенности если при переводе проследить последнее оказывается затруднительным» [Белова 2004: 56]. Следовательно, при передаче имени собственного в тексте перевода необходимо учитывать фоносемантическое значение данного имени в принимающем языке [Мико 1988: 128; Белова 2004: 58; Полякова 2007: 156]. Это представляется возможным не столько в предлагаемом исследователями экспериментальном порядке, сколько посредством анализа существующей ономастической традиции и общего лексического и ономастического фона данного языка и культуры. (Подробнее о фонетике имени собственного и критериях его благозвучия в славянском контексте см. [Sabot 1980]). Как правило, «слова, словосочетания и даже отдельные звуки или буквы связаны в сознании носителей языка не только с определёнными значениями, но и с определёнными ассоциациями, и передать их в переводе, по-видимому, вообще невозможно» [Мирам 1999: 64]. Звуковые черты имени симптоматичны для конкретного общества, в тексте они выполняют ряд эстетических функций (выстраивание поля коннотаций, созвучий, ритмической структуры) и вследствие этого по большому счёту непередадимы. Уже поэтому литературный перевод

представляет собой «эстетически новое произведение» [Valenhrach-Schaefer 1991: 101] – что в очередной раз подтверждает мысль о невозможности создания художественного перевода, который бы не только отличался адекватностью в целом, но и был точным на всех уровнях текста.

§ 4. Эквивалентная замена ономастических реалий

В ряде случаев при переводе ономастических реалий, представляющих сложность для восприятия читателем, применяется их эквивалентная замена другой реалией или родо-видовая замена – как правило, чаще замена видового именованья родовым, то есть генерализующая. Цель такой замены состоит прежде всего в обеспечении адекватного читательского восприятия реалии: переводчик обязан доносить до читателя образы и ассоциации, которые предполагает текст оригинала. При этом важным критерием успешной замены в практике современного перевода является то, что она не должна вести к локализации.

В качестве общего обозначения описательного именованья, замены реалии и прочих аналогичных способов представления реалии в настоящее время исследователями принят термин «реноминация» [Фененко 2009; Зырянова 2011; Булгакова 2012]. Приоритетным в случае реноминации является сохранение авторского стиля, содержательной и прежде всего ассоциативной стороны образа. Так, О.Г. Абрамова приводит примеры подобных удачно выполненных замен в шведских переводах поэм В.В. Маяковского (*генерал Галон* вместо *генерала Галифе* или *Чингиз-хан* вместо *Мама*), предназначенных способствовать «сохранению «нерва» произведения, передаче общего впечатления от оригинала, чтобы текст, насколько это возможно, звучал «по-маяковски» [Абрамова 2011: 77]. Переводчик заменяет художественный образ в целом, чтобы сохранить релевантные составляющие этого образа в частности. При этом эквивалентность

перевода подчинена адекватности: замена образа происходит в связи с прагматической установкой на получателя [Тыртова 2012: 253]. Среди основных причин такой замены выделяются как следование общему принципу узнаваемости знака [Сальмон 2006: 116], так и стремление избежать нежелательных дополнительных ассоциаций с оригинальным вариантом при его сохранении, то есть потенциальных семантических приращений.

4.1. Собственно замена ономастической реалии

Замена реалии (субституция, трансформация), отчасти лишая текст национального колорита, одновременно служит к облегчению понимания произведения, что происходит «за счёт динамизации специфики принимающей культуры» [Владова 2001: 274]. Вместе с тем всякая лексическая замена в переводе обычно ведёт к обеднению смысла. При этом, с другой стороны, имена собственные подлинника могут быть безусловно сохранены в переводе только при условии, что они известны и в принимающей культуре [Legeżyńska 1986: 193].

Причины замены реалий в рассмотренных текстах сводятся к тому, что смысл оригинальных вариантов был бы непонятен иноязычному читателю и вызвал бы потребность в развёрнутых комментариях. Такие случаи хорошо известны в переводоведении [Влахов, Флорин 1980]. Зачастую «эквивалентными в оригинале и переводе оказываются описания совершенно различных ситуаций. Подобная замена ситуации при переводе может быть обусловлена различными причинами. Она может быть связана с различиями культуры и жизненного опыта ИР (носителя языка источника) и ПР (носителя языка перевода)» [Комиссаров 1973: 62]. Полное или частичное изменение описываемой ситуации может затрагивать и отдельные её элементы, среди которых и ономастические единицы подлинника, употреблённые в их образном значении.

Существенные для полноценного восприятия образной системы текста коннотации имени собственного определяются историей принимающего языка, его лингвокультурным окружением с учётом исторического влияния. В связи этим возникает необходимость в специальном интерпретирующем подходе к переводу: «При переводе текста следует учитывать не только объективные коннотации, общую систему пресуппозиций, но также субъективное умение интерпретировать текст и извлекать из него определённые импликации» [Лагоденко 2009: 52]. В ряде случаев замена называемой ономастической реалии оценивается как успешный ход, поскольку она представляет решение приоритетной задачи перевода литературного произведения, связанной с сохранением у читателя соответствующих ассоциаций (узнаваемость знака).

Переводчик обязан принимать во внимание национальную специфику значения имени прежде всего при передаче топонимов: уже в соответствии со своим прямым значением они обладают определённой территориальной, а следовательно, и национальной отнесённостью, которая вследствие этого в них выражена ярче, чем в антропонимах, – не только на уровне фонетики и коннотации, но и непосредственно на уровне денотата. Таким образом, эквивалентность топонимов на ассоциативном уровне даже в близкородственных языках не означает их фактического соответствия, притом что без него в тексте может быть утрачена часть национального колорита подлинника. С другой стороны, денотативная эквивалентность топонимов, значительная часть которых, будучи общеупотребительными географическими названиями, подвержена стандартизации, не означает их эквивалентности на ассоциативном уровне. Между тем существенными в пространстве художественного текста и соответственно важными для сохранения в переводе являются обе эти составляющие.

В настоящее время важным требованием к художественному переводу является принцип, согласно которому при замене (субституции) ономастической

реалии вводимый в текст перевода оним должен принадлежать той же культуре (топонимы – тому же географическому пространству), что и заменяемый. В отличие от подвергавшихся критике в XIX-первой половине XX века, современные переводческие школы в большинстве своём избегают подобной практики. Так, М. Такачова в переводе романа «Мастер и Маргарита» заменяет в одной из реплик топоним *Соловки* на *Sibír* с тем же ассоциативным значением ‘место ссылки’, поскольку скорее именно это название будет соответственно осмыслено западнославянским читателем:

оригинал

словацкий перевод (М. Такачова)

Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!

Toho Kanta by za takéto dôkazy mali na jedno tri roky vyšupovať na Sibír!

Более того, даже слова «ты сослан» переведены М. Такачовой как *poslali ťa na Sibír*:

Если ты сослан, то почему же ты не даёшь знать о себе?

Ak ťa poslali na Sibír, prečo nedáš o sebe vedieť?

Значит, ты был сослан и умер.

Ostáva tretia možnosť – poslali ťa na Sibír a zahynul si tam.

Такая же замена осуществлена А. Моравковой при переводе романа на чешский язык, в то время как в польском переводе, выполненном И. Левандовской и В. Домбровским, слова Маргариты о ссылке полностью опущены, а название *Соловки* в реплике Бездомного ничем не заменено. Между тем известно, что для польского читателя аналогичное значение ‘место ссылки’ имеют другие русские топонимы: *Sibir / Sybir, Katyń, Kozielsk, Starobielsk, Ostaszków, Paliszczew Bor*; общими в этом значении в русском и польском языках являются топонимы *Kołyта, Łubianka* [Тихомирова 2011: 249].

Топонимы *Сибирь* и *Соловки* одинаково определяются как узуальные интралингвальные коннотативные топонимы с широкой известностью [Отин 2004: 310, 320]. Однако приведённые примеры показывают, что в точном смысле слова

интралингвальным является топоним *Соловки*, в то время как коннотативные свойства топонима *Сибирь* действуют не только в русском языке и культуре, но и в близкородственных. Аналогично – с общими коннотациями в близкородственных языках – воспринимается узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией *Пилат* [Отин 2004: 279], который в западно- и южнославянской языковой традиции вследствие общности культурного пространства христианских народов, несомненно, представлен (ср. словацк. фразеологизм *od Pontia k Pilátovi*, семантически эквивалентный рус. *из огня да в полымя* [Рипка 2003: 240]; серб. *као Понтије Пилат у Симболу вере* ‘неуместный’, *ићи од Понтија до Пилата* ‘скитаться, обивать пороги’ [РСЈ]). Следовательно, различие между интра- и интерлингвальностью может быть рассмотрено не как дихотомия, а как градация, что может служить доказательством необходимости специального подхода к славянской коннотативной зоне. (Данная градация может быть продолжена: ср. топоним *Голгофа* ‘место страданий, мучений, казней’, определённый как узуальный интерлингвальный коннотативный топоним [Отин 2004: 117], и вопрос его известности и релевантности в культурах Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии).

Характерно, что ни один из случаев замены ономастических реалий в рассмотренных текстах не представляет собой примера подмены именованной русской ономастической реалии именованной реалией чуждой, в частности инославянской. Так, антропонимы *Панаев* и *Скабичевский* в переводе заменены М. Такачовой на *Onegin* и *Oblomov* ‘имеющие отношение к классической литературе’. В обоих случаях вводимые в текст ономастические единицы, как и заменяемые, ассоциативно относятся к России, вследствие чего замена ономастических реалий позволяет сохранить национальный колорит оригинала:

оригинал

– Как ваша фамилия?

– Панаев, – вежливо ответил тот. Гражданка записала эту фамилию и подняла вопросительный взор на Бегемота.

– Скабичевский, – пропихнул тот, почему-то указывая на свой примус.

Коровьев против фамилии «Панаев» написал «Скабичевский», а Бегемот против Скабичевского написал «Панаев».

Очевидно, здесь подобный ход сделан по причине того, что, как предполагается, имена героев русской классики знакомы словакам настолько, насколько русскому читателю известны имена упоминаемых М.А. Булгаковым в юмористическом контексте литературных критиков. Таким образом, за счёт построения аналогии переводчик рассчитывает компенсировать различие в фоновых знаниях [Игнатович 2011: 3]. Однако в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что данные пары фамилий оказались в неравном положении: если *Онегина* и *Обломова* знают во всей Европе, в том числе и в Словакии, то имена *Панаева* и тем более *Скабичевского* сейчас незнакомы подавляющему большинству русских читателей.

Eugen Onegin в предшествующих главах «Мастера и Маргариты» уже упоминается в названии романа в стихах и одноимённой оперы, поэтому *Onegin* вместо *Панаев* фактически дублирует это имя. Однако данный повтор представляется оправданным: составляющие удачно найденной пары *Onegin* – *Oblomov* созвучны и обладают определённой общностью культурного значения, отсылая читателя к атмосфере русской литературной классики (так же, как *Панаев* и *Скабичевский* оригинала). Аналогичная по ассоциативному наполнению замена, вносящая в текст также и дополнительный комический момент, проведена в

словацкий перевод (М. Такачова)

– *Vaše meno, prosím?*

– *Oblomov, – odpovedal Koroviov zdvorilo. Občianka zapísala meno a zdvihla spýtavý pohľad na Mosúra.*

– *Onegin, – zapištal Mosúr a prečo, prečo nie ukázal na svoj varič.*

Koroviov k menu Oblomov napísal Onegin a Mosúr k Oneginovi pridal Oblomov.

переводе, выполненном А. Моравковой. Вместо пары *Панаев – Скабичевский* в данном эпизоде романа появляется разделённая на два отдельных онима фамилия *Салтыков-Щедрин*:

оригинал

Коровьев против фамилии «Панаев» написал «Скабичевский», а Бегемот против Скабичевского написал «Панаев».

чешский перевод (А. Моравкова)

Korovyjev napsal do okénka „Saltykov” – „Ščedrin” a Kňour ke „Ščedrinovi” přičinil „Saltykov”.

В соответствии с реалиями страны, на язык которой осуществляется перевод, заменено также обозначение марки фортепиано: *беккеровский инструмент* – чеш. и словацк. *krátke křídlo / nástroj značky Bechstein* (марки Bechstein), а не предполагаемый *Becker (по имени основателя фортепианной мастерской, впоследствии фабрики Я. Беккера – нем. *Jacob Becker*).

Курьёзный случай, связанный с заменой онима, содержится в чешском переводе романа «Мастер и Маргарита»:

оригинал

– *Но ведь надо же что-нибудь описывать?* – говорил Воланд. – *Если вы исчерпали этого прокуратора, ну, начните изображать хотя бы этого Алоизия.*

Мастер улыбнулся.

– *Этого Лапшённикова не напечатает, да кроме того, это и неинтересно.*

чешский перевод (А. Моравкова)

«Mnoho věcí zasluhuje, aby se o nich psalo, nemyslíte?» naléhal Woland. «Jestliže jste vyčerpali pilátovské téma, pusťte se třeba do Aloise...» Mistr se usmál.

«Toho Blátošlapa by mi stejně neotiskli a pak, není natolik zajímavý.»

Фамилия *Лапшённикова*, до этого уже встречавшаяся в тексте, здесь заменяется окказиональным комическим онимом *Blátošlap* (*bláto* ‘грязь’, ‘слякоть’, *šlapat* ‘топтать’ [SCZ]). Вероятно, на решение переводчицы повлияло сходство формы именительного падежа женской фамилии с формой винительного падежа мужской фамилии в соседстве с омонимичной формой указательного местоимения (*этого Алоизия – этого Лапшённикова...*). Данный случай мнимого

согласования спровоцировал курьёзное изменение содержания реплики героя: вместо Лапшённиковой главным в словах мастера оказывается Алоизий Могарыч, которому при этом даётся окказиональное «говорящее» прозвище – дополнительная характеристика.

Замена онима в переводе может быть вызвана стремлением избежать нежелательных семантических сближений. Так, топоним *Пост* (усечённое от *Пост-Волынский*) передан И. Левандовской, В. Домбровским в польском переводе как *Rozjazd* ‘стрелочный перевод’, ‘стрелка’ [WSPR 1967: 905; SPR 1975: 532], ‘полустанок’ [ПРС 1949: 432] – очевидно, во избежание омонимии с польск. *post* ‘пост, воздержание от пищи’ [SPR 1975: 757; MSP 1968: 609]. В прочих переводах сохранена форма *Post* без указания на возможное ассоциативное значение, связанное с межъязыковой омонимией, характерной для данного случая во славянских языках. Рассмотренный пример выявляет одну из существующих проблем лексикографии: словари не предлагают разъяснительного толкования для разграничения омонимов при переводе, ограничиваясь односложным синонимическим толкованием «пост – post», вследствие чего на основании словарных данных совпадение или различие значений омонимов установить невозможно.

Как вариант замены ономастической реалии выступает стилистическая замена онима, которая позволяет переводчику конкретизировать его значение в тексте, определённым образом эксплицировать авторскую позицию, результаты интерпретации текста (показательно соотношение вариантов *Украина* и *Малороссия* в оригинальном тексте и переводах романа «Белая гвардия»). Эти возможности принято связывать с реинтерпретацией: ср. случаи представления топонима *Россия* в переводе как *Sowiety* [Legeżyńska 1986: 115].

Киевская *Лысая Гора* как топоним, знаковый как для народной русской и украинской культуры, так и для творчества М.А. Булгакова, упоминается

писателем в романе «Белая гвардия» одновременно как употребительное народное название Печерских высот и как отсылка к мифологической Лысой горе – в восточнославянской мифологии месту обитания ведьм (ср. фрагмент одного из вариантов финала романа: *вся нечистая сила растаяла, унеслась, свилась в клубок за Лысой горой и более не вернётся* [Соколов 2008: 104]). В то же время с этим названием перекликается и название горы *Лысый Череп / Лысая Гора* (одновременно отсылка к евангельской *Голгофе* – из арамейского *golgōltā* ‘череп’ [БТС 2000: 214]) в романе «Мастер и Маргарита». Тем самым М.А. Булгаков как бы отождествляет Голгофу с горой под Киевом, на которой, по народным преданиям, «ведьмы шабаш справляют» [Лесскис 1999: 291]. Передача названия *Лысый Череп* в переводе как *Голгота* правомерна в романе «Мастер и Маргарита», хотя и лишает ершалаимские главы их намеренной отстранённости от евангельского текста и приближает их к его художественному пересказу. Однако при переводе романа «Белая гвардия» такая замена, явно эксплицируя в тексте новый дополнительный смысл, нарушает местный колорит и локальную отнесённость повествования:

оригинал

Вскоре узнали, откуда пришёл звук. Он явился с Лысой Горы за Городом, над самым Днепром, где помещались гигантские склады снарядов и пороху. На Лысой Горе произошёл взрыв.

сербский перевод (М. Чолич)

Ускоро се сазнало одакле је дошао звук. Он је дошао са Голготе ван Града, над самим Дњепром, где су налазили велики магацини граната и барута. На Голготи је дошло до експлозије.

(в других рассматриваемых переводах топоним *Лысая Гора* в этом контексте передан с использованием кальки: чеш. и словацк. *Lysá hora*; польск. *Łysa Góra*, при наличии в польском лингвокультурном пространстве такого топонима с аналогичным мифологическим значением [EPWN]). Топоним *Голгота* в сербском языке, как и на всём славянском культурном пространстве, имеет переносный смысл ‘время страдания, мучений, казни’ (показательно, что переносное значение

подразумевает не место, а время) и систематически употребляется в этом значении как апеллятив – ср., например, принятые у сербов названия исторических событий *Албанска голгота* (события отступления 1915-1916 гг.), *Јасеновачка голгота* (геноцид сербов в лагере Ясеновац в годы Второй мировой войны), характерный контекст: «Своју голготу и најтеже решење Београд је доживео 6. априла 1941. године када је по Хитлеровој директиви бомбардовањем срањен са земљом»¹. Однако название *Голгота* в том виде, в котором его включает в текст М. Чолич – как топоним, с заглавной буквы, – не исключает его из евангельского контекста. Теряет свою местную специфику в сербском переводе «Белой гвардии» и типично киевский топоним *Подол*, которому М. Чолич даёт этимологически точный эквивалент *Доњи Град* (букв. «Нижний Город»), что также сближает его скорее с пространством ершалаимских глав романа «Мастер и Маргарита» (ср. *В крепости также гость пробыл очень недолго, а затем след его обнаружился в Нижнем Городе, в кривых его и путаных улицах*) и лишает типично киевского колорита – например, свой *Доњи Град* есть и в Белграде.

Название *Лысая Гора* / *Лысый Череп* является указанием на название *Голгофа* и этимологически: арамейск. *golgōltā'* ‘череп’ традиционно переводится как «лобное место». В словацком переводе романа «Мастер и Маргарита» название *Лысая Гора* передано как *Lebečnú vrch*, в чешском переводе А. Моравковой – *Lebčí vrch*, букв. «Черепная гора» (*lebka* ‘череп’ [SCZ; SSK]); в сербском, как и в болгарском, калькировано: *Ћелаво брдо* (*ћелав* ‘лысый’ [СХСР 1957: 964]), *Плешивия Врџх*. В польском переводе И. Левандовской, В. Домбровского два ассоциативных значения топонима (‘лысый’ = ‘лишённый растительности, покрова, голый’ и ‘череп’ = ‘скелет головы’) переданы в двух присутствующих в тексте названиях: *Naga Góra* и *nagie wzgórze zwane Trupią*

---

¹ Обрадовић М. Бели град на обалама реке // Завичај, 1976, №187, с. 4. Цит. по кн.: Сербско-хорватский язык: Историко-культурные тексты / Сост. А.Д. Дуличенко. Тарту, 1986. С. 59.

Czaszka, при существующем в польском языке фразеологическом сочетании *trupia czaszka* ‘череп (символ)’ [WSPR 1967: 1074].

Лексическая замена, выполненная переводчиками на чешский и словацкий языки, отсылает к происхождению и развитию семантики слова *lebka*. В значении ‘череп’ оно существует в современном словацком и чешском языках (в архично-поэтической речи представлено и исконное *leb* с тем же значением) [SCZ; SSK]. Родственное ему др.-рус. *льбъ* также имело значение ‘череп’: в Повести временных лет встречаем *и въступи Олег ногою на льбъ* [череп коня], *отъ сего ли льба смърть* [Черных 2004, т. I: 487]. Значение ‘череп’ является старшим для общеславянского *ľbъ, которое родственно слову *ľubъ (современное рус. *луб*, словацк. *ľub* ‘кора’) с общим смыслом ‘коробка’, ‘лубяной короб’ (ср. *череп* первонач. ‘обломок глиняной посуды’, ‘горшок’) [Черных т. I: 487]. Таким образом, этимологически *Lebečný vrch* напрямую соотносится с рус. (из старослав.) *лобное место* (льбное мѣсто). Однако ни в чешском, ни в словацком языке *Lebčí vrch / Lebečný vrch* не имеет значения ‘место казни’ и не является эквивалентом русского фразеологизма в плане содержания.

Тем не менее лексическая замена, осуществлённая в чешском и словацком переводах при передаче этого онима, правомерна: в противном случае калька с топонима оригинала была бы вполне возможна при существующем *ľysý* ‘лысый’ и обилии его разнообразных в стилистическом отношении синонимов [SCZ; SSK], но тогда название утратило бы значительную часть смыслового наполнения. Устойчивое сочетание *Лысая гора* (ср. в украинском переводе *Лисий череп*) означает место шабаша ведьм только в украинской и польской культурной традиции; изначально это название реально существующей возвышенности в окрестностях Киева (в Польше – в массиве Свентокшиских гор [EPWN]). Русская традиция усвоила это представление уже из украинской культуры. Однако вообще гора в мифологии всех славян является местом обитания нечистой силы, местом,

объединяющим небо и землю, связанным с потусторонним миром [Левкиевская 1995: 120], но в то же время часто предстаёт и как место, где находится Христос.

Предложенный М. Такачовой и А. Моравковой вариант *Lebčí vrch / Lebečný vrch* предполагает ассоциативную отсылку к названию *Голгофа*. В то же время, однако, само слово *Golgota* М. Такачова и А. Моравкова в текст не вводят, хотя и даёт прямую семантическую параллель к нему. Однако при такой неоднозначности одного из ключевых топонимов названия *Jeruzalem* и *Olivový vrch* всё же вводят читателей словацкого текста романа «Мастер и Маргарита» в пространство евангельского повествования, хотя в оригинале ономастикон ершалаимских глав и предполагает намеренное дистанцирование от него.

В некоторых других вариантах перевода (чешском, македонском) вместо возможного смыслового эквивалента словосочетания *Лысая Гора* представлено только название *Golgota / Голгота*, для которого возможна лишь однозначная евангельская трактовка. Между тем коннотативный топоним *Голгофа* освоен в славянских культурах, и это подтверждается тем, что он вошёл в славянскую топонимию [Отин 1997 (1): 229] аналогично вошедшим в славянский языковой обиход антропонимам библейского (еврейского, греческого) происхождения.

Приведённые примеры демонстрируют необходимость разграничения при переводе более и менее релевантных культурных ассоциаций топонимов с учётом национальной отнесённости подлинника и хронотопа произведения. Данный аспект интерпретации текста подлинника остаётся одной из существенных задач переводчика, соблюдающего баланс между передачей фактического (территориального) и ассоциативного значения топонима в художественном тексте.

4.2. Родо-видовая замена реалии

В большинстве рассмотренных случаев приём генерализующей родо-видовой замены применяется переводчиками в случае метонимической или метафорической номинации в тексте. Показательными в этом отношении являются следующие случаи в словацком переводе романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<i>Со стены на бумажки глядел в ужасе чиновник со Станиславом на шее <...></i>	<i>Zo steny hľadí užasnuto na bankovku úradník s Radom na krku <...></i> (букв. «с орденом на шее»)
<i>И вот, во сне, приехал Лебідь-Юрчик верхом на коне и какие-то Тушинские Воры с отмычками вскрыли тайник.</i>	<i>A hľa, vo sne prišiel na koni Lebid'-Jurčik a slávni zloději</i> (букв. «знаменитые воры»). <i>Otvorili pak'účmi skryšu.</i>

В переводах на другие языки в этих случаях сохраняется буквальное следование оригиналу: ср. у И. Левандовской, В. Домбровского польск. *ze Stanisławem na szyi; jakieś Tuszyńskie Złodzieje* – притом что традиционно сложившееся именование Лжедмитрия II, как историческое лицо имевшего непосредственное отношение к Польше, звучит в польском языке как *Łotr Tuszyński*.

В другом контексте тот же оним *Тушинский Вор* (также употребленный в переносном значении – как кличка лошади) заменен синонимичным и одновременно разъясняющим вариантом, по всей видимости, более соответствующим фоновым знаниям словацкого читателя:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<i>Гляжу, подъезжает <...> господин эскадронный командир рысью на Тушинском Воре.</i>	<i>Pozerám, ktosi prichádza <...> a to pán veliteľ eskadrony cvála na Dimitrijovi Samozvancovi.</i>

Аналогичная родо-видовая замена возможна при передаче не только онимов, но и их производных. И. Изакович пользуется приёмом родо-видовой замены для адекватного воспроизведения значения отонимных определений:

оригинал

Оно было бесподобно в сиянии своих тридцати лет, в блеске монист на царственной екатерининской шее <...>

Всё в ящичках эйнемовского печенья, в клеёнке, просмолённые шва, два аршина глубины.

словацкий перевод (И. Изакович)

Bolo nádherné a žiarilo svojimi tridsiatimi rokmi, leskom náhrdelníka na kráľovskej šiji <...> (букв. «на королевской шее»)

Všetko zabalené v škatuliach od pečiva, vo voskovom plátne, švy zaliate smolou, pol druhu metra hlboko.

В первом случае заменён эпитет *екатерининская (шея)* – актуализирующаяся в нём ассоциация ‘царственный’ эксплицитно представлена в переводе лексемой *kráľovská*. Во втором случае отонимное определение опущено, поскольку реалия *эйнемовское печенье* непонятна для предполагаемого читателя перевода: для содержания эпизода и произведения она может представляться и не имеющей первостепенной значимости, а между тем «имена собственные подлинника могут быть безусловно сохранены в переводе только при условии, что они известны и в принимающей культуре» [Legeżyńska 1986: 193]. Более того, данная реалия принадлежит к числу тех, которые в настоящее время не вполне понятны и читателю оригинала: на сегодняшний день не является общеизвестным, что *эйнемовское печенье* названо так автором «по имени фабриканта Ф.К.Т. Эйнема, основавшего в 1867 г. в Москве кондитерскую фабрику, экспропрированную советской властью в 1918 г. и названную в 1922 г. «Красным Октябрем» [Лескис 1999: 62]. Д.Б. Гудков пишет о таких случаях: «Подобные «лакуны» могут возникать и постоянно возникают даже в том случае, когда коммуниканты принадлежат к одной культуре: достаточно ярко они проявляются в том случае, когда текст и реципиент принадлежат различным историческим эпохам» [Гудков

2003: 237]. Аналогично и в переводах романа «Мастер и Маргарита» метонимическое *коробка из-под Эйнема* гиперонимически передано как чеш. *bednička od sušenek* (А. Моравкова) / *krabice od sušenek* (Л. Дворжак), словацк. *škatuľa z keksov* (М. Такачова), то есть «из-под печенья». В данном случае такая замена, возможно, не является верной в деталях: как гласят комментарии к отечественному изданию романа, «в металлических коробках продавались фирменные монпансье фирмы «Эйнем» [Лесскис 1990: 652]. Впрочем, данное расхождение при прочтении романа непринципиально.

Подобная генерализующая родо-видовая замена употреблена И. Изаковичем и при обозначении реалии *славный коньяк Шустова с колоколом*: словацк. *právu koňak slávnej značky*. Именно о таких реалиях, как коньяк *Шустова* или кондитерские изделия *Эйнема*, А.В. Суперанская пишет: «В каждый период существуют общеизвестные факты и реалии, с которыми могут перекликаться и реплики, и имена героев, и даже подтекст литературного произведения. Все эти факты известны современникам автора, но они уходят из общественной памяти со сменой эпох и поколений, и для правильного прочтения произведения, относящегося к прошлому, требуются порой серьезные экстралингвистические поиски, связанные с модами той эпохи, кругом литературных произведений, политической жизнью той эпохи, известными издателями и изданиями и т.п.» [Суперанская 1973: 318]. Такой же непонятной и русскому современному читателю реалией являются метонимические отонимные названия денежных банкнот, которые, однако, даются в переводе без пояснения, в то время как аналогичные отонимные названия орденов переводчик сопровождает поясняющим комментарием непосредственно в тексте:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)	чешский перевод (А. Моравкова)
----------	------------------------------------	-----------------------------------

<p><i>Там же пятнадцать «катеринок», девять «петров», «николаев первых», три бриллиантовых кольца, брошь, Анна и два Станислава.</i></p>	<p><i>Je tam aj pätnásť «Katarín», deväť «Petrov», desať «Mikulášov Prvých», tri tri briliantové prstene, brošňa a Rady, dva svätého Stanislava, jeden svätej Anny.</i> (букв. «ордена: два – два святого Станислава, один – святой Анны»)</p>	<p><i>Tamtěž leží patnáct «kateřin», devět «petrů», deset «nikolajů», a k tomu tři prsteny s brilianty, brož, jeden anenský a dva stanislavské řády.</i> (букв. «один аннинский и два станиславовских ордена»)</p>
--	--	--

(Подобный приём отмечается в работах чешских переводчиков как систематический: переводчики семантизируют русские реалии, вводя их объяснение непосредственно в текст. Ср. на том же примере (Станислав – *Rad*): «*Mám už Stanislava druhej třídy, to už je prece vyznamenáni!*» [Назаренко 2010: 383]).

Экспликация, которая в переводе занимает место импликации в оригинале, является для перевода общей тенденцией [Холман 1989: 296]. В рамки этой тенденции укладываются и родовая замена, и внутритекстовый комментарий к собственному имени. Такой комментарий может касаться не только метонимического употребления онима, но и внутренней формы имени с учётом предполагаемых в нём коннотаций – соответственно в первом и втором примере:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<p><i>Василиса глядел на свет, и Лебідь явно фальшиво просвечивал с обратной стороны.</i></p>	<p><i>Vasilisa prezeral bankovku proti svetlu, aj Lebid'ov podpis (букв. «подпись Лебідя») viditel'ne falošne presvital na rube.</i></p>
<p><i><...> под властью загадочной личности, которая носит такое страшное и некрасивое имя – Петлюра <...></i></p>	<p><i><...> za vlády záhadnej osoby, ktorámá take strašné a nepekné meno – Petľura, – dalo by sa povedať – Shučkár.</i></p>

Лексема *slučkár* принадлежит к сленгу охотников и толкуется как «охотник или (чаще) браконьер, который ловит добычу в силок (петлю)» [SSKS] (*slučka* ‘петля’ [SSK]). И. Изакович фактически создаёт кальку с фамилии *Петлюра*, не заменяя ею, однако, онима оригинала, который называет реально существовавшую историческую личность и вследствие этого не может быть творчески переработан или опущен в переводе.

Впрочем, несмотря на творческое применение в отдельных случаях приёмов родо-видовой или эквивалентной замены онима, расширения конструкции и т.д., перевод, как правило, неизбежно сопровождается сужением (компрессией) ассоциативного поля, связанного с ономастиком художественного текста. В. Горина и А. Милостивая выделяют две основные причины этого явления:

- 1) переводчик не идентифицирует все коннотации культуронимов;
- 2) невозможно адаптировать текст оригинала к восприятию «усреднённого» реципиента перевода, у которого не сформирована межкультурная коммуникативная компетенция [Горина, Милостивая 2010: 158].

Закономерная утрата именем собственным в переводе ассоциаций, предполагаемых в оригинале, не может быть воспринята однозначно негативно: семантическая компрессия естественна не только как следствие перевода, но и как следствие любой межкультурной передачи текста, в том числе и при его восприятии в другую эпоху, представителями других социальных групп и т.д. Э.Б. Магазаник отмечает: «Факультативность символической функции собственного имени для читателя – широко распространённое явление в русской поэтической ономастике XIX-XX вв.» [Магазаник 1978: 44]. Более того, существует подход, в соответствии с которым семантическая компрессия культуронимов воспринимается как необходимое условие порождения коммуникативно-эквивалентного текста, ориентированного на особенности восприятия принимающей культуры. При этом и в близкородственных языках

отличается не только набор прецедентных поэтонимов, но и их объём. Так, в языковой картине мира носителей русского языка прецедентные поэтонимы (в особенности принадлежащие облигаторным произведениям и фольклорным текстам) занимают значительно большее место по сравнению с картиной мира носителей польского языка [Ларина 2011: 73].

4.3. Ономастический каламбур в переводе

Исследователи относят ономастический каламбур, игру слов и прочие приёмы смыслового использования своеобразия формы имени собственного в художественном тексте к существенным факторам, влияющим на восприятие этого имени и произведения в целом, поэтому важность передачи подобных игровых форм при переводе не вызывает сомнений [Виноградов 1978: 152; Parandowski 1975: 255]. Теоретиками перевода был разработан отдельный алгоритм, который рекомендуется соблюдать при переводе комических моментов текста, в частности, каламбуров [Perek 1995: 194]. Однако на практике значительный смысловой пласт текста, связанный со звуковой игрой и лексическими перекличками, при переводе обычно теряется: «каламбуры, шутки, подтекст фраз – все это уходит вместе с <...> переходом на чужой язык, поскольку опирается на знание огромной массы реалий, связанных со всем контекстом жизни в конкретной культурно-информационной среде» [Корнилов 2003: 138].

Между тем, сохранение ономастической игры особенно важно в тех случаях, когда она представляет собой неотъемлемую составляющую индивидуального авторского стиля, как это происходит в произведениях М.А. Булгакова. Так, показательны способы передачи онима *Бегемот*, который в южнославянских переводах романа «Мастер и Маргарита» транскрибирован (что уже повышает вероятность утраты значительной доли смыслового наполнения), а в

западнославянских переведён. Как уже было указано, в словацком переводе имя *Бегемот* заменено на *Mosúr*, в чешском переводе А. Моравковой – на *Kňour*, в чешском переводе Л. Дворжака – на *Kocotour* (хотя чешскому и словацкому языкам известно мифологическое *Behemot* при *hroch* ‘бегемот, гиппопотам’ [SCZ]). Ни одно из этих слов не является точной смысловой параллелью оригинала. Чеш. *kňourati* означает ‘визжать’, ‘хныкать’, ‘скулить’ (*fňukat*) [SCZ]; вариант *Kocotour*, по всей видимости, является контаминацией чеш. *kocour* ‘кот’ и *tour* ‘угольная пыль’, ‘сажа’ [SCZ], что отсылает к окраске кота-демона. Словацк. *mosúrit' sa* означает *byť mrzutý, namosúrený, mračiť sa, chmúrit' sa* ‘быть огорчённым, угрюмым, хмуриться’ [SSK]. Естественно, что при такой замене теряется большинство смысловых параллелей, выстроенных автором в связи с именем данного персонажа, однако они заменяются новыми. В обоих случаях сохраняется и рифма в имени героя (*кот Бегемот* – в чешском варианте А. Моравковой *kocour Kňour*, в варианте Л. Дворжака *kocour Kocotour*), а в словацком переводе М. Такачовой представлено даже более точное ритмическое соответствие *kocúr Mosúr*. Последнее именование способно образовать производные по законам словацкой словообразовательной системы: оригинальному *котяра Бегемот* соответствует *kocúrisko Mosúrisko* – пара, в которой аугментативную составляющую, сохраняя созвучие, приобретают оба компонента. За счёт изменения фонетической оболочки она каламбур оригинала, построенный на рифме и совпадении имени героя с объектом сравнения, во многих случаях теряется:

оригинал	словацкий перевод (М. Такачова)
– <i>Вообразите, сижу <...>, и входит кот. Чёрный, здоровый, как бегемот.</i>	– <i>Predstavte si, sedím za stolom <...>, a v tom vojde kocúr. Čierný, obrovský ako teľa.</i>

чешский перевод А. Моравковой
„*Představte si, sedím tady u stolu,*
<...> *a najednou vám vběhne dovnitř*
kocour. Černý, mohutný jako medvěd”.

чешский перевод Л. Дворжака
"Jen si to představte – normálně
sedím, a do kanceláře vejde kocour,"
<...> „Černý kocour, velký jako hroch”.

В данном эпизоде в сербской версии романа был применён единственный подстрочный комментарий, отмеченный во всех рассмотренных текстах. Для того, чтобы сохранить и подчеркнуть смысловую связь между именем персонажа *Бехемот* и наименованием библейского чудовищного зверя, М. Чолич вводит в текст неупотребительное в сербском слово *бехемот* (*Црн, огроман, као бехемот*). В сноске оно комментируется как «неман, огромна животиња, у Библији нилски коњ» (в сербском и македонском языках в данном значении употребляется калька с греч. *hippo-potamios*; ср. в том же эпизоде макед. <...> *и влегува мачор. Црн, огромн, како нилски коњ*). Подобных комментариев нет больше ни в одном из переводов, в то время как воссоздать смысловую структуру произведения без них, за счёт одной лишь словесной игры в ономастических единицах, оказывается практически невозможно.

В некоторых из переводов утраченные каламбуры заменяются другими. Так, в словацком варианте каламбур содержит фраза, которая не является каламбурной в тексте оригинала:

оригинал
– *He šaľu, nikoho ne trogaľu,*
počiniaľu primus, – neľubľu
nasupivšim, progovoril kot <...>.

словацкий перевод (М. Такачова)
– *Nerobím výtržnosti, do nikoho sa*
nestariem, opravujem varič, – zafľal
kocúr a nepriateľsky sa namosúril.

В данном случае каламбур в словацком тексте вызван употреблением в одном контексте глагольной формы *sa namosúril* в её прямом словарном значении ‘насупился, нахмурился’ и лексемы *kocúr*, вызывающей в сознании читателя, уже знакомого с персонажем, рифмующееся с ней прозвище *Mosúr*, что иронически отсылает к именованию персонажа *kocúr Mosúr*.

В чешской версии единственный сохранённый переводчиком каламбур заключается в переключке употреблённого в тексте глагола *kňourat* по отношению к персонажу с именем *Kňour*:

оригинал

Буфетчик перекрестился. В то же время берет мякнул, превратился в чёрного котёнка и, вскочив обратно на голову Андрею Фокичу, всеми когтями впился в его лысину.

чешский перевод (А. Моравкова)

Pokřížoval se, vtom baret zakňoural, proměnil se v černé kotě, které tu huplo rovnou na hlavu a zarylo se všemi drápy do jeho pleše.

Смысловое наполнение имён *Kňour* и *Mosúr* находится в тонком соответствии с образом самого персонажа. В духе булгаковской сатиры они контрастируют с обликом и поведением *лучшего шута, который существовал когда-либо в мире* и в то же время выражает неземную сущность героя, демоническое начало, которое обнажается в финале романа, когда в своём настоящем обличье Бегемот появляется «притихшим» (*теперь притих и он и летел беззвучно...*), «молчаливым и серьёзным», почти *namosúrený*.

В словацком переводе «Мастера и Маргариты» слово *kocúr* звучит ещё в одном контексте:

оригинал

*Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц!!!*

словацкий перевод (М. Такачова)

*Starý kocúr urodzenký
rád mal kuracinku,
nevestičku aj panenku
skrýval pod perinku!!!*

Kocúr заменяет именование *его превосходительство*, являя ещё одну грань демонического образа кота – это сладострастник, сластолюбец (отметим, что словарное толкование чешского *kocour* включает в себя и значение ‘ловелас, волокита’ [SCZ]).

В романе «Белая гвардия» находящиеся в центре его ономастического пространства фамилии *Петлюра* и *Болботун* обыгрываются с образованием

окказиональных производных, которые распознаны и эквивалентно переданы не во всех рассматриваемых переводах:

оригинал	сербский перевод (М. Чолич)
– <i>Иван Иванович, что это вы сегодня не в духе?</i>	– <i>Иване Ивановичу, нешто данас као да нису све козе на броју?</i>
– <i>Да жена напетљурила. С самого утра сегодня болботунит...</i>	– <i>Да, жена је напетљурисала. Од ране зоре бубња...</i>
чешский перевод (А. Моравкова)	словацкий перевод (И. Изакович)
« <i>Ivane Ivanoviči, čo je to dneska s vámi?</i> »	– <i>Ivan Ivanovič, dnes nie ste vo svojej koži.</i>
« <i>Ale žena vyvádí hŕň než Petljura. Hudruje od božieho rána...</i> »	– <i>Ale keď mi žena vystrája horšie ako Petľura. Od božieho rána má plné ústa Bolbotuna.</i>

Модель, по которой построен окказионализм в оригинале, точно воссоздана только М. Чоличем (*Петљура > (на)петљурисати*, по аналогии с *варак > вараклеисати*, *интервју > интервјуисати*, *коментар > коментарисати* и т.п.); между тем второй элемент каламбура переводчиком не замечен или расценен как непере译имый, и вместо производного от *Болботун* употреблена форма общеупотребительного глагола *бубњати* ‘бубнить’ [СХРС 1957: 54]. А. Моравкова также не воспроизводит второй компонент каламбура (вместо него в тексте представлено общеупотребительное *hudrovat* ‘ворчать’, ‘брюзжать’ [SCZ]), возможно, не возводя окказиональное *болботунит* к фамилии *Болботун*. Связь обоих авторских окказионализмов с упомянутыми фамилиями прослеживает и воспроизводит только И. Изакович, однако вводит их иначе – как исходно существовавшие в тексте онимы в составе определённых синтаксических конструкций.

Таким образом, ономастический каламбур, как и любой элемент словесной игры, остаётся наиболее сложной составляющей художественного текста в плане перевода, и переводческие решения, связанные с его передачей, отличаются

наибольшим разнообразием и являются наиболее характерным показателем индивидуальной творческой манеры переводчика.

§ 5. Несовпадение набора онимов в текстах оригинала и перевода

Как показали примеры из рассмотренного материала, набор ономастических единиц в тексте перевода не всегда совпадает с тем, который представлен в оригинале. Это происходит за счёт двух видов трансформаций.

Во-первых, в перевод могут включаться новые по сравнению с оригиналом собственные имена, или, наоборот, могут устраняться собственные имена, существовавшие в оригинале (например, за счёт родо-видовой замены – см. п. 4.2). Г.Л. Маньковская пишет об этом в контексте исследования локализации: «Локализация может проявляться в разнообразных формах, начиная от изменений заглавий в переводимых произведениях и кончая снятием из текста переводов сложных для читателя сторон оригинала» [Маньковская 1970: 45]. Исследователи объясняют отказ от воспроизведения онима в переводе индивидуальным авторским решением – «несоответствием вписывания его в конкретный текст» [Немировская, Степанян 1988: 179]. К снятию ономастической реалии при условии того, что её смысловая нагрузка в тексте достаточно малозначима, прибегают тогда, когда она не может вызвать конкретных образных ассоциаций у читателя перевода. Однако это можно расценить как игнорирование реалии, что неизбежно приводит к семантической утрате.

Обратный приём, связанный с введением в текст перевода дополнительного по сравнению с оригиналом имени собственного, как правило, служит для поддержания экспрессивной составляющей текста или для подчёркивания его историко-культурной отнесённости. Так, В.А. Жуковский как переводчик акцентировал античный колорит в балладах «за счёт гораздо большего, чем у

Шиллера, использования мифологических имён, которые немецкий поэт называет скупой, как бы избегая их избытка»: «в переводе наибольший вес приходится на звучащие по-гречески собственные имена» [Эткинд 1973: 96]. В рассмотренных переводах романов М.А. Булгакова включение в текст новых онимов прежде всего позволяет воспроизвести экспрессивный эффект оригинала. Например, Л. Дворжак компенсирует затруднительную для передачи средствами чешского языка экспрессивную форму *соврамиши* введением окказионального онима *Sedmilhář* (по-видимому, из ‘семь’ и ‘лгать’ [SCZ]):

оригинал

– *А он попросту соврал!* – звучно, на весь театр сообщил клетчатый помощник и, обратясь к Бенгальскому, прибавил: – *Поздравляю вас, гражданин, соврамиши!*

чешский перевод (Л. Дворжак)

"Von normálně lže!" zahalasil na celé divadlo kostkovaný asistent, obrátil se k Bengalskému a dodal: "Gratuluju, pane Sedmilháří!"

Наибольшее количество употреблённых в метафорическом значении имён собственных по сравнению с текстом оригинала было выявлено при анализе польских переводов романов М.А. Булгакова.

оригинал

<...> *события в это время в Городе не шли по прямой, они проделывали причудливые зигзаги.*

– *Алексей на митинге незаменимый человек, оратор, – сказал Николка.*

*Игривы Брейтмана остроты,
А где же сенегальцев роты?*

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

Wydarzenia w Mieście w owym czasie nie rozwiały się tak zgodnie z Euklidesem...

Aleksiej niezastapiony jest na wiecach, prawdziwy Cyncero, – powiedział Nikolka.

*Gogol i Breitman – satyrycy,
Gdziez, par bleu, ci Senegalczycy?*

Последний пример демонстрирует практику введения в переводной текст онима, не конкретизирующего значение апеллятива, данного в оригинале, а

подсказанного контекстом (актуальный для польской языковой картины мира ассоциативный ряд *острота – сатира – Гоголь*).

Очевидно, в относительно большом количестве таких случаев введения в текст нового онима в польском переводе сказываются особенности западнославянской традиции литературного перевода – в частности, именно перевода на польский язык, для узуса которого традиция антономасического употребления антропонимов более свойственна по сравнению с другими славянскими языками. Так, в рассмотренных южнославянских переводах подобное явление не отмечается вообще.

Кроме того, в тексте перевода могут появляться онимы и их производные, связанные со специфическим узусом принимающего языка – характерная для чешского и словацкого языка божба: чеш. *Ježíšmarjá* и словацк. *Ježišmaria* (из *Ježíš* и *Maria*; в современных чешском и словацком языках пишется и со строчной буквы), чеш. *pro rány Kristovy* и словацк. *pre Kristove rany* и т.п. Введение в текст перевода подобных форм – по существу, междометных – обусловлено стремлением переводчика не столько к образности, сколько к соответствующей контексту экспрессии:

оригинал	чешский перевод (Л. Дворжак)
<i>Покайся, Иваныч! Тебе скидка выйдет!</i>	<i>Ježíšmarjá přiznej se, Ivanyči. Ať máš aspoň ňákou polehčující okolnost!</i>
<i>Догадайся, что со мною случилась беда <...></i>	<i>Pro rány Kristovy, uvědom si, že je se mnou zle <...></i>

Состав собственных имён в тексте может меняться не только качественно (с добавлением новых имён), но и количественно: переводчик вводит в текст дополнительные по сравнению с оригиналом упоминания имени персонажа. Это, по всей видимости, также продиктовано узусом принимающего языка, а также призвано отчасти заменить комментарий, проясняя содержание текста: *на припухших прибалтийских устах* – чеш. *na odulých baltických rtech Sergeje Ivanyče*.

Второй тип трансформации заключается в том, что представленное в оригинале имя собственное в переводе оформляется как нарицательное или, наоборот, нарицательное как собственное. В последнем случае определяющая роль принадлежит орфографическому решению: как правило, написание имени с заглавной буквы уже вводит его в разряд собственных [Sarnowska-Giefing 1994: 81]. Например, так в словацком переводе романа «Белая гвардия» прозвищами становятся именованья бандитов, проводивших обыск в квартире Лисовичей: *волк, гигант, изуродованный* – *Vlk, Obor, Zohavený*:

оригинал	словацкий перевод (И. Изакович)
<p>– <i>Ай!</i> – в ужасе вскрикнула Ванда и ухватила за руку волка.</p> <p><...> он задумался, посмотрел на урода<...></p> <p><i>Румяный гигант ничего не сказал, только застенчиво посмотрел на Василису и искоса, радостно – на сияющие галоши.</i></p>	<p>– <i>Jo!</i> – <i>skríkla v úžase Vanda a chytila Vlka za ruku</i><...></p> <p><...> <i>zamyslene pozrel na Zohaveného</i><...></p> <p><i>Ružovolíci Obor nepovedal nič, len sa rozpačito pozrel na Vasilisu a potom s radosťou na lesklé galoše.</i></p>

Подобные несовпадения в статусе имени (нарицательное или собственное) в оригинале и переводе касаются прежде всего тех онимов, которые находятся на периферии ономастической системы языка: мифонимов (*сирена* – польск. *Syrena*, чеш. *Siréna*), космонимов, а также ряда эпизодических именованний. Так, А. Моравкова вводит в разряд имён собственных обращение Турбиных к матери (*jasná naše Královno, kde jsi?*). М. Чолич фактически даёт одному из эпизодических персонажей романа «Мастер и Маргарита» прозвище *Брадоња* (в оригинале *бородач*), а *утреннюю звезду* конкретизирует как Венеру – в народно-поэтическом варианте *Утреннюю звезду (Зорњача)*. С заглавной буквы в переводе Л. Дворжака оформлено слово *Měsíc* (в оригинале *луна*). С этой точки зрения различен и статус этнонимов в языках, где они пишутся с заглавных (польский, сербский) или со строчных букв (чешский, словацкий).

Свою роль в представлении ряда лексических единиц текста играет традиция употребления конкретных слов в данном языке: И. Левандовска, В. Домбровский вводят в текст романа употреблённое как оним *Przybytek* (польск. *przybytek* ‘храм, святыня’ [WSPR 1967: 845]).

оригинал

Она <...> навалилась на храм в Ершалаиме, сползла дымными потоками с холма его и залила Нижний Город.

польский перевод

(И. Левандовска, В. Домбровский)

Chmura ta <...> zwała się na świątynię jerszalaime, dymnymi potokami spłynęła ze wzgórza, na którym stał Przybytek, i zalała Dolne Miasto.

Введение нового онима в текст возможно в порядке адаптации культурной реалии: так, русскому *ёлочный дед* (*О, ёлочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем!*) в польском переводе романа «Белая гвардия» соответствует агнионим (*święty*) *Mikołaj: gwiazdkowy święty Mikołaju*. В чешском и словацком текстах романа «Мастер и Маргарита» нейтральный апеллятив оригинала *соловей* заменяется мифонимом *Slavík loupežník / Slávik zbojník* (Соловей-разбойник) – возможно, нарочитое сравнение с экзотическим для чехов и словаков персонажем, присущим только русским былинам, введено в текст в целях воссоздания русского культурно-исторического колорита:

оригинал

И вот они уж свистят, как соловьи весной в лесу, тревожат милицию, отрывают её от дела.

чешский перевод
(А. Моравкова)

A ti hle už hned hvízdají jako Slavíci loupežníci, burcují milici a vytrhují ji z práce.

словацкий перевод
(М. Такачова)

A títo hned' vyhvizdujú ako Slávici zbojníci, burcujú milíciu a vyrušujú ju z práce.

Несколько обратных случаев, зафиксированных в рассмотренных текстах, связаны с передачей названий: в сербском тексте *мањеж* – апеллятив, родовое понятие [СХРС 1957: 395] (ср. рус. *кремль*), в чешском переводе А. Моравковой слово *hasmonejský (palác)*, соответствующий собственному названию дворца

(*Хасмонеийский*), становится апеллятивным относительным прилагательным. Данные решения переводчика диктуются непосредственно особенностями узуса принимающего языка.

§ 6. Мультиязычность ономастикона как проблема перевода

Исследователи отмечают, что для всех славянских литератур в большей или меньшей степени характерна мультикультурность [Tokarz 2011: 17]. При выборе стратегии перевода мультикультурного текста переводчик прежде всего должен установить функциональную нагрузку мультиязычности [Koczig 2005], которая зачастую присутствует в таком тексте. Мультиязычность романов М.А. Булгакова связана прежде всего и с тем, что они в высшей степени полифоничны: они воспроизводят разнообразные голоса эпохи, взятые как есть, зачастую без указания на лицо говорящего, в полном соответствии с высказыванием М.М. Бахтина: «Роман – это художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица. Внутренняя расслоённость единого национального языка <...> – необходимая предпосылка романного жанра: социальным разноречием и вырастающей на его почв индивидуальной разноголосицей роман оркеструет все свои темы, весь свой изображаемый и выражаемый предметно-смысловой мир» [Бахтин 1979: 76]. Многоязычие романа, понимаемое в терминах М.М. Бахтина, в значительной степени проявляется в связи с особенностями ономастикона произведения, в особенности в тех случаях, когда в тексте произведения прослеживается не единый национальный колорит, а влияние нескольких культурных и языковых стихий. Так, многоголосность текста романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» усиливается тем, что в произведении сочетаются стихии нескольких языков: с русской речью соседствует немецкая, еврейская, польская, украинская.

В дни господства Петлюры в Месте (показательно, что так автором по-украински, но в русской огласовке назван Киев) украинская речь не только звучит как естественная речь местных жителей, но и, как правило, свидетельствует о политической принадлежности говорящего. К этому явлению могут быть отнесены слова Ю.Н. Караулова: «Писатель, воплощая в своих произведениях множественность разных индивидуальностей, заставляет их говорить соответственно общественно-историческим условиям их формирования и воспитания как личностей, соответственно их статусу и занимаемым ими социально-психологическим позициям» [Караулов 2004: 86].

Помимо различий в происхождении представленных в тексте имён и названий одни и те же онимы даны в нём в разноязычных огласовках (*Болботун* – *Бовботун*, *Курицкий* – *Курицький*). В таких случаях принято передавать колорит не только относящийся к тому народу, с языка которого делается перевод, но и соответствующий по сюжету [Urbanek 1996: 287], поскольку с ним связан круг несомненно важных для автора и читателя ассоциаций. Тем самым имена собственные, которые в тексте оригинала подразделялись для читателя на «свои» и «чуждые», а для иноязычного читателя вследствие сохранения их колорита все звучат как «чуждые», тем не менее должны сохранить в своей системе разделение по этому признаку, поскольку противопоставление здесь является важным смысловым элементом произведения [Zadrazil 1989: 320].

Противопоставленность систем близкородственных языков создаёт значительное количество возможностей для их разграничения в передаче на другой язык, в особенности близкородственный по отношению к ним обоим. Близкое родство позволяет находить прямые различия в противопоставленных языках без поиска эквивалентных различий в принимающем языке. На практике выявляются следующие возможные стратегии передачи многоязычия в ономастической системе:

1) игнорировать различие: *Болботун / Бовботун – Volbotun* (А. Моравкова) – вариант, который для близкородственных языков реализуется без утраты общего созвучия, с минимальным фонетическим различием;

2) описывать различие: *Курицкий / Курицький – Kurickij / tak isto, ibaže so smäkčenyť s* (И. Изакович);

3) транскрибировать иноязычные вкрапления (приём, который в большинстве случаев применяется И. Левандовской и В. Домбровским: украинские варианты имён собственных, как и все прочие вкрапления украинской речи в тексте, выделены курсивом) – вариант, который возможен только при передаче противопоставления двуязычия на близкородственный язык, когда предполагается, что иноязычный фрагмент будет понятен читателю без перевода;

4) вводить другое эквивалентное различие: *Был Курицкий, а стал Курицький* – польск. *Był Kuricki, jest teraz Kuryćkyi* (И. Левандовска, В. Домбровский), серб. *Био је Курицки, а сада је постао Курицкиј* (М. Чолич). Вследствие большей языковой удаленности от русско-украинского языкового материала по сравнению с польским и словацким языками (отсутствие не только мягкого согласного, парного по отношению к [ц], но и общераспространенного графического способа обозначения мягкости) сербский переводчик не располагает возможностью передать то же различие в облике фамилии, на котором делает акцент оригинал. Взамен этого вводится различие в звучании и написании другого форманта, что представляет эквивалент варианта оригинала, демонстрируя минимальное графическое и фонетическое различие.

В отдельных контекстах переводчик может полностью отказываться от указания на двуязычность в ономастической системе, как это делает М. Чолич, – вероятно, потому, что не оценивает это явление как принципиальное для понимания данных контекстов или текста в целом. Для южнославянского читателя такое различие не будет являться знаковым в силу относительной историко-

культурной отдалённости от него обеих противопоставленных в оригинале языковых стихий.

Национальный колорит, заключенный в ономастических единицах произведения, нуждается в сохранении при переводе, тем более что в конкретном случае «Белой гвардии» он наделен и политическим подтекстом. Соответственно и первостепенной задачей переводчика становится поиск нестандартных и при этом – когда речь идет о противопоставлении близкородственных культур – тактичных решений. Большинство из них носит творческий, интуитивный характер, что подтверждают переводчики-практики [Perek 1995: 193; Tuwim 1979]: переводчик должен владеть всей палитрой родного языка, иметь «полные карманы запасов на все случаи жизни» [Любимов 2012; Кружков 2012]. Практики и исследователи подчёркивают интуитивный характер каждого из решений и в близкородственных, славяно-славянских переводах [Grosbart 1973: 112].

Обращение к практическому опыту переводчиков оказывается необходимым и в силу того, что перевод художественного текста всегда связан с воссозданием смысловой системы произведений конкретного автора, в творчестве которого имена собственные могут иметь дополнительные оттенки смысла помимо предполагаемых культурой языка оригинала.

Применительно к именам собственным в художественном тексте каждый случай индивидуален, каждый эпизод текста неповторим, и поэтому универсальных рецептов выбора для переводчика не существует. По справедливому замечанию А.В. Фёдорова, «уже сама практика перевода делает необходимыми постоянные поиски лучших соответствий содержанию и форме оригинала в их единстве, замену уже найденных вариантов другими, более близкими или более уместными в данном контексте, требует сопоставления этих разных возможностей передачи, обоснования выбора лучшей из них и тем самым

отвечает всем условиям, предполагаемым понятием стилистического эксперимента» [Фёдоров 1971: 92].

Выводы к главе III

Близкое языковое родство провоцирует ряд трудностей при передаче имён собственных в переводном художественном тексте. Так, точное сохранение исходного облика имени может привести к появлению так называемых семантических приращений в онимах переводного текста, которые не обязательно связаны с денотативным значением или коннотативно-ассоциативным наполнением конкретных лексем принимающего языка. Общность источника происхождения или заимствования имён собственных для близкородственных языков не означает общности ассоциативного значения этих имён и общности их потенциального смысла, реализуемого в контексте, тем более когда речь идёт о художественном произведении.

Различие между внутриязыковой и межъязыковой отнесённостью имён собственных может быть рассмотрено не как дихотомия, а как градация: ассоциативный фон имени может ослабевать по мере территориально-исторического расположения культуры принимающего языка от культуры оригинального произведения (как в случае с номинацией *москаль*). Интенсивность употребления коннотативного онима способна различаться и в близкородственных культурах (рус. и серб. *Голгофа* / *Голгота* / *голгота*).

Общей для всех рассмотренных случаев славяно-славянского перевода тенденцией является экспликация, которая в переводе занимает место импликации в оригинале. Это касается как морфемной структуры имени (например, прибавление аффиксов в тех случаях, когда в данном контексте это свойственно принимающему языку: чеш. *Duňka*, *Seriožka*, польск. *Proszeńka*), так и

коннотативной составляющей его значения (необходимые ассоциации эксплицируются в виде внутритекстового расширения конструкции, как это происходит в переводе И. Изаковича). Набор имён собственных, употреблённых в коннотативном значении, в тексте перевода может быть расширен, если в культуре принимающего языка принято и достаточно распространено метафорическое и метонимическое употребление *nomina propria* в принципе.

Каждое из переводческих решений является показателем не только тенденций, действующих в традиции конкретной принимающей культуры, но и индивидуального творческого подхода переводчика к осмыслению оригинала и поиску адекватных соответствий ему подлинника на интуитивном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Проблемные аспекты представления ономастикона связаны как с формальным, так и с содержательным планом ономастических единиц.

Среди основных требований к представлению ономастических единиц в тексте перевода выделяются следующие:

- формальная адекватность;
- стилистическая адекватность;
- ассоциативная адекватность;
- соответствие колорита;
- благозвучие.

Общность славянского этимологического фона и обусловленная ею общность фонетического строя обеспечивают отсутствие затруднений в соблюдении первого и последнего требований, в то время как остальные выполняются не всегда в силу действия как лингвистических (различия в грамматике, стилистике), так и экстралингвистических (исторические, культурные расхождения) факторов.

2. Выбор способа передачи ономастических единиц при переводе с одного славянского языка на другой зависит от характера переводческой традиции в той или иной культуре. В целом он представляется обусловленным обширным рядом факторов, наиболее важными из которых являются следующие:

- жанр переводимого произведения и его место в культуре оригинала и культуре перевода;
- индивидуальное творческое решение переводчика;
- характер переводческой традиции и степень ее оформленности в той или иной культуре.

Следует отметить, что мультязыковое и мультикультурное пространство Балкан требует решений, связанных с удобством представления иноязычных онимов в графической традиции принимающего языка, и по этой причине теоретиками и практиками перевода максимальное внимание уделяется вопросам транскрипции и транслитерации, которые преимущественно и применяются к именам собственным в переводимом тексте. Западнославянская переводческая традиция как более старая и теснее связанная с традицией литературной намного чаще предлагает именно смысловой перевод и семантическую, а не только фонетическую адаптацию имени собственного к среде принимающего языка. Переводы, выполненные представителями чешской, словацкой, польской школ, отличаются большей свободой и разнообразием в выборе способов и стратегий представления имён собственных при переводе произведения художественной литературы. Вместе с тем все названные тенденции вместе могут быть противопоставлены принципу следования конвенции (конвенционального соответствия, то есть принятого по существующей договорённости), распространившемуся в настоящее время из технического перевода и в область художественного и представляющему путь нейтрализации в выборе переводческой стратегии.

3. Как правило, ономастическая реалия, представленная в тексте оригинала и перевода, совпадает. Случаи, когда переводчик прибегает к замене называемой реалии, сравнительно редки и связаны со стремлением воссоздать ассоциативный пласт значения. Эквивалентность денотатов в таких случаях устанавливается за счёт контекста. Подавляющее большинство семантических несовпадений между онимом в оригинале и переводе проявляется именно на уровне коннотации, когда оним оригинала передаётся буквально, но на уровне семантики теряет эмоциональный компонент значения и те смысловые компоненты, которые соотносятся с фоновыми знаниями читателя: в принимающей лингвокультурной

обстановке такого соотнесения не происходит. По этой причине переводчик с целью максимально адекватного воссоздания семантического наполнения имени собственного может прибегать не только и не столько к калькированию, если речь идёт о значимой фамилии или прозвище, но и к приёму смысловой замены одного онима другим или к приёму родо-видовой замены. В качестве одного из важных требований к переводу утверждается принцип, согласно которому при замене (субституции) ономастической реалии вводимый в текст перевода оним должен принадлежать той же культуре, что и заменяемый.

Приоритетом для перевода остаётся сохранение имеющейся у большинства онимов в художественном тексте коннотации (*Соловки* – словацк. *Sibír*), хотя в отдельных случаях экстралингвистические факторы, связанные с тем или иным онимом или кругом онимов, не оставляют такой возможности, вплоть до неизбежной замены коннотации на противоположную: *Петлюра* ‘у М.А. Булгакова: воплощение мятежа, хаоса’ (негативная коннотация) – польск. *Petlura* ‘обещающий свободу’ (позитивная коннотация). В ряде случаев возникает новая коннотация: так, фамилия *Най-Турс* во всех славянских переводах приобретает яркую положительную коннотацию за счёт совпадения звучания первого слога с приставкой и лексемой *naj* ‘самый’, ‘самый лучший’.

Важна интерпретация онима и передача основных, ключевых выявленных в нём ассоциаций. Например, чешское *Markétka* (при некоторой искусственности формы *Markéta Nikolajevna*) отсылает именно к традиции перевода «Фауста» И.В. Гёте, как и словацкое *Margaréta* и польское *Malgorzata*, однако транскрибированное имя *Маргарита* в македонском переводе Т. Урошевич не содержит прямой отсылки к имени гётевской героини, которая в южнославянской традиции известна преимущественно как *Грета* / *Гретхен*.

4. Общность славянской языковой среды может способствовать прояснению внутренней формы онима в литературном произведении (серб. *петао*, *петле* для

онима *Петлура* в переводе романа «Белая гвардия» – ср. *в руках моталась серая кошёлка, из нее выдирался отчаянный петух и кричал на всю улицу: «пэтурра, пэтурра»*). Такие прояснения могут быть более или менее релевантным для читательского восприятия художественного образа. Но этимологическая общность славянской лексики и именника в частности способна провоцировать ложные семантические сближения (*Стравинский* – по созвучию с макед. *страв* или словацк. *strava*), также способные быть более или менее релевантными.

5. В целом разработка некоей оптимальной переводческой стратегии не представляется возможной как на сегодняшний день (поскольку каждый из принимающих языков и каждая из принимающих культур находится на своей стадии развития со своей степенью готовности принять данный текст), так и в принципе (в силу интуитивного характера не только и не столько передачи имён переводчиком, сколько восприятия их читателем).

При выявлении наиболее приоритетных показателей текста при переводе наряду с коннотативно-ассоциативным содержанием онимов среди них оказываются преимущественно колорит, авторская манера, стиль и т.д., то есть сугубо художественные составляющие текста, воссоздание которых возможно только в результате творческого акта. Проанализированные теоретические труды и замечания практиков перевода показывают, что мнения теоретиков и практиков об оптимальных путях и стратегиях представления имён собственных в переводе, как и реалий вообще, расходятся: в то время как первые чаще предлагают путь максимального сохранения формального тождества онима в оригинале и переводе в целях соблюдения национального колорита, вторые, демонстрируя творческий подход, выступают за более активное освоение образных имён и применение морфологических и словообразовательных возможностей принимающего языка к ономастическим единицам переводимого текста.

Стремление переводчика и принимающей культуры к национально-культурной идентификации ведёт к повышению доли адаптации и одомашнивания знаковых семантических составляющих текста в переводе. Если в отношении предметов и явлений, названных именами нарицательными, этого не происходит в силу строгой соотнесённости соответствующих лексем с объективными реалиями-денотатами, то применительно к именам собственным замены, базирующиеся на ассоциативном значении, становятся допустимыми. В таких случаях полную смену лингвокультурного наполнения способны обозначать минимальные фонетические различия (*Николай – Mikołaj* и т.п.).

В настоящее время на тенденции в области перевода собственных имён, как и на практику славяно-славянского перевода вообще, активно влияют экстралингвистические факторы, среди которых – культурные, социально-политические, экономические, в том числе реалии книгоиздательского процесса и условий книжного рынка. Перевод, который по существу призван быть сугубо творческим процессом, фактически вписывается в существующие обстоятельства общественно-культурной жизни и экономической обстановки (ограничение объёма текста, публикация без примечаний) страны принимающего языка.

На пути представления имён собственных в переводе действует экстралингвистический фактор, связанный прежде всего с различиями в восприятии одних и тех же исторических и культурных фактов у разных народов. Политическая, социальная, культурная ситуация в современных славянских странах оказывает значительное влияние не только на выбор переводимых произведений и количество выполняемых переводов, но и на восприятие текста перевода читателем, на понимание эксплицитно и имплицитно представленных автором оценок.

Настоящее исследование может быть продолжено в направлении сопоставительного изучения коннотативного наполнения имён собственных, в том

числе этимологически эквивалентных, в славянских языках, поскольку специфика национально обусловленной коннотации *potina prorgia* проявляется даже внутри ареала близкородственных языков и культур. Продолжение исследования в дальнейшем предполагает рассмотрение истории славяно-славянского перевода прецедентных художественных текстов и анализ передачи содержащихся в них прецедентных имён собственных на различные языки в различные исторические периоды. Глобальную перспективу настоящего исследования представляет сопоставительное изучение коннотативных онимов в славянских языках, апелляции онимов и развития их ассоциативных значений, причём его практической задачей может являться составление словаря коннотативных онимов и их семантических соответствий в славянских языках.

Безусловно важным исследовательским материалом являются переводы произведений русской литературы на наиболее исторически близкие русскому языки (украинский, белорусский), а также переводы на русский язык произведений других славянских литератур. Кроме того, как нам представляется, заслуживает более пристального внимания и история славяно-славянского литературного перевода как общественно значимого явления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. БТС 2000 = Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, ин-т лингвист. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1534 с.
2. МРС 2003 = Македонско-русский словарь / Р.П. Усикова, З.К. Шанова и др.; Под общ. ред. Р.П. Усиковой и Е.В. Верижниковой. – М.: Астрель, 2003. – 848 с.
3. Переводы «Слова» = Переводы «Слова» и литература о нем на языках народов мира [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 томах. – 1994. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/slovinc/es/es4/es4-0231.htm>.
4. ПРС 1949 = Польско-русский словарь / Под ред. Н.И. Грекова, М.Ф. Розвадовской. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 664 с.
5. РСЈ = Речник српског језика // Српска дигитална библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srpskijezik.com>.
6. РСТР 2012 = Руско-српски и српско-руски теолошки речник = Русско-сербский и сербско-русский богословский словарь / К. Кончаревић, М. Радовановић. Београд: Службени гласник, 2012. – 358 с.
7. СХРС 1957 = Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И.И. Толстой. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – 1168 с.
8. СА 1989 = Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне; Пер. с нем. В.И. Горбушина, Л.И. Грацианской [и др.]. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
9. EPWN = Encyclopediа PWN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://encyklopedia.pwn.pl>.

10. KMČ = Kalendar: Meniny Česko [Электронный ресурс] // Zoznam slovenského internetu. – Режим доступа: <http://calendar.zoznam.sk/nameday-skczhor.php>.

11. MEP 2000 = Mała encyklopedia przekładoznawstwa / red. U. Dąbska-Prokop. – Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Języków Obcych i Ekonomii Educator, 2000. – 101 s.

12. MSLV 1986 = Malý slovník rusko-českých literárních vztahů. – Praha: Lidove nakladatelství, 1986. – 161 s.

13. MSP 1968 = Mały słownik języka polskiego / Pod red. S. Skorupki, H. Auderskiej, Z. Łempickiej. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. – 1036 s.

14. SPR 1975 = Stypuła R., Kowalowa G. Słownik polsko-rosyjski: Польско-русский словарь. – Warszawa: Wiedza powszechna; M.: Русский язык, 1975. – 840 s.

15. WSPR 1967 = Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski: Большой польско-русский словарь. – Warszawa: Wiedza powszechna; M.: Советская энциклопедия, 1967. – 1344 s.

16. SJP = Słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sjp.pl>.

17. SOM = Словацкий календарь: Праздники, именины // Словацко-русский портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovník.org/meniny.html>.

18. SCZ = Seznam.cz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.seznam.cz>.

19. SSK = Slovník.sk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovník.azet.sk>.

20. SSKS = Slovenský synonymický slovník [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovník.azet.sk/synonyma>.

ИСТОЧНИКИ

1. Булгаков М. Бела гарда / Превео с руског Милан Чолић. – Београд: Слово љубве, 1973. – 298 с.
2. Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Избранная проза / Предисл. В.И. Сахарова. – М.: Советская Россия, 1983. – 336 с.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман. – СПб: Азбука-классика, 2003. – 416 с.
4. Булгаков Михаил Афанасјевич. Мајстор и Маргарита / [Превео Милан Чолић]. – Београд: Гутенбергова галаксија, 2003. – 474 с.
5. Булгаков Михаил. Майстора и Маргарита / Превод Татјана Балова. – Софија: Дамян Яков, 2012. – 496 с.
6. Булгаков Михаил. Мајсторот и Маргарита / [Превод: Тања Урошевиќ]. – Скопје: Табернакул, 1996. – 461 с.
7. Булгаков Михайло. Майстер і Маргарита / Переклад з російської Миколи Білоруса. – Харків: Фоліо, 2005. – 415 с.
8. Bulgakov Michail. Biela garda / Michail Bulgakov; Preložil a doslov napísal Ivan Izakovič. – Bratislava: Tatrah: Naše vojsko, 1987. – 304 s.
9. Bulgakov Michail. Bílá garda / Přeložila Alena Morávková. – Praha: Lidové nakladatelství, 1989. – 352 s.
10. Bulgakov Michail. Mistr a Markétka / [Přeložil Libor Dvořák]. – Praha: Odeon, 2005. – 400 s.
11. Bulgakov Michail. Mistr a Markétka / [Přeložila Alena Morávková]. – Praha: Volvox Globator, 2002. – 493 s. – <http://artefact.lib.ru/library/bulgakov.htm>.
12. Bulgakov, Michail. Majster a Margaréta / [Preklad: Magda Takáčová]. – Bratislava: Vydavateľstvo SLOVART, 2002. – 372 s.

13. Bułhakow Michał. Biała gwardia / Przełożyli: I.Lewandowska, W.Dąbrowski.
– Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1972. – 328 s.

14. Bułhakow Michał. Mistrz i Małgorzata / Michał Bułhakow; Przeł.
I. Lewandowska, W. Dąbrowski. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 1998. – 368 s.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, ин-т лингвист. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1534 с.
3. Ермолович Д.И. Англо-русский словарь персоналий. – М.: Рус. яз., 1999. – 336 с.
4. Катермина В.В. Русские имена собственные в загадках, поговорках, фразеологизмах и художественных текстах: словарь / В.В. Катермина; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2009. – 78 с.
5. Лидин Р.А. Иностранные фамилии и личные имена: Практическая транскрипция на русский язык: Словарь-справочник. – М.: Внешсигма, 1998. – 317 с.
6. Македонско-руски речник / Редактор Р. Усикова. – Скопје: Детска радост, МАНУ, 1997.
  - Т.1: А-М. – 559 с.
  - Т.2: Н-П. – 527 с.
  - Т.3: Р-Ш. – 587 с.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 318 с.
8. Обухова Е.С. Ономастика творчества А.С. Пушкина петербургского периода (1817-1820): словарь / Е.С. Обухова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 168 с.
9. Основен систем и терминологија на словенската ономастика = Основная система и терминология славянской ономастики; Grundsystem und Terminologie der slawischen Onomastik / Редколл.: Ф. Безлај [и др.]. – Скопје, 1983. – 412 с.

10. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 410 с.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
12. Польско-русский словарь / Под ред. Н.И. Грекова, М.Ф. Розвадовской. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 664 с.
13. Руско-македонски речник / Н. Чундева, М. Најческа-Сидоровска, С. Накев. – Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 1997. – 990 с.
14. Руско-српски и српско-руски теолошки речник = Русско-сербский и сербско-русский богословский словарь / К. Кончаревић, М. Радовановић. Београд: Службени гласник, 2012. – 358 с.
15. Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И.И. Толстой. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. – 1168 с.
16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт. / Под ред. Н.И. Толстого. – Т. 1. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 520-521.
17. Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне; Пер. с нем. В.И. Горбушина, Л.И. Грацианской [и др.]. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
18. Словарь русского языка: в четырёх томах / Гл. ред. Евгеньева А.П. – Изд. 3. – М.: Русский язык, 1985.
19. Справочник личных имен народов РСФСР: Практик. пособие для работников органов записи актов гражд. состояния РСФСР / А.В. Суперанская [и др.] – М.: Рус. яз., 1987. – 654 с.
20. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 842 с.

21. Толковен речник на македонскиот јазик / гл. ред. К. Конески; ред. К. Конески, Ж. Цветковски, С. Велковска. – Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2012.

Т. 1: А-Ж. – Скопје, 2003. – 640 с.

Т. 2: З-К. – Скопје, 2005. – 675 с.

Т. 3: Л-О. – Скопје, 2006. – 613 с.

Т. 4: П. – Скопје, 2008. – 680 с.

Т. 5: Р-С. – Скопје, 2012. – 623 с.

Т. 6: Т-Ш. – Скопје, 2014. – 572 с.

22. Толковый словарь русского языка: [В 4 т.] / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2000.

Т. 1: А-Кюрины. – 2000. – 1562 стб.

Т. 2: Л-Ояловеть. – 2000. – 1040 стб.

Т. 3: П-Ряшка. – 2000. – 1424 стб.

Т. 4: С-Ящурный. – 2000. – 1500 стб.

23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и дополн. О.Н. Трубачёва; Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964.

Т. 1: А-Д. – М., 1964. – 563 с.

Т. 2: Е-Муж. – М., 1967. – 672 с.

Т. 3: Муза-Сят. – М., 1971. – 828 с.

Т. 4: Т-ящур. – М., 1973. – 856 с.

24. Фёдоров А.И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка / Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; А.И. Фёдоров. – М.: Восток-Запад, 2012. – 894 с.

25. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.

26. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974.
27. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego / Ze wstępem Z. Klemensiewicza. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1957. – 806 s.
28. Česko-ruský slovník / E. Melnikov, Z. Šromová, M. Martinková. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1956. – 1304 s.
29. Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski: Большой польско-русский словарь. – Warszawa: Wiedza powszechna; М.: Советская энциклопедия, 1967. – 1344 с.
30. Lewicki R. Polsko-rosyjski słownik nazw własnych / R. Lewicki. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2008. – 222 s.
31. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / Vědecký redaktor V. Šmilauer. – Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1957. – 628 s.
32. Mała encyklopedia przekładoznawstwa / red. U. Dąbska-Prokop. – Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Języków Obcych i Ekonomii Educator, 2000. – 101 s.
33. Malý slovník rusko-českých literárních vztahů. – Praha: Lidove nakladatelství, 1986. – 161 s.
34. Mały słownik języka polskiego / Pod red. S. Skorupki, H. Auderskiej, Z. Łempickiej. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. – 1036 s.
35. Polskie nazwy własne: Encyklopedia / Red. E. Rzetelska-Feleszko. – Warszawa-Kraków, 1998. – 543 s.
36. Rusko-slovenský, slovensko-ruský slovník / M. Filkusová, D. Kollár [a jiné]. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1995. – 448 s.
37. Stypuła R., Kowalowa G. Słownik polsko-rosyjski: Польско-русский словарь. – Warszawa: Wiedza powszechna; М.: Русский язык, 1975. – 840 s.

38. Trávníček F. Slovník jazyka českého. – Čtvrté, přepracované a doplněné vydání. – Praha: Slovanské nakladatelství, 1952. – 1803 s.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблова Н.А. Передача немецких прозвищ на русский язык / Н.А. Аблова // Образование и культура России в изменяющемся мире. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – С. 81-84.
2. Абрамова О.Г. Поэма В. Маяковского «Облако в штанах» в Швеции / О.Г. Абрамова // Учёные записки Петрозаводского Государственного Университета: Научный журнал. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. №7 (120). Т.1. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – С. 74-78.
3. Авидзба Л., Сихарулидзе Ж. К проблеме передачи имен собственных в переводах / Л. Авидзба, Ж. Сихарулидзе // Acta linguistica. – 2012. – Vol. 6, iss. 2. – P. 115-122.
4. Автеньева Л.А., Бакастова Т.В. Корреляция предметно-логического и назывного значений антономасии в оригинале и переводе // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. / Ред. Ю.А. Карпенко, Д.С. Ищенко и др. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 162-167.
5. Алексеева М.Л. Перевод реалий и реалии перевода: Особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф.М. Достоевского / М.Л. Алексеева; Уральский государственный педагогический университет. – 2-е изд., перераб. – Екатеринбург, 2010. – 221 с.
6. Алексейцева Т.А. Примечания переводчика: за и против // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 99. – С. 117-121.
7. Алефиренко Н.Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н.Ф. Алефиренко // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – С. 5-9.
8. Алефиренко Н.Ф. Вопросы художественного перевода фраземики близкородственных языков // Актуальные вопросы теории и практики перевода:

сб. науч. тр., Белгород, 2012 г. / Отв. ред. Т.Д. Дьяченко, О.В. Дехнич. – Белгород, 2012. – С. 7-13.

9. Ананьина Н.Н. Стихотворение Ю. Тувима «Ты» в переводе А. Ахматовой: типологические схождения и различия / Н.Н. Ананьина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2008. – № 2 (2). – С. 8-11.

10. Ангелова Н. За някои собствени имена в прозата на А.С. Пушкин и предаването им в преводите на български език // Състояние и проблеми на българската ономастика / Съст. и отг. ред. Н. Ковачев. – Т. 6: Материали от юбилейната конференция, посветена на 80-годишнината на проф. Н. Ковачев (22-24 ноември 1999 г., гр. Велико Търново). – Велико Търново: Университетско изд-во «Св. Св. Кирил и Методий», 2002. – С. 257-265.

11. Андреева Л.И. Семантика литературного антропонима // Русская ономастика: Респ. сборник: (70-летию В.А. Никонова посвящается) / Под ред. В.Д. Бондалетова. – Рязань: Изд-во Ряз. ГПИ, 1977. – С. 157-160.

12. Аникина Т.А. К проблеме перевода имён собственных // Университетское переводоведение: Вып. 1 / Филол. фак. СПбГУ, Каф. англ. филологии и перевода; С.-Петербург. центр переводоведения им. А.В. Фёдорова; Под ред. И.В. Недялкова. – СПб.: СПбГУ, 2000. – С. 19-22.

13. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

14. Арват Ф.С. Иван Франко как переводчик («Мертвые души» Н.В. Гоголя в переводе И.Я. Франко): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.С. Арват. – Черновцы, 1968. – 25 с.

15. Арсенова И. Найден Геров и българско-руските отношения // Найден Геров в историята на българската наука и култура: Материали от Националната конференция с международно участие, 13-15 ноември 2000, София / Българска Акад. на науките. Ин-т за български език; Съст. Веса Кювлиева-Мишайкова. –

София: Проф. Марин Дринов, 2002. – С. 210-215.

16. Арсова-Николиќ Л. Странски имиња во македонскиот јазик: Адаптација и транскрипција со речник на географски имиња / Л. Арсова-Николиќ. – Скопје: Матица макед., 1998. – 371 с.

17. Ахметсагинова Л.И. Образы фразеологии военной сферы в рамках культурных кодов (на материале русского и немецкого языков) / Л.И. Ахметсагинова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2010. – № 4 (35). – С. 198-200.

18. Багинова Е.П. Имя и время в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Традиции славяно-русской культуры в Сибири: материалы 26-й Всероссийской научно-практической конференции / Н.К. Фролов (отв. ред.) [и др.]. – Тюмень, 2004. – С. 44-46.

19. Багинова Е.П. Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Багинова. – Тюмень, 2004. – 26 с.

20. Бартенева В.Г. Свита Воланда: к проблеме поэтики собственных имён в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Антология поэтонимологической мысли / Отв. ред. Е.С. Отин; сост. В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1. – С. 183-189.

21. Бартминый Е. Роль этимологии в реконструкции языковой картины мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международ. науч. конф., Екатеринбург, 8-10 сентября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / [ред. кол.: Е.Л. Березович (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 10-12.

22. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1979. – 258 с.

23. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост.

С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 421 с.

24. Белая Л.В. Лексико-семантические и функциональные особенности антропонимики М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита») / Л.В. Белая // Филологические науки, 1990, №5. – С. 103-110.

25. Бележки и комментарии // Булгаков М. Майстора и Маргарита: С бележки и комментарии / [Превод: Татьяна Балова]. – София: Издателство «Дамян Яков», 2012. – С. 449-495.

26. Белей Л.Л. Ономастикон «Гаррі Поттера» Джоан Ролинг – шляхи передачі / Л.Л. Белей // Λογος όνομαστικη. – 2008. – №2. – С. 81-84.

27. Белинский В.Г. Письмо Н.Х. Кетчеру (конец марта – начало апреля 1841 г.) // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т.12. Письма 1841-1848. – 1956. – С. 35-36.

28. Беличева И.В. Переводы произведений М.А. Булгакова на иностранные языки. Восприятие творчества Булгакова за рубежом // Университетское переводоведение: Вып. 2 / Филол. фак. СПбГУ, Каф. англ. филологии и перевода; С.-Петербург. центр переводоведения им. А.В. Фёдорова; Под ред. И.В. Недялкова. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 20-28.

29. Беличева И.В. Эволюция переводов романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» на русский язык // Университетское переводоведение: Вып. 3 / Филол. фак. СПбГУ, Каф. англ. филологии и перевода; С.-Петербург. центр переводоведения им. А.В. Фёдорова; Под ред. И.В. Недялкова. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 59-69.

30. Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / И. Белобровцева, С. Кульюс. – М.: Книжный Клуб 36.6, 2007. – 496 с.

31. Белова Ю.Г. Семантические приращения при переводе «говорящих» имён

собственных / Ю.Г. Белова // Вестник Череповецкого государственного университета: Социально-гуманитарные и технические науки. – Череповец: Череповецкий ГУ, 2004. – С. 55-58.

32. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики / Ю.А. Бельчиков // Язык: система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 30-35.

33. Беньковская Д. О влиянии переводов Священного Писания на польский литературный язык (до конца XVI века) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков / Отв. ред. Л.Н. Смирнов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 163-172.

34. Бережная М.В. Особенности передачи имён главных персонажей в фэнтезийном тексте // Университетское переводоведение: Вып. 9 / Филол. фак. СПбГУ, Каф. англ. филологии и перевода; С.-Петербург. центр переводоведения им. А.В. Фёдорова; отв. ред. В.И. Шадрин. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 432-436.

35. Берков П.Н. Русско-польские литературные связи в XVIII веке / П.Н. Берков. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 62 с.

36. Берков П.Н. Русская литература XVIII в. и другие славянские литературы XVIII-XX вв. (в порядке постановки вопроса о литературных контактах) // Русская литература XVIII века и славянские литературы: Исследования и материалы / Под ред. П.Н. Беркова, И.З. Сермана. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5-39.

37. Бирюкова О.А. Экспрессивные возможности прецедентных онимов в художественном тексте / О.А. Бирюкова // Казанская наука. – Казань, 2012. – № 6. – С. 135-138.

38. Бобохидзе Н.Г., Сагинадзе Р.С. Два перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на грузинский язык // Михаил Булгаков, его время и мы = Michaił Bułhakow, jego czasy i my: коллективная монография / Под ред. Гж. Пшебинды и Я. Свежего. – Краков: Skriptum, 2012. – С. 723-728.

39. Богомолова Н.А. Польские поэты XX в. в переводе Анны Ахматовой / Н.А. Богомолова // Советское славяноведение. – 1989. – № 4. – С. 40-50.

40. Бондалетов В.Д., Данилина Е.Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика: Сборник статей / Под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1970. – С. 194-200.

41. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для пед. ин-тов / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

42. Бревнова Ю.С. Проблемы перевода серии книг о Гарри Потере Дж. К. Ролинг // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы межвузовской конференции / Сост. Темнова Л.В., Тарасов Е.Ф. и др. – М.: МОСУ, 2002. – С. 141-144.

43. Будагова Л.Н. О переводах поэзии Витезслава Незвала на русский язык / Л.Н. Будагова // Советское славяноведение. – 1965. – № 4. – С. 82-96.

44. Булгакова С.Ю. Способ реноминации лингвокультурных реалий как формальный маркер стратегии перевода «Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: Материалы международной заочной научно-практической конференции / С.Ю. Булгакова. – Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2012. – С. 60-68.

45. Бунеев Г.А. Ономастическое пространство романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и повести «Тайга»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Бунеев. – Воронеж, 2011. – 19 с.

46. Бунеева Е.В. Имена собственные как хронотоп в маленьких поэмах С.А. Есенина (1912-1915) / Е.В. Бунеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. – 2010. – №2. – С. 18-21.

47. Буторина Г.Г., Кислицына Е.Н. Антропонимы в сказке Л.Кэрролла «Алиса

в стране чудес» // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.Н. Оношко. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2010. – С. 48-50.

48. Васева И. Теория и практика перевода / И. Васева. – София: Наука и искусство, 1982. – 254 с.

49. Васева И. Стилистика на превода / И. Васева. – София: Наука и искусство, 1989. – 327 с.

50. Васева И. Русские личные имена сквозь призму болгарской культуры / И. Васева // Българска русистика. – 2005. – № 3-4. – С. 63-67.

51. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильева. – Изд. 2-е, испр. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 223 с.

52. Васильева Т.М. Перевод русских фразеологических единиц на сербохорватский язык (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»): дис. ... канд. филол. наук / Т.М. Васильева. – Л., 1984. – 197 с.

53. Величкович Д. К проблеме межславянского перевода русских и сербских пословиц // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов / Науч. ред. Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2003. – Вып. 26. – С. 117-125.

54. Велюгин А. С высоты возраста // Я. Хелемский. Из года в год: книга стихов и переводов / Я.А. Хелемский; авт. предисл. А. Велюгин. – Минск: Мастацкая литература, 1973. – 366 с.

55. Вендина Т.И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования / Т.И. Вендина. – М.: Наука, 1990. – 168 с.

56. Вендина Т.И. Семантическая функция суффикса и сопоставительное изучение славянского словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков / Инст-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1994. – С. 80-93.

57. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 248 с.

58. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / Акад. наук СССР, Отд. лит. и языка; отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

59. Виноградов В.С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 221 с.

60. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 174 с.

61. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Отв. ред. А.Н. Кожин. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

62. Владова И. Лингвокультурная двойственность переводного художественного текста // Слово: Юбилейен сборник, посветен на 70-годишната на професор Ирина Червенкова / Съст. Н. Делева, А. Липовска. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2001. – С. 271-280.

63. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Флорин, С. Влахов. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 352 с.

64. Влахов С. К вопросу о болгарской транскрипции русских имён собственных / С. Влахов // Болгарская русистика. – 1989. – № 5. – С. 66-79.

65. Водоватова Т.Е., Митина О.В. Прецедентное имя собственное в художественном произведении как проблема перевода // Типология высказывания и текста: Сборник статей / Гл. ред. Молчкова Л.В. – Самара: НОУ ВПО Международный институт рынка, 2008. – С. 172-179.

66. Володзько-Буткевич А. Польский Булгаков (очерк восприятия) // Михаил Булгаков, его время и мы = Michał Bułhakow, jego czasy i my: коллективная монография / Под ред. Гж. Пшебинды и Я. Свежего. – Краков: Skriptum, 2012. –

С. 669-683.

67. Вылегжанина Н.В. К проблемам перевода ономастических единиц в художественном тексте // Социокультурные аспекты профессионально-делового общения: Материалы международной научной конференции, посвящённой Дням славянской письменности и культуры / Отв. ред. А.М. Ломов; Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. – Воронеж, 2003. – С. 137-141.

68. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

69. Гак В.Г. Теория и практика перевода: французский язык / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – 3-е изд. – М.: Интердиалект, 2000. – 454 с.

70. Галь Н. Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Корабля дураков» / Н. Галь. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 368 с.

71. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. – 542 с.

72. Гасек Б. Фраземы в польско-русском переводе // Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели: Материалы V международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации 1 июля 2011 г. / Ред. Н.В. Иванов. – М.: Книга и бизнес, 2011. – С. 594-601.

73. Гаспаров М. Брюсов и буквализм (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Поэтика перевода: Сб. ст. / Сост. С. Гончаренко; Авт. предислов. Е. Николова. – М.: Радуга, 1988. – С. 29-62.

74. Георгиев С. Семасиологични проблеми на собствените имена // Състояние и проблеми на българската ономастика: доклади, съобщения, изказвания и материали от Кръглата маса по българска ономастика, проведена на 16 и 17 юни 1989 година във Великотърновския университет «Св. св. Кирил и Методий» / Съст. и отг. ред.: Н. Ковачев. – Велико Търново, 1990. – С. 105-111.

75. Глухова С.Л. Коннотация как объект лингвистических исследований //

Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.Н. Оношко. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2010. – С. 58-60.

76. Говердовский В.И. Коннотемная структура слова / В.И. Говердовский. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1989. – 95 с.

77. Гоголь Н.В. Письмо Максимовичу М.А., 20 апреля 1834 г. С.-Петербург // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т.10. Письма, 1820-1835 / Ред. В.В. Гиппиус. – 1940. – С. 310-313.

78. Головина Л.С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.С. Головина. – Волгоград, 2013. – 25 с.

79. Головкин Н.В. Лингвокультурологический аспект художественного перевода антропонимов (на материале современной развлекательной фантастики) / Н.В. Головкин // *Ab ovo*. Студенческий научный журнал АГУ. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. – С. 161-162.

80. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы // *Язык, коммуникация и социальная среда: межвузовский сборник научных трудов* / Воронеж. гос. ун-т; В.Б. Кашкин. – Воронеж : Изд. О.Ю. Алейников, 2007. – С. 152-168.

81. Горбачевский А.А. Имя собственное в тексте перевода // Ономастика Поволжья: тезисы докладов VIII междунар. конф. Волгоград, 8-11 сент. 1998 г. / Отв. ред. и сост. В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 159-161.

82. Горина В., Милостивая А. Семантическая компрессия культуронимов в немецком переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как следствие различий национальных менталитетов русских и немцев // *Русская филология*. 21: Сборник научных работ молодых филологов / Отв. ред. С. Долгорукова,

О. Ягинцева; Отделение славянской филологии Тартуского университета. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. – С. 157-162.

83. Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 624 с.

84. Гребенюк О.А. Переводимость имён собственных / О.А. Гребенюк // Университетское переводоведение. Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения» 24-26 октября 2002 г. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. – С. 112-122.

85. Гринштейн А.С. Коннотативные значения имён собственных и лингвокультурологические аспекты перевода // Коммуникация в диалоге культур: межвуз. сб. науч. статей / Под ред. А.А. Харьковской. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – С. 89-93.

86. Гудий К.А. Сопоставительный анализ стратегий и приёмов перевода ономастических реалий (на материале русского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.А. Гудий. – Тверь, 2015. – 16 с.

87. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 286 с.

88. Гулинов Д.Ю. К проблеме перевода культурно-маркированного имени с эмотивной коннотацией (на материале французского языка) // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 92-97.

89. Гумбольдт В. фон. Опыт анализа мексиканского языка // В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры / Пер. с немецкого языка; Сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – С. 360-369.

90. Гучепшокова С.А. От ономастики к лингвокультурологии / С.А. Гучепшокова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – №4. – С.37-38.

91. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста / И.В. Гюббенет. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 110 с.

92. Гюлумянц К.М. Некоторые способы передачи фразеологизмов польского языка на русский // Тыпалогія і гісторыя славянскіх моў і ўзаемазвязі славянскіх літаратур: (тэзісы дакладаў і паведамленняў) / Отв. ред. А.Е. Супрун. – Минск: Изд. БГУ, 1967. – С. 84-87.

93. Гудманян А.Г. Відтворення власних назв у перекладі: Автореф. дис. ... доктора філол. наук / А.Г. Гудманян. – Київ, 2000. – 29 с.

94. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Гослитиздат, 1957. – 990 с.

95. Даниленко Л.И. Коннотативные стереотипы чешской паремиологии // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. / [редкол.: В.М. Мокиенко и др.]. – М.: Элпис, 2006. – С. 405-409.

96. Данилова А.В. Традиции барокко в хорватской театральной культуре конца XVIII – начала XIX вв. // Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи: сборник / редкол.: А.И. Рогов и др. – М.: Наука, 1979. – С. 132-170.

97. Делль Агата Джузеппе. Русский перевод «Царства славян» Мауро Орбини / Д. Делль Агата // Советское славяноведение. – 1990. – № 5. – С. 58-68.

98. Демидова Е.В. Универсальные факторы варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе (на материале рассказов В.М. Шукшина и их англоязычных переводов): дис... канд. филол. наук / Е.В. Демидова. – Барнаул, 2011. – 218 с.

99. Денисова Е.В. Прецедентные фольклорные имена в английском и русском языках как проблема перевода (на материале художественных текстов): дис...

канд. филол. наук / Е.В. Денисова. – СПб., 2011. – 219 с.

100. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Передача славянских имён при переводах / П.А. Дмитриев, Г.И. Сафронов // Теория и критика перевода: Сборник. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. – С. 148-157.

101. Дмитриев П.А. Из истории изучения славянской филологии в Санкт-Петербургском университете (XVIII-XIX вв.) // Разные грани единой науки: учёные – молодым славистам: [Стенограммы лекций курса «Введение в славянскую филологию»] / Отв. ред. П.А. Дмитриев, Г.И. Сафронов. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 1996. – С. 17-39.

102. Дракулич-Прийма Д. Фразеологические единицы из сербского эпоса и их перевод на русский язык // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. / [редкол.: В.М. Мокиенко и др.]. – М.: Элпис, 2006. – С. 413-418.

103. Дучевска А. За транскрипцијата // Актуелните состојби во македонскиот јазик: Зборник на трудови од собирот, одржан на 16 март 2003 / Редактор С. Велковска. – Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2005. – С. 21-29.

104. Елисеева В.В. Имена собственные и информационная структура художественного текста // Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 11-16 марта 2002 г., Санкт-Петербург / С.-Петербург. гос. ун-т, филол. фак. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. – С. 11-14.

105. Енчева Н. Към въпроса за превода на умалителните лични имена (върху материал от българския и руския език) / Н. Енчева // Съпоставително езикознание. – 1990. – № 2. – С. 43-48.

106. Ермолович Д.И. К вопросу о раскрытии содержательной структуры имён собственных в переводе // Тетради переводчика: Вып. 18 / Под ред.

Л.С. Бархударова. – М.: Междунар. отношения, 1981. – С. 64-77.

107. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собств. с точки зрения лингвистики и теории пер. / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 198 с.

108. Ермолович Д.И. Теория перевода и ономастика // Вестник МГЛУ. Вып. 488: Перевод и стилистические ресурсы языка / Ред. кол. Д.В. Псурцев, Р.Р. Николаевская и др. – М.: МГЛУ, 2004. – С. 67-90.

109. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В.В. Пасека, С.П. Сафроновой; Под ред. Б.А. Ильиша. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.

110. Ефимова М.Н. Языковые особенности немецкой авторской сказки, способы и приёмы достижения эквивалентности при переводе / М.Н. Ефимова // Ab ovo. Студенческий научный журнал АГУ. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2004. – С. 163-164.

111. Жакова Н.К. К истории переводов драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» на чешский язык // Взаимосвязи славянских литератур: Сборник статей / Под ред. Г.И. Сафронова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. – С. 111-130.

112. Жданов О.К. Метонимическое словообразование на основе имён собственных / О.К. Жданов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1963. – 24 с.

113. Живов М. Юлиан Тувим – пропагандист русской поэзии / М. Живов // Мастерство перевода: Сборник 1962. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 395-434.

114. Жулидов С.Б. Лингвистическая репрезентация имен собственных при переводе (на примере сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес») / С.Б. Жулидов // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 6 (36). – Ч. II. – С. 59-62.

115. Заболотная С.А. Особенности перевода ономастической системы романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» на македонский язык // Материалы по

русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2007. – Вып. 28. – С. 397-401.

116. Заболотная С.А. Ономастическая система романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на словацкий язык // Материалы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2008. – Вып. 29, ч. 2. – С. 377-384.

117. Заболотная С.А. Ономастическая система романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на словацкий язык // Язык и общество: проблемы, поиски, решения / Под общ. ред. Д.Г. Ищук. – СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2008. – С. 52-58.

118. Заболотная С.А. Ономастика романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в переводе на южно- и западнославянские языки // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 536-537.

119. Заболотная С.А. Проблемы смысловой эквивалентности в переводах ономастической системы романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Диалог культур: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения». – М.-Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 43-49.

120. Заболотная С.А. Основные лингвокультурные проблемы передачи ономастических единиц в художественном тексте при переводе с русского на иные славянские языки // Славянские языки и культуры в современном мире: Труды и материалы / Сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров, К.В. Лифанов; Под общ. рук. М.Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С. 333-334.

121. Заболотная С.А. Представление ономастической системы

художественного текста в переводе на македонский язык (на примере переводов произведений М.А. Булгакова) // Руско-македонски јазични, литературни и културни врски / Ред. М. Каранфиловски. – Скопје: УКИМ, 2014. – С. 383-392.

122. Заболотная С.А. Теоретические предпосылки передачи ономастических единиц в переводах с русского на другой славянский язык / С.А. Заболотная // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2012. – № 2. – С. 56-58.

123. Заболотная С.А. Способы и стратегии передачи имен собственных при славяно-славянском переводе художественного текста / С.А. Заболотная // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2012. – Вып. 2 (18). – С. 164-172.

124. Заболотнаја С. Ословувањето во преводите на дела од руски на македонски јазик / С. Заболотнаја // XXXIX научна конференција на меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура: Лингвистика. – Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», 2013. – С. 269-272.

125. Заболотная С.А. К проблеме переводимости имени собственного в художественном тексте // Материалы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2014. – Вып. 32. – С. 147-153.

126. Заболотная С.А. Топонимическая коннотация в славяно-славянском переводе // Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики: сб. научн. тр. Вып. II / Редкол.: В.В. Никульцева (отв. ред.) [и др.]. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – С. 80-85.

127. Заболотная С.А. К вопросу об ономастической коннотации в славянском языковом пространстве / С.А. Заболотная // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы IX Международной научной конференции. – Майкоп: АГУ, 2014. – С. 119-122.

128. Заболотная С.А. К вопросу о представлении этикетной формы имени с отчеством в славяно-славянском художественном переводе / С.А. Заболотная // ФИЛОЛОГОС. – Вып. 23 (4). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – С. 41-46.

129. Заболотная С.А. Личное имя и этикетные маркеры как показатель хронотопа художественного текста в переводе // Translating cultures = Културе у преводу: Међународна научна конференција од 4. до 6. јуна 2015. године: Зборник резимеа / Уредници: А. Вранеш, Љ. Марковић. – Београд: Универзитет у Београду, Филолошки факултет, 2015. – С. 163-166.

130. Зевина И.В. Имена собственные как национально-культурный компонент в языке художественной литературы // Проблемы региональной ономастики: Материалы 2-ой межвуз. науч.-практ. конф. / Р.Ю. Намитокова (отв. ред.) и др. – Майкоп: АГУ, 2000. – С. 101-105.

131. Зимовец Н.В. Выразительные возможности имен собственных в художественных произведениях и проблемы их перевода / Н.В. Зимовец // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2009. – № 8 (27). – Ч. II. – С. 77-79.

132. Злыднев В.И., Мыльников А.С. Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII в. – 70-х гг. XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования славянских наций: международная научная конференция. Москва 1974: Тезисы докладов и сообщений. – М.: Наука, 1974. – С. 5-7.

133. Злыднев В.И. Советско-болгарские литературные связи (вторая половина 30-х – начало 40-х годов) // Сравнительно-историческое изучение и теоретические вопросы развития современных литератур / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; Редкол.: Ю.В. Богданов и др. – М.: Наука, 1985. – С. 141-150.

134. Зубкова Л.И. Своеобразие и типы антропонимической коннотации / Л.И. Зубкова // Филологические науки. – 2009. – №1. – С. 65-73.

135. Зырянова М.В. Реноминация лингвокультурных реалий (на материале французских переводов пьес А.П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук / М.В. Зырянова. – Воронеж, 2011. – 24 с.

136. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А.О. Иванов. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 190 с.

137. Иванова О. Студии од топонимијата и антропонимијата / О. Иванова. – Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1999. – 360 с.

138. Игнатович М.В. Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века: дис... канд. филол. наук / М.В. Игнатович. – М., 2011. – 168 с.

139. Йелинек И. Преобразованные фразеологизмы в поэзии Владимира Высоцкого как проблема перевода на чешский язык // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. / [редкол.: В.М. Мокиенко и др.]. – М.: Элпис, 2006. – С. 426-429.

140. Јовановић М. О превођењу. Техника превођења // М. Јовановић. – Београд: Удружење научних и стручних преводаца Србије, 2001. – 168 с.

141. Йонаш Э.Ч. Проблематика венгерских переводов Пастернака / Э.Ч. Йонаш // *Studia Slavica Savariensia* 1-2: VIII Nemzetközi Szlavisztikai Napok 2006. május 26-27. – Szombathely, 2007. – S. 98-110.

142. Казакова Т.А. Переводческий комментарий: структура и функции / Т.А. Казакова // Университетское переводоведение. Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения» 24-26 октября 2002 г. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. – С. 160-178.

143. Калашников А.В. Перевод значимых имен собственных: Дис. ... канд. филол. наук / А.В. Калашников. – М., 2004. – 251 с.

144. Калинкин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинкин. – Донецк: Юго-Восток,

1999. – 408 с.

145. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е, стереотипное / Ю.Н. Караулов. – М.: УРСС, 2004. – 264 с.

146. Карпенко Ю.А. О функциях собственных имён // *Spoločenské fungovanie vlastných mien: VII. Slovenská onomastická konferencia (Zemplínska šírava 20.-24. septembra 1976): zborník materiálov / zost. M. Majtán.* – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 1980. – S. 9-16.

147. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в общенародном языке и художественной литературе / Ю.А. Карпенко // *XV Internationaler Kongreß für Namen-forschung. Resúmees der Vortrage und Mitteilungen.* – Leipzig, 1984. – S. 88-89.

148. Карпенко Ю.А. Теоретическая ономастика и практика перевода собственных имен на славянские языки // *IX Республіканська славістична конференція. Великий Жовтень і розвиток духовної культури слов'янських народів: Тези доповідей і повідомлень / АН УРСР; Под ред. В.М. Рунависький.* – Одеса, 1987. – Вип.1. – С. 165-167.

149. Карский Е.Ф. Малорусский луцидарий по рукописи XVII в. // *Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е.Ф. Карский.* – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 518-557.

150. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 382 с.

151. Кашкин И.А. Для читателя-современника: статьи и исследования / И.А. Кашкин. – М.: Сов. писатель, 1977. – 558 с.

152. Киселёва И.А. Проблема перевода топонимов и реалий в литературе жанра фэнтези // *Университетское переводоведение: Вып. 8 / Филол. фак. СПбГУ, Каф. англ. филологии и перевода; С.-Петербург. центр переводоведения им. А.В. Фёдорова; Под ред. И.В. Недрякова.* – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 195-199.

153. Киселёва И.В. Специфика языковой реализации основных семантических зон в «Крымских сонетах» А. Мицкевича и их русских переводах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Киселёва. – СПб., 2000. – 22 с.

154. Кислицына Н.Н. Коннотативное значение в аспекте перевода / Н.Н. Кислицына // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы II международной конференции. – М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2012. – С. 247-251.

155. Кишкин Л.С. Проблема национального образного мышления и методология изучения межславянских связей // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов. Прага, авг. 1968. Доклады сов. делегации / Под ред. Д.Ф. Маркова, А.Н. Робинсон. – М.: Наука, 1968. – С. 244-263.

156. Князькова В.С. Отражение лексического своеобразия прозы А.И. Солженицына в словацких переводах (на материале рассказа «Один день Ивана Денисовича»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.С. Князькова. – СПб, 2009. – 22 с.

157. Коваленко Ю.Д. Когнитивная категория художественного пространства и ее репрезентация в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»: Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Ю.Д. Коваленко. – Омск, 2002. – 22 с.

158. Ковалёв Г.Ф. Автобиографизм ономастики М.А. Булгакова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: ВГУ, 1999. – Вып. 24. – С. 64-75.

159. Ковалёв Г.Ф. Ономастические этюды: писатель и имя / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 275 с.

160. Ковалёв Г.Ф. Писатель. Имя. Текст / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 92-141.

161. Ковалёв Г.Ф. Ономастическое комментирование на уроке русской словесности / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 152-188.

162. Ковалёв Г.Ф. Имена в художественном тексте и проблемы их перевода /

Г.Ф. Ковалёв // Социокультурные проблемы перевода. – Вып. 7, ч. 2. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 278-288.

163. Ковалёв Г.Ф. Имена в художественном тексте и проблемы их перевода // Русистика на рубеже веков: юбилейная книга в честь профессора А. Палиньского / ред.: З. Чапига, Гж. А. Зенталя. – Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009. – С. 60-68.

164. Ковалёв Г.Ф. М.А. Булгаков и имя (Биографизм ономастики в творчестве М.А. Булгакова) // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 24. Михаил Булгаков: о творчестве и судьбе / Отв. ред. И.Г. Минералова, О.Ю. Юрьева. – М.; Иркутск: Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2011. – С. 116-162.

165. Ковалёв Г.Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год / Г.Ф. Ковалёв; ВГУ. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2014. – 346 с.

166. Ковалёв Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. – 447 с.

167. Ковачев Н. Българската личноименна система // Ковачев Н. Честотно-етимологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия / Н. Ковачев. – Велико Търново: ПИК, 1995. – С. 11-20.

168. Ковтун Л.С. Азбуковники XVI-XVII вв.: старшая разновидность / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. – Л.: Наука, 1989. – 296 с.

169. Ковтун Л.С. Языкознание у восточных славян в XI-XV вв. // История лингвистических учений: Позднее Средневековье / Отв. ред. А.В. Десницкая. – СПб.: Наука, 1991. – С. 182-207.

170. Кожемякина Л.В. Передача имён собственных // Перевод в XXI веке. Международная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 42-43.

171. Коздра М. Некоторые проблемы передачи польских имён собственных

на русский язык // Русская филология. 19: Сборник научных работ молодых филологов / Отв. ред. Р. Войтехович, Н. Йоонас, О. Наумова; Отделение славянской филологии Тартуского университета. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008. – С. 194-199.

172. Колышева Е.Ю. Поэтика имени в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита»: Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Колышева. – Волгоград, 2005. – 27 с.

173. Комиссаров В.Н. Слово о переводе: Очерк лингвистического учения о переводе / В.Н. Комиссаров. – М.: Междунар. отношения, 1973. – 216 с.

174. Комиссаров В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

175. Кондакова Ю.В. Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Кондакова. – Екатеринбург, 2001. – 27 с.

176. Копенкина С.И. Предложения с категорией состояния русского языка в переводе на чешский и английский языки (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») / С.И. Копенкина // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 12 (42). – Ч. III. – С. 98-100.

177. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

178. Коротких С.А. Ономастика романа «Братья Карамазовы» / С.А. Коротких. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 199 с.

179. Корунець І.В. Теорія і практика перекладу / І.В. Корунець. – Кіпв: Вища школа, 1986. – 176 с.

180. Костионова М.Ю. Перевод говорящих фамилий (на материале рассказов А.П. Чехова) // Современные подходы к исследованию ментальности / Санкт-Петербургский гос. ун-т; отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2011. –

С. 580-586.

181. Костюшко Р. Проблемы межславянского поэтического перевода: Иван Франко и Анна Ахматова // Классика и современность: сборник научных трудов молодых ученых-филологов / Под ред. Т.В. Сенькевич. – Брест, 2011. – С.120-123.

182. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Лекционный курс / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 282 с.

183. Крисань М. Детская книга-головоломка в переводе с английского на славянские языки на примере книги Иана Уайброу «Little Wolf's book of badness» // Warsztaty translatorskie = Workshop on translation; Red. R. Sokolowski, H. Duda, K. Klimkowski. – Lublin: Towarzystwo naukowe katolickiego uniwersytetu Lubelskiego; Ottawa: Slavic research group University of Ottawa, 2003. – № 3. – S. 89-95.

184. Кружков Г. Вас беспокоит «ЛГ» // Литературная газета, 28 ноября – 4 декабря 2012 г. № 48 (6394). – С. 5.

185. Кузнецова И.В. Библейские персонажи в украинских устойчивых сравнениях (на славянском фоне) / И.В. Кузнецова // Славяноведение. – 2006. – № 2. – С. 92-103.

186. Кульпина В.Г. Очерки по ономастическому переводу и лингводидактике / В.Г. Кульпина. – Warszawa: BEL studio, 2013. – 160 с.

187. Кундзич А. Переводческая мысль и переводческое недомыслие / А. Кундзич // Вопросы художественного перевода: Сборник статей. – М.: Советский писатель, 1955. – С. 213-258.

188. Лагоденко Д.В. Особенности перевода прецедентных текстов в зеркале культуры / Д.В. Лагоденко // Перевод в XXI веке. Международная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 50-52.

189. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке /

Л.П. Лаптева. – М.: Индрик, 2005. – 847 с.

190. Ларина Т.И. Ономастические тропы: семантика и функционирование / Т.И. Ларина. – Минск: РИВШ, 2011. – 163 с.

191. Лахно А.В. Имя собственное как объект сопоставительного исследования. Системообразующие свойства имени / Дис. ... канд. филол. наук / А.В. Лахно. – М., 2006. – 219 с.

192. Левый И. Искусство перевода / Пер. с чешского и предисловие Вл. Россельса. – М.: Прогресс, 1974. – 400 с.

193. Ленков Г. Приближаясь к Пушкину / Г. Ленков // Иностранная литература. – 1977 – № 12. – С. 228.

194. Лесскис Г. Последний роман Булгакова / Г. Лесскис // Собрание сочинений: В 5 т. / М.А. Булгаков. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 5. – С. 607-664.

195. Лесскис Г. Триптих М. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии / Г. Лесскис. – М.: ОГИ, 1999. – 432 с.

196. Лещинская Т.А. Прагматический аспект комического в немецком переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Т.А. Лещинская // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы II международной конференции. – М.: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2012. – С. 313-319.

197. Ликоманова И. Славяно-славянският превод: лингвистичен подход към художествения текст / И. Ликоманова. – София: Св. Климент Охридски, 2006. – 301 с.

198. Лилова А. Введение в общую теорию перевода: [Пер. с болг.] / А. Лилова; Под общ. ред. П.М. Топера. – М.: Высш. шк., 1985. – 256 с.

199. Линтнер Е.В. Основные характеристики имени собственного в этнокультурном плане / Е.В. Линтнер // Перевод и межкультурная коммуникация: II Региональная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. – Обнинск:

ИАТЭ НИЯУ МИФИ, 2010. – С. 14-23.

200. Липатов А.В. Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи: сборник / Редкол.: А.И. Рогов и др. – М.: Наука, 1979. – С. 39-98.

201. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. – 357 с.

202. Ломоносов М.В. О переводе / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений: В 11 т. / М.В. Ломоносов; гл. ред. изд.: С.И. Вавилов и др.; АН СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 7. – С. 768-769.

203. Лопачук К.В. Творення гри слів у німецькому, англійському та українських перекладах роману «Майстер і Маргарита» М. Булгакова / К.В. Лопачук // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. пр. / Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – Київ: КНУ, 2010. – Вип. 31. – С. 86-89.

204. Лукманова Р.Р. Адекватность перевода художественного текста: семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Р. Лукманова. – Уфа, 2012. – 26 с.

205. Любимов Н. Книга о переводе: сборник / Н. Любимов. – М.: Б.С.Г.-Пресс, 2012. – 304 с.

206. Магазаник Э. Б. Имена собственные в художественной литературе // Русская речь. – М., 1968. – № 3. – С. 23-24.

207. Магазаник Э. Б. Роль антропонима в построении художественного образа // Ономастика. – М., 1969. – С. 162–163.

208. Магазаник Э.Б., Ройзензон Л.И. Поэтическая ономастика и фонетическая экспрессия (К интерпретации собственных имен в русской художественной литературе) / Магазаник Э.Б., Ройзензон Л.И. // Труды Самаркандского университета. – Самарканд, 1971. – Вып. 214. – С. 60-72.

209. Магазаник Э. Б., Ройзензон Л.И. Ономастика и ономапоэтика //

Труды Самаркандского ун-та. – Самарканд, 1974. – Вып. 264. – С. 7-10.

210. Магазаник Э.Б. Ономапозтика, или «говорящие имена» в литературе / Э.Б. Магазаник. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.

211. Малиева Э. «Доктор Живаго» Пастернака: к проблеме перевода / Э. Малиева // Славяноведение. – 1994. – № 1. – С. 14-20.

212. Малити-Франева Э. К вопросу о переводе «Петербурга» Андрея Белого на словацкий язык: Заметки переводчицы // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Науч. совет РАИ «История мировой культуры»; Гос. музей А.С. Пушкина. – М.: Наука, 2008. – С. 389-397.

213. Маньковская Г.Л. О национальной локализации в художественном переводе / Г.Л. Маньковская // Советское славяноведение. – 1970. – № 5. – С. 36-45.

214. Маркевич В.И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках / В.И. Маркевич // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 7 (37). – Ч. II. – С. 136-139.

215. Мароевић Р. Лингвистика и поетика превођења: међусловенски превод / Р. Мароевић. – Београд: Научна књига, 1989. – 238 с.

216. Мароевич Р. Грамматические проблемы перевода на близкородственный славянский язык / Р. Мароевич // Болгарская русистика. – 1990. – № 3. – С. 85-88.

217. Мароевич Р. Между Вуком и Пушкиным – переложения сербских народных песен А.Х. Востокова / Р. Мароевич // Советское славяноведение. – 1990. – № 1. – С. 49-57.

218. Мартемьянова Н.В. Символика личных имён в языке и переводе // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы межвузовской конференции / Сост. Темнова Л.В., Тарасов Е.Ф. и др. – М.: МОСУ, 2002. – С. 152-155.

219. Мархвинский А. Эквивалентность и переводимость // Проблемы

изучения отношений эквивалентности в славянских языках / Ред. С. Сятковский, Т. Тихомирова. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 45-52.

220. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2004. – 208 с.

221. Махова Л.Б. Культурно-коннотированная административная лексика в переводах «Анны Карениной» // Общество. Среда. Развитие (Terza Humana). – 2011. – №4. – С.118-122.

222. Мгеладзе Д.С. От собственных имен к нарицательным: Слова антропонимического происхождения в русском языке / Д.С. Мгеладзе, Н.П. Колесников. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1970. – 193 с.

223. Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XV веков / Н.А. Мещерский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 112 с.

224. Мжельская О.К. Влияние языковой картины мира на концептуализацию заимствованных имен собственных // Вестник ИГЛУ. – 2009. – №1. – С.37-44.

225. Мико Ф. Передача звучания при переводе лирической поэзии // Поэтика перевода: Сб. ст. / Сост. С. Гончаренко. – М.: Радуга, 1988. – С. 124-136.

226. Милейковская Г.М. Русское отчество в польском тексте // Nazwy własne a wyrazy pospolite w języku i tekście: materiały z Międzynarodowej Konferencji Onomastycznej w Opolu-Szczedrzyku, 12-13 X 1984 r. / [red. nauk. H. Borek, S. Kochman]. – Opole: Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu, 1986. – S. 165-174.

227. Минбо Я. Проблемы восприятия имён собственных художественного текста в оригинале и переводе (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Материалы XXXIX Международной филологической конференции 15-20 марта 2010 г. Актуальные проблемы переводоведения / Под ред. В.И. Шадрина. – СПб.: Фил.фак. СПбГУ, 2010. – С. 159-161.

228. Мирам Г.Э. Профессия: переводчик / Г. Мирам. – Киев: Ника-центр, 1999. – 158 с.

229. Мирзаханова Н.И. Имя собственное в системе безэквивалентной лексики (в аспекте перевода) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Ниж. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 79-86.

230. Миронова Н.Н. Билингвистические и бикультурные проблемы художественного перевода / Н.Н. Миронова // Знание, понимание, умение. – 2004. – № 1. – С. 108-116.

231. Михайлов А.Д. Топонимика и проблемы теории перевода // Человек – Искусство – Общество: закон целого / Отв. ред. Б.Л. Рифтин; Инст. мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 127-134.

232. Михайлов В.Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе // Антология поэтонимологической мысли / Отв. ред. Е.С. Отин; сост. В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1. – С. 115-157.

233. Михайлов В.Н. Специфика собственных имён в художественном тексте // Антология поэтонимологической мысли / Отв. ред. Е.С. Отин; сост. В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1. – С. 82-92.

234. Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. – Белгород: Изд-во БГУ, 2003. – 208 с.

235. Молочковский Ю. Легче или труднее? (Об особенностях перевода чешской прозы) / Ю. Молочковский // Мастерство перевода: Сборник 1962. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 203-224.

236. Момировска М. Преведување на онимите // Стандардизацијата на географските имиња во Република Македонија: Зборник на трудови од трибината одржана на 30 септември 2004 година / Редактор С. Велковска. – Скопје: Институт

за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2004. – С. 59-62.

237. Монахова К.И. О передаче собственных имён во французских переводах // Тетради переводчика: Вып. 18 / Под ред. Л.С. Бархударова. – М.: Междунар. отношения, 1981. – С. 64-77.

238. Муранска Н. Михаил Булгаков в словацком восприятии // Михаил Булгаков, его время и мы = Michail Buľhakow, jeho czasy i my: коллективная монография / Под ред. Гж. Пшебинды и Я. Свежего. – Краков: Skriptum, 2012. – С. 685-698.

239. Мусаев К. Культура языка перевода / К. Мусаев. – Ташкент: Изд-во «ФАН» УССР, 1982. – 188 с.

240. Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. – Л.: Наука, 1989. – С. 7-37.

241. Мырина Д.Ф. Антропонимы Н.В. Гоголя: структурно-семантический и переводческий аспекты / Д.Ф. Мырина // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 4 (34). – Ч. I. – С. 147-150.

242. Назаренко Л.Ю. Драмы А.П. Чехова в чешских переводах: история и современность / Л.Ю. Назаренко // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы II международной научной конференции. – М.: Высшая школа перевода МГУ, 2010. – 380-385.

243. Найдов Б.П. Импликация оценки в литературно-художественных антропонимах как проблема перевода // Исследования по романской и германской филологии / Отв. ред. Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1975. – С. 218-222.

244. Находкина А.А. Особенности перевода имен собственных (на материале якутского героического эпоса олонхо) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2008. – №2. – С. 68-73.

245. Недельковић В. Страна имена или превођење непреводивог / В. Недельковић // Језик данас. – 1997. – Бр. 4. – С. 1-5.

246. Некрасов Н.А. «Таинственная капля». Стихотворения М.А. Дмитриева. «Эпопея тысячелетия» Ипполита Завалишина. «Дневник девушки» Ростопчиной. «Сон и пробуждение» Божича-Савича. «Оттиски» Я.П. Полонского. «Переводы из Мицкевича» Н. Берга. «Евгений Онегин» Тёмного Человека / Н.А. Некрасов // Полное собрание сочинений и писем / Под общ. ред. В.Е. Евгеньева-Максимова, А.М. Еголина, К.И. Чуковского. – М.: Худож. лит., 1950. – Т. 9. – С. 432-443.

247. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода: учебное пособие / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 216 с.

248. Нелюбин Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней): учеб. пособие / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – 416 с.

249. Немировская А.Ф., Степанян А.Г. Аспекты перевода ономастического пространства (на материале романа О. Гончара «Твоя заря») // Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. / Ред. Ю.А. Карпенко, Д.С. Ищенко и др. – Киев: УМК ВО, 1988. – С. 175-186.

250. Немцев В.И. Михаил Булгаков: становление романиста / В.И. Немцев; Под ред. Н.П. Козлова. – Самара: Изд-во Сарат. ун-та. Самар. филиал, 1991. – 162 с.

251. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI-XVIII вв.: Библиографические материалы. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 248 с.

252. Николаева Т.М. О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики» / Т.М. Николаева // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 3-18.

253. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

254. Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в

прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропоники: сборник статей / Отв. ред. В.А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 33-56.

255. Нимчук В.В. Священное Писание на украинском языке // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков / Отв. ред. Л.Н. Смирнов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 39-69.

256. Новиков В.В. Михаил Булгаков – художник / В.В. Новиков. – М.: Московский рабочий, 1996. – 357 с.

257. Новикова М.Г. Понятия эквивалентности и адекватности перевода / М.Г. Новикова // Проблемы теории языка и переводоведения: Сб. статей № 34. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 79-86.

258. Новичков А.А. Ономастическое пространство англоязычных произведений фэнтези и способы его передачи на русский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Северодвинск, 2013. – 26 с.

259. Носко А.М. Специфика перевода колоритной лексики произведений Михаила Коцюбинского // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции / Гл. ред. А.Ф. Журавлёв, Н.Е. Ананьева. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 402-403.

260. Нуралова С.Э. Из истории переводов произведений У.М. Теккерея в России середины XIX в. // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю.Д. Левина / Ред. В.Е. Багно, Н.Д.Кочеткова. – СПб.: Наука, 2010. – С. 111-120.

261. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация / Ю.Л. Оболенская. – Изд. 3-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 264 с.

262. Оборнева О.В. К вопросу о методике выявления параметров, релевантных для перевода (переводимое и непереводаемое в имени) // Антология

поэтонимологической мысли / Отв. ред. Е.С. Отин; сост. В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1. – С. 304-309.

263. Орехова Н.Н. «Бескорыстен мудрости искатель». Юрий Крижанич, хорватский учёный-энциклопедист, просветитель, основоположник сравнительного славяноведения // Материалы по русско-славянскому языкознанию / Науч. ред. Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж: ВГУ, 2014. – Вып. 32. – С. 282-289.

264. Остапенко Д.И. Переводческий метатекст: характеристика и особенности / Д.И. Остапенко // Литература в диалоге культур: Материалы международной научной конференции. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2013. – С. 131-136.

265. Отин Е.С. Вторинна топонімізація конотативних географічних назв // Отин Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. – Донецк: Донеччина, 1997. – С. 219-234.

266. Отин Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Отин Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. – Донецк: Донеччина, 1997. – С. 279-285.

267. Очерки истории болгарской литературы XIX-XX веков / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения; под ред. В.И. Злыднева, Д.Ф. Маркова, С.В. Никольского. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 519 с.

268. Павлова А.Э. Антропонимы как языковые средства создания сатиры в творчестве М.А. Булгакова и традиции русской литературы // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. / [редкол.: В.М. Мокиенко и др.]. – М.: Элпис, 2006. – С. 245-248.

269. Паламарчук О.Л., Чмир О.Р. Українська національно маркована лексика

у міжслов'янських перекладах / О.Л. Паламарчук, О.Р. Чмир // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур: Пам'яті академіка Леоніда Булаховського: Збірник наукових праць. – Київ, 2010. – С. 99-104.

270. Пантелеева И.В., Прошина З.Г. Перевод эргонимов / И.В. Пантелеева, З.Г. Прошина // Культурно-языковые контакты: Сборник научных трудов. Вып. 3. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 118-126.

271. Пантюхова П.В., Красикова Е.Н. Лингвокультурная эквивалентность фразеологизмов-этнонимов как отражение антропологического кода в испанском и английском языках / П.В. Пантюхова, Е.Н. Красикова // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 3 (33). – Ч. II. – С. 152-156.

272. Пелихов Д.А. Лексические трансформации в переводе и расхождения с оригиналом (на примере перевода стихотворения В.С. Высоцкого «Кони привередливые» на польский язык) / Д.А. Пелихов // Литературный текст XX века: проблемы поэтики: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Н.Л. Лейдермана. – Челябинск: Полиграф-Центр, 2011. – С. 293-299.

273. Перевышина И.Р. Переводим сказку / И.Р. Перевышина // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 5 (23). – Ч. I. – С. 120-122.

274. Петков М. Имена в романите за Хари Потър в преводите на немски и български // Съпоставително езикознание. – 2008. – № 1. – С. 25-41.

275. Петкова М. Работа над переводом исторических художественных произведений. (Как я переводила роман Павла Загребельного «Роксолана» с украинского на болгарский) // Мовознавство: Доповіді та повідомлення на IV Міжнародному конгресі україністів / Відповід. редактор В. Німчук. – Київ: Університетське видавництво «Пульсари», 2002. – С. 375-379.

276. Петровић Н. Муке с речима: огледи о превођењу / Н. Петровић. –

Београд: Конрас, 2008. – 77 с.

277. Пеянович А. Проблемы перевода ФЕ с компонентом-концептом (на материале «Горного венца» и русских переводов) // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. / [редкол.: В.М. Мокиенко и др.]. – М.: Элпис, 2006. – С. 489-493.

278. Плахова О.А. Перевод советизмов как проблема межкультурной коммуникации (на материале произведений М.А. Булгакова) // Науч. вестн. Воронеж. гос. архит.-строит. ун-та. Сер.: Совр. лингв. метод.-дидакт. исслед. – Воронеж, 2010. – №13. – С. 183-191.

279. Пляскова Е.А. История обращения в русском языке: Автореф. дис. ... канд.филол. наук / Е.А. Пляскова. – Воронеж, 2002. – 19 с.

280. Пляскова Е.А. К истории утраты звательного падежа в русском языке / Е.А. Пляскова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. – 186 с.

281. Полонский Д.Г. Самоуничижительная модификация имён «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI-XVII вв. // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – С. 81-112.

282. Полякова Н.А. Роль, место и особенности перевода имён собственных в художественном тексте / Н.А. Полякова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 4. – С. 155-163.

283. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.

284. Попович А. Проблемы художественного перевода: Учеб. пособие / Пер. И.А. Бернштейн, И.С. Чернявской; Отв. ред. Н.А. Кондрашов. – М.: Высшая

школа, 1980. – 199 с.

285. Потебня А.А. Язык и народность // Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня; редкол.: М.Ф. Овсянников и др.; сост., вступ. ст., библиогр. и примеч. И.В. Иванько, А.И. Колодной. – М.: Искусство, 1976. – С. 253-285.

286. Потебня А.А. Из записок по теории словесности // Потебня А.А. Теоретическая поэтика: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Б. Муратова. – 2-е изд., испр. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.

287. Правда Е.А. Язык и культура славян: Учебное пособие / Е.А. Правда. – Воронеж: ВГПУ, 2015. – 112 с.

288. Правдикова А.В. Английская микропонимия как объект перевода (на материале произведений П.Г. Вудхауса) // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: Материалы научной конференции / Науч. ред. В.И. Супрун. – Вып. 5. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 282-285.

289. Прийтенко Е.Г. Функции имен собственных в романе М. Пруста «В поисках утраченного времени» в оригинале и в русском переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Прийтенко. – Москва, 2013. – 24 с.

290. Прокудина О.А. Антропоним в контексте художественного произведения // Вопросы английской контекстологии: Межвузовский сборник / Под ред. М.А. Кашеевой. – Вып. 2. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – С. 145-151.

291. Пронищев В.П. Синтаксис обращения / В.П. Пронищев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. – 87 с.

292. Проскурина Ю.И. Доминанты идиолекта Ивана Франко и их передача в украиноязычных автопереводах / Ю.И. Проскурина // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 8 (26). – Ч. I. – С. 139-141.

293. Прошина З.Г., Шевелева М.Е. Перевод корейских имён собственных с

английского языка на русский // Культурно-языковые контакты: Сборник научных трудов. Вып. 4. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 72-76.

294. Пунг М.С. О трудностях передачи значимых имён собственных с русского на иностранный язык / М.С. Пунг // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 2. – С. 72-74.

295. Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков: Белорус.-рус.-укр. поэтич. взаимоперевод. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 183 с.

296. Раевская М.А. Восприятие поэзии В.С. Высоцкого в Болгарии: переводы и критика (1972-2009): дис. ... канд. филол. наук / М.А. Раевская. – М., 2009. – 316 с.

297. Раздобудко-Човић Ј. Културолошка померања у преводу Његошевог Горског вијенца на руски језик: језичка слика света као одраз историјско-културолошких специфичности народа / Ј. Раздобудко-Човић // Стил. – Год. IV, број 4. – Београд, 2005. – С. 291-302.

298. Ревзин И.И. Основы общего и машинного перевода: Учеб. пособие пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. – М.: Высш. школа, 1964. – 243 с.

299. Реформатский А.А. Перевод или транскрипция? / А.А. Реформатский // Восточно-славянская ономастика: Сборник статей / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 311-332.

300. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 536 с.

301. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.

302. Очерки истории чешской литературы XIX-XX веков / Редкол.: Д.Ф. Марков и др. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 723 с.

303. Ристески Д. Руската книжевност во Македонија во крајот на XX и почетокот на XXI век // Славянские языки и культуры в современном мире: международный научный симпозиум: труды и материалы / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филол. фак.; сост.: О.В. Дедова, Л.М. Захаров; под общ. рук. М.Л. Ремнёвой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 403.

304. Рогалев А.Ф. Ономастика художественных произведений: Пособие для студентов филологических специальностей вузов / А.Ф. Рогалев. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. – 193 с.

305. Рогачева О.В. Имена Того-кого-нельзя-называть в литературном сериале Дж.К. Роулинг и его переводах на русский язык // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной конференции / Под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 375-379 с.

306. Рогов А.И. Проблемы славянского барокко // Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи: сборник / редкол.: А.И. Рогов и др. – М.: Наука, 1979. – С. 3-12.

307. Ролина О.К. Адаптация русских культуронимов при переводе на английский язык (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.К. Ролина. – СПб, 2009. – 21 с.

308. Россельс В.М. Перевод и национальное своеобразие подлинника / В.М. Россельс // Вопросы художественного перевода: Сборник статей. – М.: Советский писатель, 1955. – С. 165-212.

309. Россельс В.М. Подспоря и преграды (Заметки о переводе с близких языков) / В.М. Россельс // Мастерство перевода: Сборник 1962. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 151-178.

310. Россельс В.М. Сколько весит слово: Статьи разных лет / В.М. Россельс. – М.: Сов. писатель, 1984. – 430 с.

311. Рубцова С.Н. К вопросу о переводе культуронимов // Университетское

переводоведение: Вып. 3 / Филол. фак. СПбГУ, Каф. англ. филологии и перевода; С.-Петерб. центр переводоведения им. А.В. Фёдорова; Под ред. И.В. Недялкова. – СПб.: СПбГУ, 2002. – С. 432-436.

312. Русских А.С. Переводческие корреляты польских производных имен существительных в русском и белорусском языках: структурно-семантический аспект (на материале поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» и ее переводов на русский и белорусский языки): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Русских А.С. – Минск, 2009. – 24 с.

313. Рыжова М.И. Словенский поэт Миле Клопчич – переводчик стихотворений Пушкина // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Сб. ст. к IX Междунар. съезду славистов / АН СССР, Ин-т рус. лит.; Редкол.: М.П. Алексеев и др. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. – С. 308-337.

314. Рылов Ю.А. Антропонимы как часть языковой картины мира // Эссе о социальной власти языка / Под общ. ред. Л.И.Гришаевой. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 180-187.

315. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю.А. Рылов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. – 311 с.

316. Рылов Ю.А. Парадоксы антропонимии / Ю.А. Рылов // Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Сборник статей: Вып. 4. – М., 2007. – С. 70-77.

317. Рылов Ю.А. Имя собственное в переводе / Ю.А. Рылов // Язык и общество: коммуникация и интеграция: материалы международной научно-практической конференции. – М.: Московский гуманитарный институт, 2008. – С. 65-70.

318. Рыльский М.Ф. Художественный перевод с одного славянского языка на

другой / Ф.М. Рыльский. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 36 с.

319. Рябова М.В. Лингвокультурный фон и проблема переводческого анализа / М.В.Рябова // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. – № 8. – Ч. 2. – С. 166-169.

320. Сальмон Л. Личное имя в русском языке: Семиотика, прагматика перевода / Л. Сальмон. – М.: Индрик, 2002. – 159 с.

321. Сандауэр А. Заботы переводчика // Поэтика перевода: Сб. ст. / Сост. С. Гончаренко. – М.: Радуга, 1988. – С. 172-178.

322. Санжеева Л.В. Лингвострановедческий потенциал имени собственного и его учёт при переводе // Университетское переводоведение. Вып. 5: Под ред. В.И. Шадрина. – СПб: Изд-во филол. факультета СПбГУ, 2004. – С. 319-328.

323. Семенец О.Е. История перевода: учебное пособие / О.Е. Семенец, А.Н. Панасьев. – Киев: Изд-во Киевского гос. ун-та, 1989. – 292 с.

324. Сербско-хорватский язык: Историко-культурные тексты / Сост. А.Д. Дуличенко. – Тарту: ТГУ, 1986. – 139 с.

325. Сибиновић М. Оригинал и превод. Увод у историју и теорију превођења / М. Сибиновић. – Београд: Привредна штампа, 1979. – 191 с.

326. Сидоренко В.И. К проблеме перевода «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя на чешский язык // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции / Гл. ред. А.Ф. Журавлёв, Н.Е. Ананьева. – М: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 406-407.

327. Сидоркина Н.В. Перевод антропонимов в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» как переводческая проблема // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2008. – №317. – С.29-32.

328. Сидорова О.Г. Антропонимы в тексте перевода / О.Г. Сидорова // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки: История, филология, искусствоведение. Вып. 4. – 2001. – № 20. – С. 256-260.

329. Силаева Г.А. О содержании понятия «литературный антропоним» // Русская ономастика: Респ. сборник: (70-летию В.А. Никонова посвящается) / Под ред. В.Д. Бондалетова. – Рязань: Изд-во Ряз. ГПИ, 1977. – С. 152-156.

330. Симић Р. Српска граматика: 1. Увод, фонологија, морфологија / Р. Симић. – Ијекавско изд. – Београд: Научно друштво за неговање и проучавање српског језика: Јасен-Никшић, 2002. – 212 с.

331. Синявская-Суйковска Т.В. Восприятие чужого в Польше и России: заимствования, перевод и межкультурная коммуникация Назаренко / Т.В. Синявская-Суйковска // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы II международной научной конференции. – М.: Высшая школа перевода МГУ, 2010. – 508-512.

332. Сипко Й. Этнокультурный базис русско-словацких переводов / Й. Сипко. – Prešov: Náuka, 1999. – 144 с.

333. Сипко Й. Фамилии персонажей русской литературы в словацких переводах / Й. Сипко // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2000. – №3. – С. 44-48.

334. Скибо В.Н. О сопоставительно-стилистическом исследовании на материале оригинала и текста перевода // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков: Тез. докл. науч. конф. / Отв. ред. Ю.А. Рылов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 97-98.

335. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы») / С.А. Скуридина; Воронеж. гос. ун-т, Филол. фак., Каф. слав. филологии. – Воронеж: Науч. книга, 2007. – 301 с.

336. Смирнов О.К. Имена собственные в художественной литературе и специфика их перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1991. – 16 с.

337. Смирнова А.Ю. Художественная картина мира в поэзии И.А. Бродского и ее трансформация в англоязычных переводах / Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Смирнова. – Волгоград, 2013. – 23 с.

338. Соколов Б.В. Михаил Булгаков: загадки творчества / Б. Соколов. – М.: Вагриус, 2008. – 685 с.

339. Соловьёва А.М. Сопоставление оригинала и переводов как прикладной аспект лингвокультурологии // Труды молодых учёных. Вып. 2 / Гл. ред. И.И. Борисов. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 259-265.

340. Спектор Л.А. Отражение реалий русской культуры во французском переводе (на материале рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» и его перевода на французский язык / Л.А. Спектор // Филологические науки: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 7 (18). – Ч. II. – С. 194-196.

341. Станишич Й. Йован Дучич и русская культура / Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Сб. ст. к IX Междунар. съезду славистов / АН СССР, Ин-т рус. лит.; Редкол.: М.П. Алексеев и др. – Л.: Наука: Ленингр. отд., 1983. – С. 338-381.

342. Станојчић Ж., Поповић Љ. Граматика српскога језика: уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе / Ж. Станојчић, Љ. Поповић. – Друго, прерађено издање. – Нови Сад: Завод за издавање уџбеника, 1992. – 400 с.

343. Старостин Б.А. Транскрипция собственных имён: Практическое пособие / Б.А. Старостин. – М.: Книга, 1965. – 92 с.

344. Степаненко Е.В. Культурологические аспекты перевода македонской драмы на русский язык (на материале пьес Г. Стефановского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Степаненко. – М., 2007. – 19 с.

345. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

346. Супрун В.И. Передача экспрессивно окрашенных имён собственных в

художественном переводе (на материале переводов рассказов Чехова на чешский язык) // Славянская филология: Выпуск 7 / Под ред. проф. Г.А. Лилич. – СПб.: Изд. СПбГУ, 1993. – С. 117-135.

347. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / Супрун В.И.; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 171 с.

348. Суханова И.А. Способы передачи имен персонажей в английском переводе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной конференции / Под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 370-375.

349. Сычева А.В. Поэзия Булата Окуджавы в переводах на английский язык (исторические, лингвопереводческие и типологические аспекты): дис. ... канд. филол. наук / А.В. Сычева. – Магадан, 2011. – 260 с.

350. Твердислова Е.С. Дьявольский мастер – «польский» Булгаков // Михаил Булгаков: Современные толкования. К 100-летию со дня рождения. 1891 – 1991: Сборник обзоров / Отв. ред. Т.Н. Красавченко. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – С. 109-137.

351. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 144 с.

352. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов; Отв. ред. А.П. Непокупный. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

353. Тимко Н.В. Фактор «культура» в переводе / Н.В. Тимко; Курский гос. университет. – 2-е изд., доп. – Курск: Курский гос. ун-т, 2007. – 161 с.

354. Тимко Н.В. Языковой и культурный барьеры в переводе. Обзор основных трудностей // Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов / Под ред. В.И. Провоторова. – Курск:

Курский гос. ун-т, 2010. – С. 53-58.

355. Тимофеев Е. Высоке Мыто или Високе-Мито? / Е. Тимофеев // *Československá rusistika*. – 1981. – Č. 1. – S. 22-30.

356. Тихомирова В. Гулаг в польском культурном сознании // *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты* / Отв. ред. С. Гжибовский, В.А. Хорев, М. Волос. – М.: Квадрига, 2011. – С. 246-260.

357. Тихомирова Т.С. Польский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем / Т.С. Тихомирова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: АСТ : Восток-Запад, 2006. – 317 с.

358. Тодоров Т.Г. Особенности антропонимической системы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и её передача в болгарском и английском переводах романа / Т.Г. Тодоров // *Русский язык за рубежом*. – 1995. – № 2-3. – С. 84-87.

359. Толстой Н.И. Литературный язык у сербов в конце XVIII – начале XIX века // *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков: Сборник статей* / Под ред. С.Г. Бернштейн. – М.: Наука, 1978. – С. 269-328.

360. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков / Н.И. Толстой; отв. ред. В.Н. Ярцева; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука, 1988. – 237 с.

361. Томашевский Б.В. Русская передача французских имён // *Восточно-славянская ономастика: Сборник статей* / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 251-311.

362. Топер П. Перевод и литература: творческая личность переводчика // *Вопросы литературы*. – 1998. – №6. – С. 178–199.

363. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П.М. Топер. – Изд. 2-е. – М.: Наследие, 2001. – 254 с.

364. Тренков К. Опыт за класификация на по-важните екзоними в славянските езици (български, руски, полски, чешки, сърбохърватски) / К. Тренков // Съпоставително езикознание. – 1989. – № 3. – С. 5-12.

365. Трубицын А. В поисках буквы «л», или путешествие на машине времени / А. Трубицын // Литературная Россия. – 2009. – 25 сентября, №38.

366. Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка = Mluvnické spisovne cestiny: Часть 1: Фонетика-словообразование-морфология / Ф. Травничек; под ред. Н.А. Кондрашова; пер. А.Г. Широковой. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. – 466 с.

367. Тугушева Р.Х. Сопоставительный анализ экспрессивной лексики в близкородственных языках // Исследования по словацкому языку / Сост., отв. ред. Л.Н. Смирнов. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. – С. 179-201.

368. Турилов А.А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики / А.А. Турилов. – М.: Знак, 2012. – 808 с.

369. Тынянов Ю.Н. Литературный факт / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255-269.

370. Тыртова Г.П. Типы буквализмов при переводе на сербский язык // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции / Гл. ред. А.Ф. Журавлёв, Н.Е. Ананьева. – М: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 407-409.

371. Тыртова Г.П. К вопросу о параметрах оценки перевода (на материале хорватско-украинского перевода) // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 21-24 марта 2012 г.): Труды и материалы / Сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров, К.В. Лифанов; Под общ. рук.

М.Л. Ремнёвой. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – С. 253-254.

372. Тюленев С.В. Теория перевода: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 334 с.

373. Тяпко Г.Г. Концепция литературного языка и переводы Библии у сербов, хорватов и словенцев в XIX веке // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков / Отв. ред. Л.Н. Смирнов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002. – С. 196-248.

374. Тяпко Г.Г. Образы консулов и дипломатическая работа в романе И. Андрича «Травницкая хроника (Консульские времена)» (Likovi konzula i diplomatski rad u romanu I. Andrića Travnička hronika) // Г.Г. Тяпко / Andrić-Initiative, Band 7. Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität (Материалы 7 Международной научной конференции, посвященной творчеству Иво Андрича). – Graz, 2014. – С. 539-562.

375. Устьянцева О.Ю. Ономастическая тайнопись М.А. Булгакова / Устьянцева О.Ю. // Начало пути: Сборник научных работ молодых учёных и аспирантов филол. ф-та ВГУ. – Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 163-169.

376. Ушакова А.П. Грамматические формы категории принадлежности в русском и сербском (сербохорватском) языках: Автореф. дис. ... доктора филол. наук / А.П. Ушакова. – Челябинск, 2011. – 58 с.

377. Файер В.В. Имена собственные и этнонимы в «Илиаде» Гнедича // Пушкин и мир античности: Материалы чтений в «Доме Лосева» / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С. 149-156.

378. Факторович Д.Е. Основы теории художественного перевода / Д.Е. Факторович. – Минск: Книгазбор, 2009. – 167 с.

379. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Под ред. А.А. Кретьова. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 140 с.

380. Фененко Н.А. Две стратегии перевода реалий / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация: научный журнал. – Воронеж: ВГУ, 2009. – № 1. – С. 121-128.

381. Феоктистова Е.Е. Некоторые проблемы перевода этнических анекдотов / Е.Е. Феоктистова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород, 2009. – Вып. 5. – С. 85-89.

382. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистический очерк): Учебное пособие / А.В. Фёдоров. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1968. – 398 с.

383. Фёдоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики / А.В. Фёдоров. – М.: Высшая школа, 1971. – 196 с.

384. Фёдоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки / А.В. Фёдоров. – Л.: Советский писатель, 1983. – 352 с.

385. Фёдорова К.В. Межславянская интерференция в переводах поэзии Владимира Высоцкого / К.В. Фёдорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 7. – Ч. 2. – С. 201-205.

386. Флейшер Е.А. Основы прецедентности имени собственного: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Флейшер. – СПб, 2014. – 24 с.

387. Флорин С. Муки переводческие: практика перевода / С. Флорин; [под ред. Вл. Россельса]. – М.: Высшая школа, 1983. – 184 с.

388. Фоменко И.В., Минько О.Н. Имя текста и имя в тексте (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») / И.В. Фоменко, О.Н. Минько // Имя текста, имя в тексте: Сб. науч. тр. – Тверь: «Лилия Принт», 2004. – С. 113-120.

389. Фомичев С.А. «Песни западных славян» Пушкина: История создания, проблематика и композиция цикла // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Сб. ст. к IX Междунар. съезду славистов / АН

СССР, Ин-т рус. лит.; Редкол.: М.П. Алексеев и др. – Л.: Наука: Ленингр. отд., 1983. – С. 130-144.

390. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие / О.И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.

391. Хазагеров Т.Г. Нужно ли переводить фамилии чеховских персонажей? / Т.Г. Хазагеров // Язык прозы А.П. Чехова. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. – С. 100-105.

392. Хелемский Я.А. Чистота звучания: книга о белорусской поэзии и ее друзьях / Я.А. Хелемский. – Минск: Мастацкая літаратура, 1988. – 397 с.

393. Холман М. Личните имена в английските преводи на «Под игото» // Превод и рецепция на българската литература в чужбина и на чуждестранната литература в България: доклади / Отг. ред. Е. Каранфилов. – София: Българска академия на науките, 1989. – С. 294-304.

394. Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык: Библиографический указатель / Всесоюз. гос. б-ка иностр. литературы; Сост. Н.И. Пожарский, М.С. Морщинер, А.В. Паевская, В.Н. Стефанович. – М., 1949. – 204 с.

395. Цепков И.В. Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Цепков. – М., 2015. – 28 с.

396. Чернобров А.А. Прагматические трудности перевода и понимания реалий, содержащих личные имена / А.А. Чернобров // Аспирантский сборник НГПУ-2000. Часть 4. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2000. – С. 94-100.

397. Чуковский К.И. Высокое искусство / К.И. Чуковский. – СПб.: Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. – 448 с.

398. Шаповалова І.В. Принципи «творчого перекладу» (на матеріалі перекладу українською мовою поеми Дмитра Кедріна «Зодчі») // Слобожанська

беседа: матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (6 листопада 2009 р., м. Луганськ) / за ред. проф. К.Д. Глуховцевоп. – Вип. III. – Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2009. – С. 168-172.

399. Шварцкопф Б.С. О социальных и эстетических оценках личных имён // Ономастика и норма / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1976. – С. 47-59.

400. Шерлаимова С.А. К. Гавличек-Боровский – переводчик Гоголя на чешский язык и сатирик // Н.В. Гоголь и славянские литературы: Тезисы международной научной конференции: 10-11 ноября 2009 г. / Отв. редактор Л.Н. Будагова. – М.: ИСл РАН, 2009. – С. 91-93.

401. Шестакова Л.Л. Имена собственные как маркеры национальной культуры в русском поэтическом языке (по материалам «Словаря русской поэзии XX века») // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 92-97.

402. Шетэля В. Паремология текста «Трилогии» Г. Сенкевича в переводе на русский язык / В. Шетэля // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 202-204.

403. Шетэля В. Образные средства выражения в блогах журналистов «Gazeta Wyborcza» (Варшава) / В. Шетэля // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – №2, часть 2. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. – С. 593-596.

404. Шетэля В. «Трилогия» Генриха Сенкевича в русском переводе // «Słowo z perspektywy językoznawczej i tłumacza», Т. VI. Wokół problemów przekładu literackiego / Red. Alicja Pstyga. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016. – S. 27-36.

405. Шетэля В. К истории редкого имени из пантеона канонических святых: Моисей Мурин / В. Шетэля // Преподаватель – XXI век. – М.: МПГУ, 2016. – № 3,

ч. 3. – С.315-320.

406. Шетэля В. В защиту языка: польские авторы XV-XVIII вв. о культуре польской речи // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике 1-3 февраля 2017 г. / Отв. ред. В.И. Аннушкин. – М.: Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 543-548.

407. Шетэля В. О русизмах польских текстов XVI в. (на иллюстративном материале словаря «Słownik polszczyzny XVI wieku») // Русский язык в славянский межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвящённой памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. (г. Москва, 27 февраля 2017 г.) / отв. ред. О.В. Шаталова и др. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 329-332.

408. Шешкен А.Г. Югославская русистика о Михаиле Булгакове // Михаил Булгаков: Современные толкования. К 100-летию со дня рождения. 1891 – 1991: Сборник обзоров / Отв. ред. Т.Н. Красавченко. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – С. 138-152.

409. Шимонюк М. Рассказы А. Платонова в переводе на польский язык // Творчество А. Платонова: статьи и сообщения / отв. ред. В.П. Скобелев. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – С.220-228.

410. Широкова А.Г., Нещименко Г.П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков: Сборник статей / Под ред. С.Г. Бернштейн. – М.: Наука, 1978. – С. 9-85.

411. Шум О.В. Особенности перевода собственных имен в контексте идиостиля переводчика (на материале романа О. Гончара «Собор» и его переводов) / О.В. Шум // Актуальные вопросы современной науки. – № 35 / 2014.

– С. 209-218.

412. Шумилова Е.О. Особенности хронотопа в романе М. Булгакова «Белая гвардия» / Е.О. Шумилова // Филологические записки. Вып. 25. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – С. 258-263.

413. Шур В.В. Анамастычная лексика ў мове беларускай мастацкай літаратуры: Аўтарэф. дыс. ... доктара філалагічных навук / В.В. Шур. – Мінск, 2003. – 42 с.

414. Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е. Эткинд. – М.: Наука, 1973. – 248 с.

415. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова / Е.А. Яблоков. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.

416. Явари Ю.В. Особенности передачи имён собственных на другой язык // Вопросы теории и практики перевода: Сборник статей Всерос. научно-практич. конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2011. – С. 68-75.

417. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы: пер. с англ., нем., фр. яз. / Р.О. Якобсон; предисл. В.В. Иванова; сост. и общ. ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1985. – С. 361-368.

418. Яковенко Т.И. ИмPLICITный смысл онима в тексте (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.И. Яковенко. – Ростов н/Д., 2013. – 18 с.

419. Balcerzan E. Poetyka przekładu artystycznego // E. Balcerzan. Oprócz głosu: szkice krytyczno-literackie. – Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1971. – S. 233-248.

420. Balcerzan E. Literatura z literatury: Strategie tłumaczy / E. Balcerzan. – Katowice: Śląsk, 1998. – 236 s.

421. Blonar V. Teoria vlastneho mena: status, organizacia a fungovanie v spolocenskej komunikacii / V. Blonar. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 1996. –

250 s.

422. Božić R. «Majka Margarita» u prijevodima na ruski jezik / R. Božić. – *Croatica et Slavica Iadertina*. – Vol. X/I. – Zadar, 2014. – S. 231-238.

423. Dąbska-Prokop U. Śladami tłumacza. Szkice / U. Dąbska-Prokop. – Częstochowa: Educatot; Kraków: Viridis, 1997. – 152 s.

424. Ďurčo P. Databáza názvov ulíc na Slovensku / P. Ďurčo // *Vlastné meno v komunikácii: 15. slovenská onomastická konferencia. Zborník referátov*. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 2003. – S. 199-209.

425. Elman J. Problematika překladau vlastních jmen // *Translatologica pragensia II: Materiály V. konference o překladau a tlumočení. 2 část / Vědecký redactor M. Hrala*. – Praha: Univerzita Karlova, 1988. – S. 421-438.

426. Ferencík J. Kontexty prekladu / J. Ferencík. – Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1982. – 152 s.

427. Furdal A. Geonimy w polskim przekładzie “Czasu kobiet” Cristiana Krockowa // *Onomastyka i dialektologia / Pod red. H. Popowskiej-Taborskiej i J. Dumy*. – Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Instytucie Sławistyki PAN, 1997. – S. 113-117.

428. Gary-Prieur M-N. Grammaire du nom propre / M.-N. Gary-Prieur. – Paris: Presses Universitaires de France, 1994. – 245 p.

429. Grosbart Z. Specyfika przekładu w ramach języków słowiańskich // *Poetyka i stylistyka słowiańska / Zredagowała i uwagami wstępnymi opatrzyła S. Skwarszyńska*. – Warszawa: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973. – S. 111-119.

430. Habovštiak A. Apelativizácia rodných mien v nárečiach // *Spoločenské fungovanie vlastných mien: VII. Slovenská onomastická konferencia (Zemplínska šírava 20.-24. septembra 1976): zborník materiálov / zost. M. Majtán*. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 1980. – S. 279-284.

431. Hrdlička M. Překladatelské miniatury / M. Hrdlička. – Praha: Karolinum,

1995. – 82 s.

432. Ignas W. Nazwy wymyślone // Między oryginałem a przekładem. I Czy istnieje teoria przekładu? / Pod red. J. Koniecznej-Twardzikowej i U. Kropiwiec. – Kraków: Universitas, 1995. – S. 199-200.

433. Jahnová E. O překladech české dětské literatury do polštiny a ruštiny // *Translatologica pragensia II: Materiály V. konference o překladech a tlumočení. 2 část / Vědecký redaktor M. Hrala.* – Praha: Univerzita Karlova, 1988. – S. 463-475.

434. Jelínek I. Высоцкий в чешских переводах Я. Моравцовой, М. Дворжака и Радужы / I. Jelínek // *Studia Slavica.* – XVIII, č. 1. – Ostrava: Ostravská Univerzita – Uniwersytet Opolski. 2014. – S. 167-177.

435. Kačala J. Mimosystémové vzťahy vlastného mena / J. Kačala // *Vlastné meno v komunikácii: 15. slovenská onomastická konferencia. Zborník referátov.* – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 2003. – S. 33-37.

436. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation / C. Kerbrat-Orecchioni. – Lyon: PUL, Université de Lyon, 1977. – 256 p.

437. Knappová M. Rodné jméno v jazyce a společnosti / M. Knappová. – Praha: Academia, 1989. – 204 s.

438. Koczur K. Trzeci język w przekładzie (na materiale polskich tłumaczeń powieści Jaroslava Haška “Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války”) / K. Koczur // *Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко.* – М.: Элпис, 2005. – С. 770-776.

439. Kollár D. Vlastné mená v preklade / D. Kollár // *Slavica Slovaca.* – Ročník 35. – 2000, č. 2. – S. 182-187.

440. Kopečný F. Průvodce našimi jmény / F. Kopečný; [úv. stat'] V. Šmílaue. – Praha: Academia, 1991. – 152 s.

441. Korniejenko A. Dlaczego nieprzekładalność jest niemożliwa? // Między oryginałem a przekładem. I Czy istnieje teoria przekładu? / Pod red. J. Koniecznej-

Twardzikowej i U. Kropiwięc. – Kraków: Universitas, 1995. – S. 155-163.

442. Korta K.A. Diabły i wiedźmy w «Mistrzu i Małgorzacie» M.A. Bułhakowa – ich źródła i portrety / K.A. Korta // Przegląd Humanistyczny. – 2001. – Nr. 2. – S. 37-52.

443. Korzenicka-Berczyńska J. Проблемы «безэквивалентной русскости» в польском восприятии: К вопросу о лингвокультурологических лакунах // Ze studiów nad językami i literaturami wschodniosłowiańskimi / Red. nauk. B. Tichoniuk, W. Wilczyński. – Zielona Góra: Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2004. – S. 45-50.

444. Koževnikova K. K otázce významové přesnosti překladu / K. Koževnikova // Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR. – 1956, č. 1. – S. 108-115.

445. Kremzer N. Semantičke relacije na intra-interlingvističkom planu // Teorija i poetika prevođenja / Priredio L. Rajić; Urednik I. Čolović. – Beograd: Prosveta, 1981. – S. 101-118.

446. Kučera C. Název díla jako problem překladatelský // Translatologica pragensia II: Materiály V. konference o překladu a tlumočení. 1 část / Vědecký redactor M. Hrala. – Praha: Univerzita Karlova, 1986. – S. 411-420.

447. Kusá M. Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru / M. Kusá. – Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 2005. – 173 s.

448. Lebedziński H. Elementy przekładoznawstwa ogólnego / H. Lebedziński. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1981. – 161 s.

449. Legeżyńska A. Tłumacz i jego kompetencje autorskie / A. Legeżyńska. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1986. – 244 s.

450. Levý J. České teorie překladu: Vývoj překladatelských teorií a metod v české literatuře, Tom I / J. Levý. – Praha: Železný, 1996. – 273 s.

451. Lewicki R. Konotacja obcości w przekładzie / R. Lewicki. – Lublin: UMCS, 1993. – 203 s.

452. Lichtenberg J. Wenn du einem Griechen die Hand gibst, zähle deine Finger. Zur Benennungsfunktion der Ethnonyme / J. Lichtenberg // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: Элпис, 2005. – С. 539-549.

453. Lunt H.G. A Grammar of the Macedonian Literary Language / H.G. Lunt. – Скопје: Државно книгоиздателство на СР Македонија, 1952. – 287 с.

454. Majtán M. Metódy a pramene heuristického výskumu vlastných mien // Úvod do onomastiky / Red. M. Blicha, M. Majtán. – Košice: Rektorát Univerzity P. J. Šafárika, 1986. – S. 69-76.

455. Makarski W. Adaptacja obcych nazw własnych w tekstach i językach naturalnych // Warsztaty translatorskie = Workshop on translation / Red. R. Sokolowski, H. Duda, K. Klimkowski. – Lublin: Towarzystwo naukowe katolickiego uniwersytetu Lubelskiego; Ottawa: Slavic research group University of Ottawa, 2003. – № 3. – S. 107-127.

456. Mrazović P. Gramatika srpskog jezika za strance / P. Mrazović, Z. Vukadinović. – Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009. – 815 s.

457. Obrębska-Jabłońska A. Transpozycja imion własnych w polskich przekładach “Słowa o wyprawie Igora” / A. Obrębska-Jabłońska // Język polski. – XXXI. – 1951, z. 2. – S. 97-111.

458. Ochniak M. Onomastyka literacka w kontekście interpretacyjnym i translologicznym (Sasza Dwanow jako bohater powieści «Czewengur» Andrieja Platonowa) / M. Ochniak // Studia litteraria Universitatis Jagellonicae Cracoviensis. – Krakow, 2011. – 6 (2011). – S. 143-155.

459. Parandowski J. Autor i tłumacz // Przekład artystyczny: O sztuce tłumaczenia: Księga druga; Praca zbiorowa / Pod red. S. Pollaka. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1975. – S. 253-260.

460. Patráš V. Inojazykové osobné mená v žurnalistycznej komunikácii / V. Patráš //

Vlastné meno v komunikácii: 15. slovenská onomastická konferencia. Zborník referátov. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 2003. – S. 65-73.

461. Perek M. Zabawy z humorem, czyli o tłumaczeniu komizmu // Między oryginałem a przekładem. I Czy istnieje teoria przekładu? / Pod red. J. Koniecznej-Twardzikowej i U. Kropiweic. – Kraków: Universitas, 1995. – S. 193-198.

462. Petr J. Základy slavistiky / J. Petr. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1984. – 143 s.

463. Piecul E. Personennamen in der deutsch-polnischen Übersetzung als Teil der Problematik der Magisterarbeit “Übersetzbarkeit im Bereich der Personennamen” / E. Piecul // Glottodidactica. – Vol. XXV. – 1997. – S. 73-86.

464. Rajić L. O prevođenju s prevoda // Teorija i poetika prevođenja / Priredio L. Rajić; Urednik I. Čolović. – Beograd: Prosveta, 1981. – S. 201-218.

465. Ripka I. Propriá v nářečovej frazeolygii / I. Ripka // Vlastné meno v komunikácii: 15. slovenská onomastická konferencia. Zborník referátov. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 2003. – S. 239-243.

466. Rzepnikowska I. Antroponimy rosyjskiej ludowej bajki magicznej w przekładzie na język polski // Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa / Praca zbiorowa pod red. A. Bogusławskiego i J. Mędelskiej. – Warszawa: Grafart, 1997. – S. 105-111.

467. Rzeźnicka K. Onomastyka “Stepu” Antoniego Czechowa i jej przekład na język polski // Studia russica thorunensia / Redakcja naukowa H. Brzoza, J. Wawrzyńczyk. – Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1994. – T. 2. – S. 57-63.

468. Sabol J. Zvukové ustroenie vlastného mena a jeho komunikačné súvislosti // Spoločenské fungovanie vlastných mien: VII. Slovenská onomastická konferencia (Zemplínska šírava 20.-24. septembra 1976): zborník materiálov / zost. M. Majtán. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 1980. – S. 35-40.

469. Sarnowska-Giefing I. Onomastyka w oświeceniowych przeróbkach i

przekładach satyr Mikołaja Boileau / I. Sarnowska-Giefing // *Poznańskie Studia Polonistyczne; Seria językoznawcza I (XXI)*. – Poznań: Wydawnictwo WiS, 1994. – S. 75-84.

470. Straková V. Překládání a vlastní jména // *Překládání a čeština / Z. Kufnerová, M. Polačková, J. Povejšil a dr.* – Praha: H&H, 1994. – S. 172-176.

471. Šrámek R. Úvod do obecné onomastiky / R. Šrámek. – Brno: Masarykova univerzita, 1999. – 191 s.

472. Tiapko G.G. Lik tinejdžera i svijet odraslih u dječjim romanima Mire Gavrana // *Miro Gavran – prozni i kazališni pisac 2015 / Zbornik radova s Međunarodnog stručnog skupa*. – Nova Gradiška, 2016. – S. 202–214.

473. Tjapko G. Ratni cunami i čovekova ličnost u Andrićevom romanu Na Drini ćuprija [Kriegstsunamis und die menschliche Persönlichkeit im Roman Die Brücke über die Drina] // G. Tjapko / Andrićs Hof., Tošović B. *Grac – Beograd – Banjaluka: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz – Beogradska knjiga – Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske – Svet knjige*, 2015. – S. 205-212.

474. Tokarz B. Zamiast wstępu // *Przekłady literatur słowiańskich. Tom 2, część 1. Formy dialogu międzykulturowego w przekładzie artystycznym / Pod redakcją B. Tokarza*. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2011. – S. 13-21.

475. Tuwim J. Listy do przyjaciół-pisarzy / J. Tuwim. – Warszawa: Czytelnik, 1979. – 500 s.

476. Uhrová E., Uher F. Sprechende Namen in literarischen Texten vom kontrastiven Stnadpunkt aus / E. Uhrová, F. Uher // *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské university. Rada germanisticko-anglistická*. – 1992. – Roč. 41, č. 14. – S. 17-26.

477. Urbanek D. «Mistrz i Małgorzata» według Andrzeja Drawicza czyli o konsekwencjach tłumaczenia dosłownego // *Słowo, tekst, czas: Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej / Pod red. M. Aleksiejenki*. – Szczecin, 1996.

– S. 285-291.

478. Valenhrach-Schaefer B. Transkripcia cudzích vlastných mien ako problém umeleckého prekladu / B. Valenhrach-Schaefer // Slovenská reč. – Roč. 56, 1991. – Č. 2. – S. 100-106.

479. Vilikovský J. Preklad ako tvorba / J. Vilikovský. – Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1984. – 238 s.

480. Zabolotnaya S. Ways and strategies of proper names presentation in works of literature translated into Slavic languages / S.A. Zabolotnaya // Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Modern linguistic and methodical-and-didactic research. – 2012. – Issue 2 (18). – P. 132-139.

481. Zdražil L. Osud jménem Bílá garda // Bulgakov M. Bílá garda / Přeložila A. Morávková. – Praha: Lidové nakladatelství, 1989. – S. 317-325.

482. Žemberová V. Meno postavy a textotvorné postupy v próze / V. Žemberová // Vlastné meno v komunikácii: 15. slovenská onomastická konferencia. Zborník referátov. – Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 2003. – S. 289-296.

483. Živanović Dj. Granice możliwości w przekładzie // Przekład artystyczny: O sztuce tłumaczenia: Księga druga / Praca zbiorowa pod red. S. Pollaka. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1975. – S. 367-379.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Беринда Памво. Лексикон словеноросский (1627) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/berlex/be.htm>.
2. В.Т. и др. Пушкин в Чехословакии [Электронный ресурс]. – 1936. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/serial/vr1/vr123881.htm>.
3. Гусев В.Е. Пушкин и Вук Караджич [Электронный ресурс]. – 1991. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v91/v91-029-.htm>.
4. Дигитален речник на македонскиот јазик: со правопис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://makedonski.info>.
5. Заболотная С.А. Ономастическая образность как проблема славяно-славянского художественного перевода [Электронный ресурс] // Jazyk a kultúra: Научный интернет журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения Философского факультета Прешовского университета в Прешове. – Ї. 16/2013. – Режим доступа: http://www.ff.unipo.sk/jak/rus/aktualnecislo_r.html.
6. Зинин С.И. Введение в поэтическую ономастику [Электронный ресурс] / С.И. Зинин. – Режим доступа: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html>.
7. Измайлов Н.В. Мицкевич в стихах Пушкина. (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») [Электронный ресурс]. – 1975. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/izm/izm-125-.htm>.
8. Колчакова А. Перевод авторской песни Владимира Высоцкого на болгарский язык [Электронный ресурс]. – Образователен форум. София, 2007. – Режим доступа: <http://www.wysotsky.com/wysotsky/0006/018.htm>.
9. Левицкий Р. Собственные названия как переводческая проблема [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://institutperevoda.ru/upfiles/php2IeVHf.pdf>.

10. Липатов А.В. Польская литература [XVII в.] [Электронный ресурс] – 1987. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/iv1/v14/v14-2903.htm>.
11. Мицкевич А. «Apologi cztero-wierszowe» z dzieł I.I. Dmitriewa, z rosyjskiego na polskij język przetłómaczone przez Bogusława Reutta («Апологи в четверостишиях», соч. И.И. Дмитриева, переведенные на польский язык Богуславом Реутом) [Электронный ресурс]. – СПб., 1827 г., в тип. К. Края, in 16, 123 и IV стр. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vpk/vpk-3112.htm>.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
13. Переводы «Слова» и литература о нем на языках народов мира [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 томах. – 1994. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/slovinc/es/es4/es4-0231.htm>.
14. Речник српског језика [Электронный ресурс] // Српска дигитална библиотека. – Режим доступа: <http://www.srpskijezik.com>.
15. Сквіра Н. «Мертві душі» Миколи Гоголя в українських перекладах [Электронный ресурс] // Гоголівський «Вісник ЧНУ». – Режим доступа: <http://www.kulck.ua/files/zbirnuk-3.pdf>.
16. Словацкий календарь: Праздники, именины [Электронный ресурс] // Словацко-русский портал. – Режим доступа: <http://slovník.org/meniny.html>.
17. Словацко-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovník.org>.
18. Станкевич Р. Янка Купала, Якуб Колас и Максим Богданович в Болгарии [Электронный ресурс]: Электронно издание. ЕИ «LiterNet», Варна. – Първо издание, 2005. – Режим доступа: http://litenet.bg/publish16/r_stankevich/belarus/content.htm.
19. Стойчев И.К. Йоаким Груев – первый болгарский переводчик и биограф

Пушкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is3/is3-461-.htm>.

20. Тиме Г.А., Данилевский Р.Ю. Новый перевод «Евгения Онегина» на немецкий язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v83/v83-155-.htm>.

21. Тихомирова Т.С. Польский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.slavcenteur.ru/Proba/ucheba/kursy/Tihomirova_PolskijJazyk.pdf.

22. Щерба Л.В. Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий [Электронный ресурс] // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – [Т. I]. – № 3. – С. 118-126. – Режим доступа: <http://www.feb-web.ru/feb/izvest/1940/03/403-118.htm>.

23. Brückner A. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku (dziś i lat temu trzysta): Szkic literacki [Электронный ресурс]. – Lwów: Nakładem księgarni H. Altenberga; Warszawa: Księgarnia pod firmą E. Wende i spółka, 1906. – 94 s. – Режим доступа: http://pl.wikisource.org/wiki/O_literaturze_rosyjskiej_i_naszym_do_niej_stosunku_dziś_i_lat_temu_trzysta.

24. Čekajući Martina... [Электронный ресурс] // Znak Sagite: Više od fantastike. – Режим доступа: <http://www.znaksagite.com/diskusije/index.php?topic=1346.150>.

25. Diskuse: Michail Bulgakov. Mistr a Markétka [Электронный ресурс] // Literatura: O literatuře v celém světě a doma. – Режим доступа: <http://www.iliteratura.cz/clanek.asp?polozkaID=16755>.

26. Encyclopedia PWN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://encyklopedia.pwn.pl>.

27. Imiona [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imiona.artykul.com.pl>.

28. Imiona świata [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imiona.info>.

29. Języki słowiańskie: Transkrypcja a transliteracja [Электронный ресурс] //

Forum Tłumaczy mLingua. – Режим доступа: <http://forum.mlingua.pl/archive/index.php/t-20901.html>.

30. Kalendar: Meniny Česko [Электронный ресурс] // Zoznam slovenského internetu. – Режим доступа: <http://calendar.zoznam.sk/nameday-skczhor.php>.

31. Seznam.cz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.seznam.cz>.

32. Slovenský synonymický slovník [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovník.azet.sk/synonyma>.

33. Slovník.sk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovník.azet.sk>.

34. Słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sjp.pl>.

35. Stokić T. Oblici i vrste prevođenja u istoriji prevodilaštva: Stručni rad [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.ffuis.edu.ba/media/publikacije/radovi/2012/06/04/57_Tijana_Vasiljevic.pdf.

36. Štartuje «Georgievská stužka – 2010» [Электронный ресурс] // Slovensko-ruská spoločnosť. – Режим доступа: http://www.srspol.sk/politika/politika/tartuje_8222georgievsk_stuka_-_20108220.

37. Wolnicz-Pawłowska E. Nazwy własne w przekładzie. Zarys problematyki [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pressto.amu.edu.pl/index.php/psj/article/download/621/543.